Александра Васильева

Глазами маски

Москва
2017

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,4
Г14

Васильева А.
Г14 Глазами маски / Александра Васильева. – М., 2017. – 632 с.

ISBN 978-5-00095-

Александра Васильева пишет в жанре «эзотерического фэнтези», что заметно выделяет ее книги из общего ряда мистической литературы.

События, описанные в романе «Глазами маски», не имеют точного времени и четкой географической локации. Время и место размыты. Перед нами – сцена театра, в составе звездной труппы – молодые талантливые актеры. Именно им предстоит стать ключевыми фигурами в таинственной игре, на кону которой – мир первоначала. Привычная сцена превращена в часть игрового поля, а каждому из участников назначена дополнительная роль. Носить маску свойственно многим, но что если кому-то все же удается выдать ее за собственное лицо? Чем закончится эта игра, и кто из героев выдержит назначенные ею испытание? Загадка разрешится лишь в конце.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6,4

ISBN 978-5-00095- © Васильева А., 2017

«В своем воображении я свободен рисовать как художник. Воображение важнее знания. Знание ограничено. Воображение охватывает весь мир».

«Есть два способа жить: вы можете жить так, как будто чудес не бывает, и вы можете жить так, как будто все в этом мире является чудом».

Альберт Эйнштейн

От автора

Скорее всего, наша жизнь была бы совсем неинтересной, не найдись в ней место игре. Бесцветные лица, бесцветные дни и годы и бесконечная продолжительность всегда одинаковых, с редкой вариацией событий. Каждый человек, приходящий в этот мир, обладает обязательным талантом, дающимся ему от рождения. Он – художник, способный раскрашивать свою реальность в угодный ему цвет. Лишь под искаженным углом зрения мы можем различить сокровища собственной души, убедив себя в существовании испытываемых чувств. Наш жизненный опыт тем ярче, чем ярче краски в палитре воображения. Привычные пейзажи, дома, улицы, встречные, где-то, когда-то знакомые люди, всё чудесным образом преображается, как только мы начинаем пользоваться врождённым талантом. Игра! Самообман? Нет, – образ жизни. Жизни, которую выдумываешь заново, вопреки её философскому равнодушию.

Эта книга о том, что можно захотеть увидеть сквозь нагромождения современности, присущие ей правила и законы, сквозь всё то напускное, напрасное, за что подчас мы так отчаянно боремся и, проиграв, опускаемся ниже дозволенного, вешая себе на спину ярлык «неудачник». Что можно увидеть… или всё-таки – вообразить? Решать читателю.

Мифотворчество свойственно людям, не богам. Впрочем, мир так давно живёт в одиночестве, стоя лицом к миллиардам точно таких же лиц, что мнить или сравнивать себя с создателем вошло у него в привычку. Нельзя же просто встать в этот огромный ряд и крикнуть, к примеру: «Я один из 12 081 985…Занимайте за мной!» Это уж слишком! А потому человек выходит из ряда, бросает табличку со своим номером и начинает воображать. Тут и происходит самое интересное. Люди – все разные, и потому, что вообразит о себе отдельный индивид, отрёкшийся от своего номера, предсказать невозможно: у каждого стоящего в длинной очереди рождённых – свой вариант. Вариант мифа о собственной жизни.

Предисловие
(Разговор автора с читателем)

Читатель:
Рисуете?

Автор:
Обычно – словом, но случаем – карандашом.
Покоя не даёт один мне образ.
Его рисую я,
Его чертами наделить стремлюсь.

Читатель:
Кто ж он?
Герой, должно быть, вашей книги?
Хотя б намеком осветили, иль именем, быть может, нарекли?

Автор:
Эль – имя гордости моей.
Эль – имя моей тайны,
Желания молитвенных ночей.
Теперь довольно вам?

Читатель:
Вы предлагать замки взялись, которым нет ключей…
Откройтесь до конца, каков собой злодей?

Автор:
Злодей?
Кто вам позволил так его осквернить земным надменным поруганьем?
С чего решили вы героя очернить?
Того не следовало из названья!

Читатель:
Яд критики течёт из знаний.
Не бойтесь, я вас им не отравлю.

Автор:
По-вашему, я за попытку опасаться стану?
Я вас уже за то, что вы меня хотите прочитать, люблю.
От критики спасенья нет,
А защищаются лишь те, кто слабы.

Читатель:
От ревности своей вы, видно, защищаться стали.

Автор:
От ревности к кому?
Вы разберитесь, что к чему!
И кто из нас – с пробитым сердцем.
Зеркальным отражением проекций
Не приписать ко свету тьму!

Читатель:
Одно другому что же, не к лицу?
Да я и не посмел бы…

Автор:
Читатель мой,
Преступную любовь творца к творенью своему
Ты разглядеть во мне сумел, я разумею?

Читатель:
Оставим.

Автор:
Нет, позвольте.
Да, я люблю.
И отчего же не любить глаза, душа, в которых плещется едва ли?
Загадку? Этот омут счастья? Огонь?

Читатель:
Так вот каков герой,
Черты которого вы от меня скрывали!
В огне вы совершенство отыскали?
Спешу вас разуверить, автор мой!
Огонь –
Он к жизни холоден и к смерти равнодушен.
Страстям земным он аналогией является простой,
И только.
Но ведь это скучно.

Автор:
Читатель, брось, не будь лукав.
Ты голос его тронь, ты вслушайся в огонь!

Читатель:
Едва ли между строк есть аудиолента…

Автор:
Не сложно отыскать!
В звучанье этом,
В одном сплетении усилия с дыханьем
Приют найдет игра и сон.

Читатель:
Но ведь – не жизнь.
Я догадался!
Он – миф, обманутый в своём существованьи!

Автор:
А я – его напрасное дыханье…
Ты прозорлив, читатель мой.

Читатель:
Вам хочется блуждать по зазеркальям

И за собой других водить, дразня непониманьем!
И под угрозою изгнанья, наверное, уж к пониманью принудить.

Автор:
Как расписали!
Дать в руки Ариадны нить хочу лишь.
А в лабиринте как-нибудь уж сами!

Читатель:
Я не уверен в том, что сил достанет…

Автор:
О, вы, читатели мои,
К вам призываю:
Не палачи,
Разумны, сдержанны, строги,
Но вам рубить с плеча да не пристало!

Читатель:
Не обобщайте:
«Я» – не «вы».
Из множеств «вы» лишь я один в стихах и восхищаюсь вами,
Но много знаю тех, кто уж рубил!

Автор:
Всего один?

Читатель:
Увы.

Автор:
В том вашей нет вины.
Ведь, право, и не прочитаешь, враз не увлёкшись вымыслом моим.
Хоть боязно и сознавать в портрете нарисованного им,
Холста перечеркнуть меня уж не заставить.

Читатель:
Зачем же страхи вы свои признали?
Бесценной одарённости простителен обман.

Автор:
Не верно:
У одарённости всегда имеется цена,
И та, как правило, стоит в начале.
Обман же свойственен, скорее, вам.

Читатель:
А вам?

Автор:
А мне – самообман.

Читатель:
И это ли не гениально!
Вы разыгрались!
Теперь лишь зрителей задействовать осталось.
Свет меркнет, занавес неслышно сцену обнажает.

Автор:
Что ж, – за прекрасное начало.

Читатель:
Однако за терпение своё я опасаюсь:
Такие страсти, на земле, на небе,
Вы льёте краски, зная о сюжете.
Вам пять сезонов, как пять вздохов, –
Подпись слева.
Но у читателя ведь нервы,
Делу – время!
Как долго ждать нам заключительных пересечений?
Развязка скоро ль?
Скоро ль объяснение значений?

Автор:
Нам?
Вот вы и в сборный образ стали попадать!
Развязка?
Развязка – скорбный труд!

Читатель:
Однако, ждать её?

Автор:
К концу, я разумею.

Сезон 1

Пролог

В подземном переходе торопливо сновали люди. Осенняя сырость путалась под ногами. Около стены стояли четверо музыкантов. Их необычная игра способна была притянуть даже самый непритязательный слух, но только не сегодня. То ли место оказалось неподходящим, то ли людские заботы в этот день слишком не терпели отлагательств, – задерживающихся послушать было ничтожно мало. Без сомнения, играй музыканты на большой сцене под модным названием, те же прохожие отложили бы свои нужды и потратили бы последние деньги, чтобы купить билет. Но это были неизвестные молодые люди в потрёпанных одеждах, наводивших на мысль об их бедности. Все четверо молчали, изредка переглядываясь. Одного роста, одного возраста, они на первый взгляд походили друг на друга, как братья. Однако, приглядевшись, можно было заметить, что их сходство лишь в одинаковом – отрешённом – выражении лиц. Один из них, крайний слева, играл на флейте. Одетый в тёмно-синий фрак, он время от времени блаженно закрывал глаза, погружаясь в звуки. Оставшиеся трое изысками в одежде не отличались. Второй слева был в потрепанной куртке и такой же кепке, из-под которой выглядывали чёрные глаза. На его смуглом лице они казались двумя шевелящимися жуками, что никак не могут взлететь. Сидя спиной к стене, он отстукивал на барабане четкую дробь. Тот, что стоял рядом, играл на трубе, тонкие черты его лица, обрамлённые светлыми волосами, подчёркивала злая напряжённая улыбка и такой же взгляд. Крайний справа перебирал струны старой облупленной гитары, на которой были выжжены переплетённые между собой змеи. Весёлые круглые глаза его светились счастьем. В мягкой бороде пряталась доброта. Бродячий квартет доигрывал последние аккорды очередного шедевра, как вдруг на другом конце перехода раздалась ещё одна мелодия, своими чудодейственными красками стараясь влиться в их затихающую музыку. Добрый гитарист отдёрнул руки от струн, флейтист и трубач отвели инструменты от лиц, и только барабанщик продолжал стучать. Становясь громче, смелее, чужеродная мелодия наконец рванула, потопляя всё на своём пути: безучастных прохожих, осеннюю сырость. Барабанщик поднялся, чёрные жуки его глаз уставились в заполненный людьми длинный проём, словно стараясь рассмотреть музыканта на том конце.

– Игра началась, – произнёс он.

Глава 1

Огненный колодец

Тёмный тоннель, глубоко уходящий под землю, едва угадывался среди зарослей неухоженной дикой природы. Каменное его основание выступало из земли мощным бордюром, напоминая колодец. Однако форма привычного кольца, сломанная под чёткими углами, делала эту ассоциацию неточной. Сохраняя поверхность идеально гладкой, на краю шестигранного монолита лежала капля. Переливая в себе все краски света, она казалась полноценной единицей жизни, миром с запрятанной внутри вечностью. Сколько нужно времени воде, чтобы выточить угодную ей форму? Капля лежала в небольшом углублении, от которого тянулись тонкие трещины будущего разлома. По ним, как по венам, из глубины колодца текла темнота. Плотная, душная, лишающая страха и даже умения мыслить. Никаких дуновений влаги, только странное потрескивание, доносящееся со дна. Сильный порыв ветра отколол камень от края, и тот с грубой тяжестью полетел вглубь колодца, в змеиных изгибах касаясь гранёной вертикали. Камень падал всё ниже и ниже, оставляя за собой след гулкого эха, но внезапно всё стихло. Вспыхнул свет – по стенам пробежала, шестикратно изламываясь, непонятная тень. – Зачем ты следишь за нами? – отчеканил механический голос.

Ответа не было.

– Это ведь ты, Гилт? – повторился холодящий вопрос. Новые звуки оттолкнулись от стен. И опять всё стихло, пропало. Начала нарождаться прежняя тишина, заполняя повреждённое пространство, но вот пойманный камень полетел дальше, вглубь колодца. Тишина раздраженно расступилась, пропуская его вперёд, давая звуку немного упасть, и затем унеслась, преследуя, ловя на лету, пока наконец не проглотила.

– Боишься сломать предательские крылья? – У этого механического голоса не могло быть смеха, но в сказанных словах угадывалась ирония.

И опять – плотная тишина. Долгая, пронзительная, и в ней – едва уловимый стук. Постепенно стук этот усиливался, нарастал, словно бы приближался. Однако он не посмел перебить темноту, и приблизившись, начал пропадать. Тихий, размеренный, он едва улавливался вновь. Ещё одна

вспышка света, искрящегося серебряного света, – тень взмыла вверх.

Все взгляды были устремлены на сцену. Сегодняшняя премьера привлекла в театр большое число зрителей: выступал один из лучших актеров современности, подававший, как считали многие заядлые театралы и критики, надежды бессмертным векам. Звали его Азраил. Хотя помимо Азраила в пьесе было задействовано много других актёров, к его игре относились с особым вниманием. Напряжённое, оно скользило по залу.

– О тайный свет великого прозренья,
Я у тебя отмщения прошу.
О, покарай меня восхода промедленьем,
Чтобы одной минутой дольше я жизнь глотал,

И умер бы теперь,
Теперь, не в то мгновенье счастья,
Когда я смерть молил меня поцеловать!
Как мимолётна жизнь,

Как долговечен миг,
В котором, всё не перестав дышать,
Я смерти жду!

Открытое лицо, выразительные глаза, тонкие, словно нарисованные брови, светлые волосы – всё это придавало актёру некое сходство с фарфоровой куклой, добавляя неуловимой хрупкости.

– Искусство лгать есть истина немая!
Вся правда ложью обернётся на словах.
Неправдой горд отшельник рая,
Но тот, кто правдой нем, не ада ль сын?

«Роль влюблённого дьявола, безусловно, близка мне, но кто приписал ему столько благородства, душевного подвига, столько страданий? Какое неистовое пламя жжёт его душу. Ни один человек не способен выдержать подобного. И с чего я взял тогда, что эта роль мне подходит?» – мысленно рассуждал Азраил, произнося монолог.

– Вы звали нас, милорд? – Нарушил тишину механический голос.

– Вы нашли его? – раскатились в ответ сотни, тысячи голосов, целый хор голосов.

– Да, милорд… – покорно прозвучало в ответ.

– Так принесите же! – зловеще грянуло со всех сторон.

Равномерный стук, похожий на поспешные шаги, мгновенно удалился.

– Огня, огня… – стонало страшное эхо.

Именно от этого гулкого многоголосья, пробившего наконец плотную темноту, возник огонь. Оранжевым столбом взметнулось пламя, осветив душное пространство. Стены колодца были ярко-красного цвета. Бесконечная высота, протяжённость вертикальных линий – и обжигающий свет. Распространяясь по чёткой спирали, оранжевый огонь, чьи кольца походили на змеиные, поднимался по стенам колодца всё выше и выше. Языки его пламени напоминали морды страшных существ. Они то и дело скалили зубы, рычали и лаяли друг на друга, выплёвывая искры. Хищная пружина растягивалась, тянулась вверх, пока вдруг не остановилась. В том месте на стыке двух граней возник разлом. Мгновение – и он превратился в небольшой проход. Стены колодца, подобно податливому материалу, легко обогнули новое пространство, даже не обозначив углов. Через него на огненную лестницу въехал необычный экипаж. Он был похож на спешно сколоченный ящик, к которому приделали колёса. В ящике мёртвым грузом лежало что-то завёрнутое в лоскут чёрной материи. За экипажем двигались две тени. Как только они ступили на огненную лестницу, проход в стене затянулся, и живой огонь продолжил своё восхождение. Послышался знакомый стук. Этот звук неизменно сопровождал полупрозрачные тени. Те перемещались по воздуху, и шагами его назвать было нельзя, так как ног эти тени не имели, да и стуком сердец тоже нельзя было назвать: вряд ли у теней могут быть сердца.

– Милорд, вот то, что вы просили. – Они обступили с двух сторон подвижный ящик.

– Сюда! – раздалось эхо тысячи голосов.

Тени подлетели к тому месту, которое не трогал свет от огня. Это был некий концентрат той темноты, что ещё недавно заполняла гранатовый колодец. Она слепилась в форму бутона. Ни одна струйка огненного света не могла проникнуть внутрь цветка, так сильно он сжимал лепестки.

– Мантию! – грянуло изнутри цветка.

Тени начертили на яркой стене большой прямоугольник, сорвали его

с гранатовой плоскости и протянули в чёрную сердцевину. Один взмах – и шёлковый звук разорвал лепестки бутона, цветок раскрылся. В его центре бил кровавый гейзер, разбрызгивая алые капли. Несколько оранжевых искр упало на чёрные лепестки, и по ним начал расползаться змеиный огонь. Прожигая насквозь, он словно перерисовывал их на свой лад, и через мгновение это были уже не лепестки, а крылья летучей мыши. С мягким шелестом они взмыли вверх и вскоре исчезли из вида. Другая пара лепестков начала скручиваться в трубочки, тянуться, извиваться, превращаясь в стебли вьющихся растений. Стебли эти ползли, цепляясь за стены чёрными усиками, всё выше и выше, пока их не поглотил огонь. Оставались ещё два лепестка. С зеркальной симметричностью чуть заметно трепетали они у подножья кровавого гейзера, словно тени на воде. Но вот и они, пронизанные светом, наконец разбились, забрав с собой последнее напоминание о глухой темноте. Внезапно падающий поток замер, капли застыли в движении. Вода превратилась в материю, струи – в складки. Кровавые, они ниспадали шёлковыми лоскутами. Мантия была сложена так, что казалось, покрывала тело какого-то существа, однако на месте, где должна была быть голова, ничего не было, ворот окаймлял невидимую шею.

– Верни мне боль мою и скройся!
Мы с ней наедине судьбу разделим!
Величие отринув, демон перед тобою на коленях,
Так узри!

Азраил упал на колени. Минутное молчание. Мысли продолжали путаться. – «Разменивая жизнь на красивые акты, я готов умереть в своей роли, лишь бы нож оказался настоящим орудием смерти…» – театральная пауза оборвалась:

– Ты прости меня, бог, и рази прямо в сердце,
Чтоб не билось оно тленной жизнью в груди.
Под прохладным покровом ночной вселенной
Бей безжалостно, ты победил!

«Вот и всё, мои последние слова… Сейчас – аплодисменты». Азраил не любил аплодисментов и света, что зажигали после последнего действия: на их волнах он переплавлялся в обычную жизнь, наигранное таинство разбивалось в мелкие осколки. Азраил считал их слезами на лицах зрителей. Стоят ли эти слёзы мучительной игры актёра, болезненной инъекции,

вживающейся в душу, стоят ли они того, чтобы им искусно созданный мир вдруг исчез, погребённый под грубым шумом благодарных рук? Ответа Азраил до сих пор не знал. Но вот электрический поток облил его с ног до головы, вырвав из уютного мрака, и тогда он застыл в мыслях, невольно переключившись на всю пятизначную физику человеческих ощущений. Азраил чувствовал, как по затекшим ногам побежала дрожь. Он встал с закрытыми глазами, сделал несколько шагов к краю сцены, наконец, открыл глаза – и увидел всё то, о чём думал недавно: аплодирующих людей, на их лицах уже высохли слезы. – «Наверное, от этого жуткого света», – равнодушно подумал он. Но вот что было непонятным: в этот раз Азраил именно видел аплодисменты, но никак не слышал их. Он вообще ничего не слышал. Глухие толчки где-то на уровне горла шевелили затекший разум колючей болью, которую хотелось проглотить. «Что со мной?» – брезгливо и как бы между прочим подумал Азраил. Ему было жаль отвлекаться от прежних мыслей на эту новую.

Занавес опустился. Картина благодарности опять ожила в звуке и неприятно ударила по вновь включившемуся и оттого болезненно обострённому слуху. В гримёрке заиграла знакомая мелодия телефона. Азраил хотел пошевелиться, но ноги не подчинились желанию. Из груди его вырвался сдавленный стон.

– Азраил, что с тобой? – Ему навстречу выбежала девушка в белёном парике и мятом кринолине.

Азраил не ответил.

– Азраил! – вскрикнула она уже откуда-то с поверхности погружавшегося в шумный круговорот сознания. – Азраил! – Ещё раз, ещё; голос её становился всё тише.

Стены небольшого дома были выкрашены нелепой серебристой краской. Сходившиеся к крыше под углом, они создавали иллюзию свода. Среди высотных зданий с застеклёнными глазами и модными вывесками эта постройка выглядела странно. Погода стояла тёплая, и окна в доме теперь были распахнуты. Перед ними в квартире нижнего этажа сидела девушка, шепча что-то про себя. Она сжимала в пальцах нераспечатанный конверт и казалась далёкой от происходящего. Надвигавшийся дождь распугал всех прохожих. Опустевшие улицы нагнетали душную тишину. Зачастивший в этом месяце со своим внезапным появлением осенний ливень уже начинал шевелиться, роняя беспокойные капли. Девушка закрыла окна, за которыми вот-вот должна была развернуться стихия, и надорвала конверт, вынув из него письмо. Сперва она мысленно пробежала половину листка, открыв

глаза на середине. Пара попавшихся наугад слов её успокоила, и она принялась читать сначала.

Отдававшие холодом серые глаза, прямой нос, аккуратный маленький рот, бледная кожа и светлые, будто бы выцветшие, волосы, делали её непривлекательной, почти что некрасивой. Говорить же о красоте тут надо было, пересматривая и переписывая все её веками складывавшиеся законы. Но так как никому говорить о красоте таким образом не приходило в голову, все, кто хотя бы мельком видел Заретту, разочарованно опускали глаза, упрекая природу в непростительном отсутствии энтузиазма.

Заретта прочла письмо до конца. Потупленный взгляд и ледяное спокойствие в сочетании с улыбкой на бледном лице немного пугали. Проходя мимо незаконченной картины, висевшей среди прочих на стене, девушка остановилась, глядя в незаполненное пространство холста: было в нём что-то притягивающее. За окнами с упрямым напором происходило обычное действо осени – город принимал прохладный душ.

Красная Мантия переливалась тягучей теплотой живой краски. В тяжёлых струях, складках этой блестящей материи виднелись прорези для рук, монарших рук, что собрали в один кулак всю свою власть, а в другой – жалость; и было бы не так жутко, если бы руки эти, страшные, ужасные, с когтями, слипшейся от крови шерстью, действительно были – но их не было. Вместо этого из прорезей Мантии с невозможной правдоподобностью выглядывали бутоны нежных роз. На заострённые их лепестки падали оранжевые искры, но розы не воспламенялись, распускаясь в пышные цветки одного цвета с пламенем. Прозрачные тени отпрянули в сторону. Под красной Мантией возник другой мир. Раскрашенный насыщенными цветами, зримый, но едва ли доступный, он был отделён от жаркого пламени прозрачной перегородкой. Необычный ландшафт, с хрустальной зелёной травой и жемчугом вместо песка. Крупный, мелкий, круглый и причудливых форм, он был насыпан в виде небольших горок, что окаймляли янтарное озеро. Зеркальная водная гладь сверкала наподобие отражённого солнца.

Тени замерли, покорно ожидая.

– Где он? Я хочу его видеть! – рванило, отскочив от высоты колодезных стен.

Тени с чёрным свёртком подлетели ближе. Как пара заводных кукол, двигались они синхронно, и каждый жест одной повторяла другая. Голоса их звучали одинаково. На туманной отрешённости отсутствующих лиц застыла печать угодливости. В груди полупрозрачных плащей, похожих на

ожившие вещи, как раз там, где у людей находятся сердца, бились, стучали метрономы. Назад, вперёд, назад, вперёд перемещались тяжёлые стержни. Тени опустили свободные рукава, и сверток рухнул на затуманенный лёд.

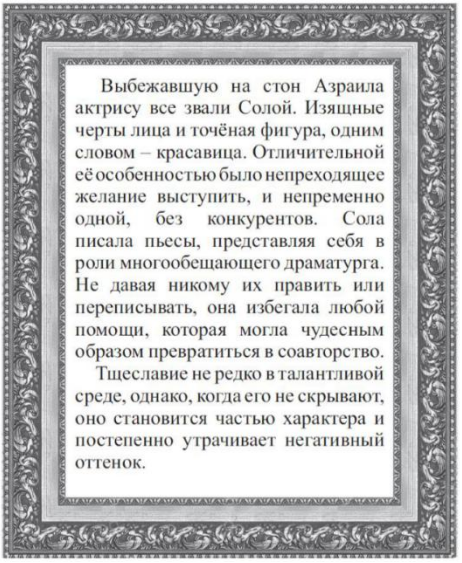
Глава 2

Премьера

– Моей любви полуденное солнце…
Мне душу распяли,
Как Божьему сыну когда-то жизнь распяли под небом…
Всё для тебя,
Без тебя моё сердце пустое…
Я один – никому не известный осколок жизни извечной,
Здесь, на земле в трухлявый тлен обращусь…

– бормотал Азраил, лёжа с закрытыми глазами на полу маленькой комнаты, интерьер которой составляли многочисленные стулья и ширмы.

Такого не было в роли, – тревожно проговорила девушка. Локоны её белёного парика разметались по спине и плечам.

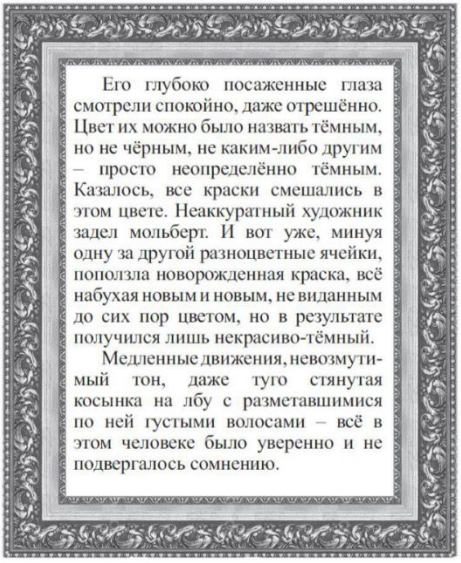


Выбежавшую на стон Азраила актрису все звали Солой. Изящные черты лица и точёная фигура, одним словом – красавица. Отличительной её особенностью было непреходящее желание выступить, и непременно одной, без конкурентов. Сола писала пьесы, представляя себя в роли многообещающего драматурга. Не давая никому их править или переписывать, она избегала любой помощи, которая могла чудесным образом превратиться в соавторство.

Тщеславие не редко в талантливой среде, однако, когда его не скрывают, оно становится частью характера и постепенно утрачивает негативный оттенок.

Сола сидела на полу рядом с Азраилом и задумчиво смотрела на его закрытые глаза. Заботливое беспокойство жаром разбрасывалось по её лицу.

– Азраил бредит, – догадался парень в костюме лучника, незаметно подошедший к ней. Он перестал размешивать сахар в уже успевшем остыть чае и уставился на Азраила.



Его глубоко посаженные глаза смотрели спокойно, даже отрешённо. Цвет их можно было назвать тёмным, но не чёрным, не каким-либо другим – просто неопределённо тёмным. Казалось, все краски смешались в этом цвете. Неаккуратный художник задел мольберт. И вот уже, минуя одну за другой разноцветные ячейки, поползла новорожденная краска, всё набухая новым и новым, не виданным до сих пор цветом, но в результате получился лишь некрасиво-тёмный.

Медленные движения, невозмутимый тон, даже туго стянутая косынка на лбу с разметавшимися по ней густыми волосами – всё в этом человеке было уверенно и не подвергалось сомнению.

– Замолчи, Хэпи! И откуда ты только берёшься со своими убийственными репликами! – выкрикнула Сола.

– А что? Роль-то он отыграл, – не меняя тона и выражения лица,

заметил тот, опустившись на пол рядом с Солой, – и какую роль… Это были яркие краски, Азраил, – он похлопал неподвижного Азраила по плечу. – Я видел, как текли слёзы по растроганным лицам, перемешиваясь с падающим светом, цветные слёзы… – Хэпи хотел продолжить, но Сола окатила его таким презрительным взглядом, что он предпочёл отдалиться на безопасное расстояние, предварительно отпив пару глотков для демонстрации своего равнодушия к её эмоциям.

Молодой человек в монашеской рясе и с тяжёлым железным крестом в руках появился в дверях:

– Что у вас тут происходит?

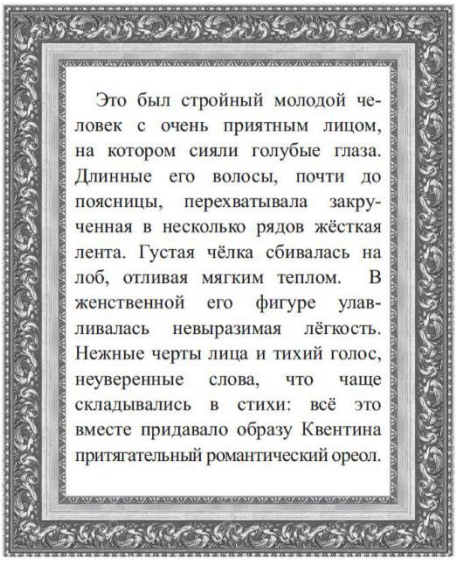
Не в меру плечистый, с крупными чертами лица и кротким взглядом, он был похож на взрослого ребёнка. Однако, заставляя всё вокруг вибрировать, голос его звучал басом, напоминая церковный колокол, что отдавал гулом в словах. Неторопливая речь и тяжёлая поступь странным образом сочетались с добродушной улыбкой и мягким характером. Ряса и крест вовсе не создавали, а лишь дополняли и без того колоритный образ. Впрочем, быть может, Верти просто был хорошим актёром, подолгу не выходившим из роли?

– Оставь ты его, Сола, пойдём: в последнем действии Азраила нет, а вызывать в конце начнут, так его отсутствие и не заметят.

– Это Азри-то не заметят? Что ты, Верти, мы не можем вот так его бросить! – Беспокойство Солы становилось навязчивым.

Верти пожал плечами, повертел в руках крест и куда-то пропал.

– Что вы тут расшумелись? Спектакль-то ещё не кончился… – с почтительной расторопностью произнёс высокий юноша, заглянув в комнату.


Это был стройный молодой человек с очень приятным лицом, на котором сияли голубые глаза. Длинные его волосы, почти до поясницы, перехватывала закрученная в несколько рядов жёсткая лента. Густая чёлка сбивалась на лоб, отливая мягким теплом. В женственной его фигуре улавливалась невыразимая лёгкость. Нежные черты лица и тихий голос, неуверенные слова, что чаще складывались в стихи: всё это вместе придавало образу Квентина притягательный романтический ореол.

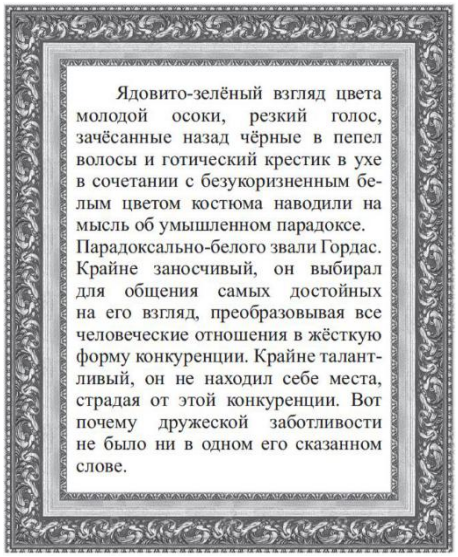
– Квентин, сейчас же антракт, – обратилась к нему Сола.

Квентин поправил сбившуюся на глаза чёлку и ушёл, вдруг о чем-то вспомнив. Сола в очередной раз вздохнула. Азраил лежал неподвижно и ровно дышал. Казалось, он просто уснул. По коридору прогремели широкие шаги. Через минуту некто с ног до головы в белом, на длинных ногах и с удивительно надменной гримасой на лице, промелькнул в дверях, громко бросив в них:

– Чего, господа, ждём? На сцену, живо!

– Вот чего! – взвизгнула Сола. – Нас без Азри точно освистают.

– А-а-а, обморочный, – усмехнулся тот, входя в комнату. – Что это вдруг освистают? Рухнул он уже за сценой. Говорят, играл неплохо… – рассуждал он, расхаживая из угла в угол на своих длинных ходульных ногах, то и дело двигая стулья. Сценическое одеяние тяжёлыми складками волочилось следом.



– Ты нимб на божественной голове своей поправь, – не поднимая глаз, ровным голосом ответил ему Хэпи. Сделав глоток остывшего чая, он подошёл к Азраилу, нагнулся и потряс того за плечо. – Давай, Азраил, приходи в себя.

Гордас не отвечал, продолжая расхаживать по комнате. Казалось, он вообще ничего не слышал. Готический крестик в ухе раскачивался в такт шагам.

– Ты что делаешь! – вскочив и оттолкнув Хэпи, прошипела Сола. – Не надо его трясти! –Сладкие капли холодного чая пролились на пол.

– Привожу его в чувство, – Хэпи повысил тон, стараясь не выйти из себя. – А вот что ты делаешь, мне не понятно. Если бы я испачкал свой маскарадный костюм, Вальсам меня со свету бы сжил, дабы я не смел более осквернять сцену великих, – проговорил он с торопливой иронией.

– Замолчи. – Сола опять опустилась перед Азраилом на колени и взяла его за руку.

В театре прозвенел звонок к началу действия.

– Кстати, где он? – Хэпи потёр переносицу, эта милая привычка всегда случалась с ним в минуты задумчивости. – Неужели Вальсам на премьеру опоздал…

– Да. Я тоже Вальсама не видел, и в зале его нет, – пробасил вновь появившийся в дверях монах в длинной рясе и с крестом на шее. – Может, на помощь кого… – кивнул он на Азраила.

– А ты прав, Верти… – Сола недоговорила.

– Вы чего, все разом спятили? Звонок, слышали? Мой монолог не

вечен. Вам придётся выйти, – заметил Гордас, расставив все стулья у стен. – Не бойтесь, этот псих очнется. Говорил я ему, актёришке тщеславному, чтоб не переигрывал, не послушал совета. И кстати, Хэпи… – Гордас приподнял замысловатое сооружение на своей голове. – Это – корона. – Он окинул всех презрительным взглядом и вышел из комнаты.

– Убил бы… – вполголоса произнёс Хэпи вслед удалявшимся метражным шагам.

– Кого? Гордаса? – Верти разглядывал свой крест. – Не по- божески будет…

– Зато по-человечески, Верти.

Голубоглазый Квентин опять заглянул в комнату:

– Гордаса не видели? – спросил он, торопливо убирая выбившиеся волосы под широкополую шляпу и сильно при этом волнуясь.

– Чего ты потерял, Квентин? – будто бы не расслышав, переспросил его Хэпи с бесстрастным лицом.

– Только что тут был, – ответил за него Верти.

– А, вы чего же? – Квентин растерянно смотрел на неподвижного Азраила. – Последний выход ведь?

– Не суетись. Гордас – на сцене, свой монолог читает, время есть. – успокоил Хэпи.

Азраил открыл глаза.

–Азраил! – Воскликнула Сола.

– Ну вот. – Обернулся на её возглас Хэпи. –Пришёл в себя.

– Мы уж думали… – пробасил Верти.

– Азри, ты как? – обрадовался Квентин, продолжая стоять в дверях.

– Я отыграл? – тихо спросил Азраил.

– Да, – кивнул Хэпи, – последний монолог – за Гордасом. Дальше – на поклоны…

Со стороны сцены раздались аплодисменты.

– Идите же, – голос Азраила был по-прежнему тихим.

– А ты?.. – Сола не выпускала руку Азраила. Она смотрела на него с такой нежностью, словно хотела утопить в ней всё, что было вокруг.

– Идите, я сказал, – прохрипел Азраил громче.

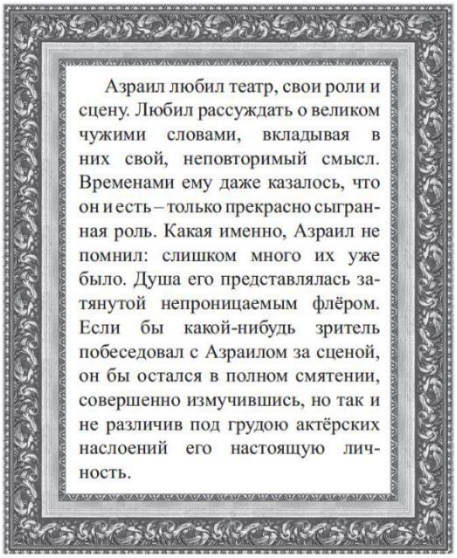
На мгновение воцарилось молчание. Хэпи глотнул чая,
поднялся и медленно вышел из комнаты, захватив с собой лёгкий декоративный лук. Сола нервно вздохнула.

– Так значит, мы пойдём? – неуверенно спросил Верти.

– А ты? – улыбнулся Квентин, кое-как спрятав выбившиеся волосы под шляпу.

Азраил не находил в себе сил подняться:

– Без меня, – проговорил он и закрыл глаза.



По мокрым улицам скользящей походкой шёл человек. На голове у него была кожаная кепка, длинное осеннее пальто украшал цветной шёлковый шарф, а за спиной висел гитарный футляр. Во всём его виде чувствовалась аккуратность, словно это был сбежавший экспонат с выставки резных поделок. Тёмные волосы красиво выбивались на лоб, угольные глаза то и дело поблёскивали из-под козырька лукавым огоньком, дополняя сходство с ярмарочным товаром ремесленника. На нём задерживался взгляд, замирала мысль, его хотелось рассмотреть и запомнить. Он остановился перед величественным зданием, на фасаде которого, окружённые юношами в лавровых венках, жались друг к другу утончённые девы с лирами. Стройная колоннада внушала благоговение к архитектору, настраивая всех, мимо неё проходящих, на мысли о вечном.

Молодой человек поёжился:

– Холодно, – обронил он, как бы между прочим, и направился прямиком ко входу. Ему в глаза бросился яркий плакат, на котором красовались сегодняшняя дата и слово «Премьера», а также заманчивые обещания полного погружения в мистическую атмосферу настоящего искусства. Пробежав глазами информационное содержимое афиши, молодой человек вошёл в театр.

Лёд не раскололся и даже не дрогнул. Брошенный свёрток лежал неподвижно. Чёрная материя, подобно покрывалу, разбросалась свободными волнами. Из-под отогнутого её края выглядывала белая до покойной мертвенности рука со сросшимися пальцами. Рядом, одного цвета с ней, валялся неровный, тонкий, похожий на кусочек кожи, треугольный обломок. На минуту опять всё замерло: тени застыли на месте, склонив покорные головы. Их плащи шевелило прерывистое дыхание огня. В жарком воздухе тихо постукивали металлические стержни.

– Лестницу! – грянуло со всех сторон.

Тени неслышно подплыли к покрывалу, встали по обе его стороны. Мантия пролетела над ними, уронив одну из роз перед чёрной материей. Огненный цветок ударился о лёд и разбился, подобно живой плоти, что рвётся от сильного удара, растёкся тёплой кровью. Та стала просачиваться вниз, в глубь ледяной толщи, красной струйкой. Раздался сильный скрежет, словно сотни когтей царапали по стеклу, колодезное эхо усиливало и без того невыносимый гул. Лёд был разомкнут как раз по этой цветной линии: теперь на месте упавшей розы зияло отверстие, глубокий покатый ход спускался вниз к янтарному озеру. Стучащие тени подхватили чёрный свёрток и сбросили его в прозрачный тоннель. Тяжёлыми рывками, долго, с мёртвой осторожностью скатывался тот вниз. На ледяном полу остался лежать обломок телесного цвета.

– Как посмели вы!

Казалось, что тени сжались от этого взрыва голоса: метрономы перестали бить привычный размеренный ритм, звук их превратился в отдалённую барабанную дробь. Красная Мантия подлетела к тусклому осколку, задев его полой. Тотчас бледный обломок, словно живой, начал вскарабкиваться по складкам материи. Достигнув прорези, из которой по-прежнему выглядывали оранжевые розы с заострёнными лепестками, он забрался в разомкнутый бутон одной из них. Молодой, едва распустившийся цветок с жадным нетерпением сомкнул плотные лепестки. Мрачно проплыв по тоннелю, свёрток неуправляемым грузом упал в озеро. Янтарные воды разбились, беспокойными разводами замкнув несколько кругов. Через некоторое время, сменив множество красок, вода стала прозрачной. Покрывало всплыло на поверхность, потеряв своё содержимое. Чёрной оправой растянулось оно по всему озеру, на дне которого, раскинув руки в стороны, лежал человек. Среди россыпи морского скарба: ракушек, мелких камешков, жемчуга и разноцветных звёзд, тело его походило на огромную раковину, со всех сторон облепленную водорослями.

Глава 3

Цветные слёзы

Азраил лежал на полу. Глаза его были закрыты, мысли ровны. Как частокол походили они одна на другую: безвкусные, бесцветные, нераспознанные, неощущаемые мысли. Всё сильней и сильней вбивались они тупым безразличием в размягчённую, ещё дрожащую от непонятных одолевавших чувств душу. Всё плотней и плотней лепились друг к другу ровные колышки, становилось душно. Слышно было, как стук, сначала такой болезненный, чёткий, постепенно стихал, расплавлялся, смешивался с незаметным дыханием. Азраил то ли засыпал, то ли умирал, ему было всё равно. И нельзя сказать, что страшно, напротив – даже хорошо. Сладкая дремота витала над тяжёлыми веками. На мгновение Азраилу показалось, что на висках у него, по обе стороны сидят чёрные птицы и делят между собой красную ленту острыми клювами. Её кончики неприятно щекотали нежную кожу вокруг глаз. Ещё мгновение, и лента разорвалась бы надвое: было видно, как несколько порванных нитей в её кровавом плетении уже расползались в стороны.

В дверь постучали. Азраил открыл глаза: чёрные птицы с пронзительными криками сорвались с мест и улетели, оставив невыносимую боль у височных впадин. Маленькие невидимые царапины ныли так, как будто были ранами от когтей хищных животных.

На пороге показался молодой человек с гитарным футляром за спиной:

– Любезный друг мой, ты, кажется, перепутал сцену с грешным помостом жизни. Так красиво умирают только там, на сцене!

– А, это ты, Руфус, – всё ещё не переводя глаз, откликнулся Азраил. – Я тебя ждал.

– «Прости, я опоздал на твою премьеру», – произнёс тот, немного смутившись.

– Если бы ты знал, Руфус, как я рад видеть тебя именно сейчас!

Руфус насторожился:

– Да что это с тобой?

Азраил переменился в лице: смятение бросилось в глаза, голос

дрогнул.

– У меня – странное предчувствие... – прошептал он в сильном волнении, с улыбкой сумасшедшего озираясь по сторонам.

– Предчувствие? – Руфус снял футляр с плеча, прислонил к стене и внимательно посмотрел на Азраила. – О чём это ты?

Азраил не ответил.

– Да выйди из роли! Уверен, станет легче. Вижу, ты ещё не содрал грим и не выплюнул актёрские рефрены.

Азраил продолжал лежать на полу и, не отрываясь, смотреть в потолок.

– Твоя поэтическая конвульсия теперь некстати. – Руфус нахмурился.

Азраил одним рывком вскочил на ноги:

– Ладно. Долой мрачный образ. – Он принялся снимать с себя сценический костюм.

Руфус пристально следил за его действиями:

– Кого ты играл на этот раз?

– Дьявола, – безэмоционально ответил Азраил.

– А-а-а, – понимающе кивнул Руфус, словно названный персонаж был его ближайшим приятелем.

На руке Азраила блеснул браслет в виде змеи. Громоздкие кольца бронзовой хваткой сжимали его тонкое, едва не прозрачное запястье.

– Что-то болит? – спросил Руфус, не отрывая глаз от его руки с браслетом.

– Пьеса. Болит и ноет, – Азраил измученно улыбнулся. – Вырвала душу и на её место поселила сотню других.

– Я так и знал, – спокойно произнёс Руфус.

– Наверное, мне уже противопоказано играть? Ещё год назад я был счастлив, просто находясь в этих стенах. Что со мной стало, Руфус? – Неуверенный шёпот Азраила растворялся в прерывистом дыхании. – Вряд ли ты поймёшь меня, мы познакомились, когда я уже был таким…

– Не думай об этом, – перебил его Руфус, – просто играй, и всё. Не сравнивай себя прежнего и себя настоящего.

Азраила отрезвили его слова, он откашлялся и с неуверенного шёпота перешёл на хрип:

– Может, уйти из театра?

– Нет. Вряд ли это верное решение. – По лицу Руфуса пробежало беспокойство. – А ты бы браслет этот снял, вон как впился… – поспешно добавил он и тут же умолк.

В Руфусе, помимо ярмарочной, яркой внешности, была какая-то едва уловимая чертовщинка. Спокойная, взвешенная речь, и в то же время –

шутовская словоохотливость. Выдержанная молчаливая наблюдательность сосуществовала в нём наравне с порывистыми эмоциями трагика. Две крайности, в причудливой гармонии сменявшие одна другую. Всё на грани несуществующей грани.

Азраил смущённо улыбнулся:

– Это подарок, – пробормотал он невнятно, взглянув на потолок, в центре которого шевелились две чёрные точки. Азраил моргнул, и точки исчезли. – Подарок….

– Послушай, Азраил, я тут пока добирался до тебя… – Руфус озадаченно запустил руки в карманы пальто, – … нашёл пропуск. Ты не подскажешь мне, кто этот человек на фотографии? Кажется, вы с ним в одной труппе. Он извлёк из глубоких недр искомое и протянул Азраилу пропуск.

Заретта сидела за столом и что-то быстро писала в большую тетрадь, разбитую календарными датами. За её спиной на стене висели картины, и одна из них была не закончена.

В наступившем вечере сконцентрировалась тишина. В пустынном дворике, куда выходили окна её квартиры – неприятная сырость. Внезапно о чём-то вспомнив, Заретта поднялась и поспешно вышла из комнаты. На столе осталась лежать раскрытая тетрадь. Скучающий осенний ветер, пробравшийся сквозь приоткрытые окна, перелистал страницы, словно бы ища нужную, и замер, вчитываясь в строки.

Темнота. Тёплая, сухая темнота, проникающая во всё свободное пространство, всегда готовая стать тобою, если позволишь и освободишь место...

Тишина, пронзительная тишина, леденящая сердце, как сталь, приставленная к живым венам...

Душа рвётся, пачкая белые страницы сознания полуночным бредом, безумием... Рвётся, страстно желая умереть в этом исколотом тяжестью дней крике. Умереть, так и не понятой, в саркофаге своих мыслей, лишиться воспоминаний и обрести наконец свободу... Но нет, сквозь вечную материю снов мне виден едва различимый свет. Темнота с жадной яростью пожирает его, но он трепещет, готовый каждую секунду ожидать моего бездомного взгляда. Этот свет исходит от лестницы, увенчанной пылающими свечами. На каждой её ступени золотой полировкой стелется оплавленный воск. Куда же она ведёт? Ведь там темнота...

– Каждый судит в меру своей… – с надменностью в голосе рассуждал Гордас, войдя в комнату. Он увидел вместе с Азраилом Руфуса и остановился.

– Твоя правда, – перебил проштампованную фразу Хэпи, войдя следом. – Кому как не тебе об этом знать. О, привет, Руфус.

Руфус замер на месте. Не отвечая Хэпи на приветствие, он проговорил чуть слышно, уставившись в ядовито
зелёные глаза Гордаса:

– Гордас Корвер?

– Что? – Гордас явно растерялся. –Откуда…

По лицу Руфуса проносились зловещие тени:

– Отвечай. Ты допущен в игру?

Хэпи и Азраил с удивлением смотрели на Руфуса, впервые наблюдая в нём подобные метаморфозы ужаса.

– Пропуск, – сообразил наконец Гордас, – я его сегодня потерял. Вы нашли? Верните. – Его речь была властной и жёсткой. – Слышите, если нашли, верните мне мой пропуск. Немедленно!

– Видишь ли, Руфус, – Хэпи решил вмешаться, – Гордас никому не показывает своего пропуска. Имеется предположение, – добавил Хэпи на тон ниже, – что он неудачно вышел на фото.

Руфус, казалось, его вовсе не слышал:

– Да, конечно, – зловещие тени исчезли, уступив место улыбке. Не переставая смотреть в глаза Гордаса, он отдал находку. – И кстати, приятно познакомиться.

– Да ничего приятного, – отрезал Гордас, зажав
пропуск в руке. Он демонстративно отвернулся, направив свой ходульный шаг в противоположную сторону.

Руфус вопросительно посмотрел на удалявшуюся фигуру, а потом на Азраила.

– Роль не удалась, – пожал плечами тот.

Хэпи согласно кивнул и отправился следом за Гордасом.

Догнав того уже в коридоре, он заметил с укором:

– Боги так себя не ведут.

– Откуда ты знаешь, как ведут себя боги? – в голосе
Гордаса сквозило явное раздражение.

– По крайней мере, эмоциям они подвержены
меньше, если подвержены вообще.

– Постоянно вижу этого типа. Он словно поселился в
нашем театре. Чего он ошивается вокруг Азраила? Поклонник?

– Друг, – лаконично ответил Хэпи.

– А ты, как обычно, больше всех знаешь? – резанул Гордас.

– Просто в отличие от тебя, я умею разговаривать с людьми, – спокойно пояснил Хэпи. – Если ты ещё не заметил, мы все – в одной труппе.

– Ну и как зовут этого друга?

– Руфус, – Хэпи сделал серьёзное лицо. – Никогда не встречал столь полноценной личности.

– Полноценной? – переспросил Гордас, ища в словах Хэпи оскорбление собственному достоинству. – Ага, а я, по-твоему, не… – внезапно он забыл, на что гневается, и замолчал, сорвав корону с черноволосой головы; готический крестик в ухе угрожающе закачался. – Может, ты тоже считаешь себя идеальным? У тебя нет недостатков?

– Хм… – Хэпи притворно задумался. – У меня есть особенности, недостатков не припомню.

–А, я понял, – усмехнулся Гордас, – завидуешь чужим ролям, герой массовки?

–Только твоей приземлённости, да и то – иногда, – со вздохом отвечал Хэпи, перешагивая порог гримёрной.

–Вот как?.. – Гордас хотел ещё что-то добавить, но не нашёлся.

–Что же с тобой творится?.. – аккуратно расстёгивая камзол стиля пыльной старины с тяжелыми бронзовыми пуговицами, спросил Хэпи.

– Я не терплю соперников на сцене… – нехотя произнёс Гордас.

– Но Азраил тебе не соперник, как не соперник он и мне, и всем нам вместе взятым. Тяжёлая пуговица оборвалась. Звонко прыгая, она загремела по паркету и исчезла под столом, на котором в беспорядке лежали коробки театрального грима, лоскуты цветной материи, расчёски, гребни, накладные бороды, усы, бакенбарды, парики и прочее.

Огромное, в человеческий рост зеркало, обрамлённое витиеватым узором, отразило удивлённое лицо Гордаса:

– Неужели ты и впрямь признаёшь Азраила всех нас талантливее?

– А ты – нет?

Гордас скривился:

– Странный ты какой-то, то богом глядишь, так, что и не подступишься, то вдруг – его шутом.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересованно переспросил Хэпи.

– Вот скажи мне, где твой лук и колчан со стрелами?

– Костюмеру сдал.

– Уже? Как быстро! – Хотя они были одного роста, Гордас всё-таки умудрялся смотреть на Хэпи сверху вниз. – Как быстро ты сдаёшься костюмеру, выпрыгивая из ролей, не пользуясь ролями! – Крик его всё нарастал, отражаясь от стен истеричным гулом.

Прозрачная вода вдруг разбилась, как бьётся зеркало, искажая своё отражение. Окрасившись непроглядным цветом, озеро вернулось к

изначальному виду: вновь стало янтарным. По его глади пробежала едва заметная рябь. В воздухе распространился сладкий запах цветов. Огромная волна, поднявшись из самой глубины, рассыпалась на мелкие сверкающие звенья. По воде шёл человек. Безликий, словно тень, безразличная, холодная, немая. Он шёл по воде, и сам был водой: ни пола, ни памяти, внутри его плескалась душа, и та душа была всеобъемлющей. По волосам его струилась янтарная вода. Прозрачные глаза казались стеклянными. Дойдя до берега, человек остановился. Расплывающиеся черты его стали отчётливыми, приняв привычную форму. Заметив ледяной ход, он приблизился к нему и сделал шаг по наклонной прямой. Нога его, бледная, с глубоким разрезом пальцев даже не содрогнулась от холода. Тотчас из ледяной покатости возникла прозрачная ступень. Он протянул руки, и под ними появилась опора – витые перила тянулись вверх, указывая направление. Человек стал подниматься, медленно, каждый шаг его был похож на предыдущий. Но в этой неспешности чувствовалась некая властная поступь. По ступеням янтарными змеями сползали стекшие с волос густые капли. Последний шаг, перила оборвались, руки на мгновение замерли в невесомости, а затем плавно опустились вниз.

– Подойди! – приказала Мантия, всё это время неподвижно наблюдавшая за происходящим.

Человек пошёл ей навстречу – с бесчувственным взглядом сквозь густое пламя. Оно не обжигало его бледной кожи, лишь отбрасывало жарким дыханием янтарные волосы на плечи. Подойдя к Мантии, застывшей в невесомости, он остановился.

– Оживить ещё не значит дать жизнь, лишь – уподобить ей… – раздался нежный, ласковый голос. – Там, где душа с криком земного рожденья вбирается в вены, бурлящие кровью живою, тебя из сотни сотен других никто б не отметил величием, разве – талантом. Этого чуда среди ныне живущих всегда слишком много. Величия – только крупицы, словно зерно драгоценное, разбросано скудно, всходит едва. Земной век поменялся, впрочем, люди всё те же. Те же страсти в сердцах их кипят, те же видят они забытые сны. Тяжело, когда память души закрыта на забвения ключ. Тяжело, когда ангел иль демон без памяти мнит себя человеком… – Мантия замерла перед бессмысленными глазами. – Видишь, как по- разному говорить я умею? Как умею я маски менять? Я тебя обучу сей несложной игре. Голос дам я тебе, драгоценностей россыпь любую, будешь сердца выжигать, словно из дерева резную посуду, красоту дам тебе, на картинах не пишут такого… – Голос умолк, слышно было лишь потрескивание огня. Человек стоял неподвижно с пустыми глазами и ничего не выражающим лицом. Из прорези Мантии вылетела одна из роз и, разжав лепестки, осыпала его с ног до головы огненной пыльцой. Мгновение – и янтарные

волосы стали рыжими, ресницы дрогнули, глаза посмотрели. По ледяным ступеням вверх ползло чёрное покрывало. Пропитанное влагой, оно с тяжёлым шумом поднималось всё выше и выше. Наконец блестящая материя выползла на прозрачную плоскость. Услужливые тени подхватили покрывало и накинули на немого человека. Тотчас по коже его расплескался нежный оттенок молодости. Волосы волнистым шёлком рассыпались по спине, губы порозовели. Красивое сверх меры лицо светилось искусственно выведенным идеалом. Маленькая треугольная родинка под нижней губой, а сейчас это была именно родинка, а не скол, как нарочно задуманный изъян, лишь подчёркивала необычную внешность.

– Ну вот и всё, – нежно произнесла красная Мантия. – Теперь… – обратилась она к теням другим, властным голосом, – Ступайте в библиотеку. Разыщите Гилта. Он передаст вам книгу.

Полупрозрачные плащи скрылись в густых огненных зарослях, подчинившись приказу.

– Прекрасный мой козырь. – Мантия ещё немного
задержалась, словно любуясь красотой ею созданного существа,
затем исчезла в возникшем проходе гранатовых стен, что переливались в жарких отблесках пламени.

Рыжеволосый юноша ещё долго всматривался бездонными глазами в живой огонь, пытаясь разглядеть в нём источник недавнего голоса, но там уже никого не было.

В отличие от Гордаса, который появлялся в театре исключительно в деловых костюмах, Хэпи, вне зависимости от времени года, носил яркие, преимущественно однотонные, приталенные рубашки с безупречно подобранными под них цветными косынками, что он повязывал на лоб.

Пока Гордас кричал, так и не стянув с себя белого одеяния, Хэпи, уже переодевшись, поглядывал на него с видом добродушного равнодушия и не перебивал.

– Вот-вот, я и говорю, только косынку свою дурацкую оставил. И как это тебе Вальсам позволяет носить на сцене эту дрянь!

– У нас с ним договор, – невозмутимо ответил Хэпи.

– Договор?! – не унимался Гордас.

– Не нравится мой сценический образ?

Спокойствие Хэпи Гордаса раздражало:

– Ты не горд, ты таланту своему давно определил место: где-то среди второстепенных ролей, а то и вовсе – эпизодических, ты не горд,

значит, ты слаб, ты не в силах быть Азраилу соперником. Но ты умён, даже слишком. Итак, решение умного человека – быть ему другом, – с мрачной торжественностью заключил он.

– Да ты что, – искренне удивился Хэпи,

– Почему, объясни, тебе достаются такие незначительные роли? – Гордас скрестил руки на груди. Голос его звучал тише, но также заносчиво.

– А что тебе с того?

– Мне? Я, может, ему и лучшим бы другом был… – Гордас рывками начал стягивать с себя белое одеяние, – если бы сил не хватало быть ему соперником! – Снежная материя с шумом скомкалась у его ног.

–Гордас, – Хэпи с упрёком посмотрел на него, – зачем ты так? Я ему друг не из-за того, что я хуже, но равен ему, я достоин быть ему другом, а роли раздаёт не он…

– Вальсам! –договорил за него Гордас. – Давайте,
валите всё на режиссёра, – проворчал он вполголоса. –
Вальсам ставит уже не первый спектакль, что
пользуется успехом у зрителей. Это о чём-то да
говорит.

Хэпи кивнул:

– Всё подчиняется его великому замыслу.

– А-а, – догадался вдруг Гордас. – Ты, я понял, не ищешь соперников только потому, что боишься их найти.

– Версия, – согласился Хэпи, – но опять неверная: я не боюсь. Человеку свойственно сомневаться в себе. Механизм самокритики побуждает нас к совершенствованию. Осуждение общества только подстёгивает этот механизм, – уверенно разъяснил он. – Так что, будь королём, Гордас, раз так хочешь им быть. Зачем кого-то убеждать в собственном величии? – Его тяжеловесные слова оказали своё гипнотическое действо: Гордас закусил губу и замолчал.

– А насчёт меня… – Хэпи закрыл на мгновение глаза, самовлюблённо улыбнулся. – Я уже сказал, я не сравниваю. Я не выбираю. Мои роли – не главные. Так, может, я сам эпизодичен, сам я не целен и состою из оттенков? Я и не сыграю цвет.

Он вздохнул и вышел из комнаты. Казалось, все возможные мысли, глубокие и мелкие, простые и сложные, были им уже однажды передуманы, потому любой вызов Хэпи мог воспринять не иначе, как ответив на него давно заготовленными фразами.

Гордас зачесал назад чёрные в пепел густые волосы, что были ему по плечи, заломил их за уши, обнажив лоб и светло- зелёные глаза.

– Значит, цвета тебе не по зубам», – сказал он, неестественно оскалившись.

Гордас не утруждал себя пониманием окружающего. Окружающее не представляло для него особого интереса.

Аккуратно свернув белое одеяние, он посмотрел на него ласково, но затем, поймав себя на какой-то мысли, отдёрнул руки с брезгливым омерзением и вышел из гримёрной в тяжёлой задумчивости.

Глава 4

Актёрские рефрены

Из камерного зала, служившего в прямом назначении чем- то вроде репетиционной, а во всех других – местом тайных сходок, доносились голоса.

– Мы все здесь талантливы, но по-разному, понимаешь? – Хэпи с любопытством заглянул в кроткие глаза Верти.

– Да. Но в чём измеряется эта разница? – произнёс он с растерянной улыбкой.

– Хм… – Серьёзность Хэпи пропала.

– Ага-а-а, – протянул Верти, перебирая в пальцах тяжёлый крест, с которым не захотел расстаться, отдавая костюмеру рясу. – Однако разве тебе его не жалко? Гордас всегда болезненно переживает свои неудачи.

– Неудачи? – повторил Хэпи с налётом скепсиса. – Все его неудачи оттого лишь, что он не хочет признавать таланта в других.

В зал вошёл Руфус:

– Вот как! – громко произнёс он. – Ты удивительно проницателен, Хэпи. Ты обо всём можешь дать верное суждение. – Молча пробравшись через ряды кресел, Руфус подошёл к сцене и, вглядываясь в лицо Хэпи угольными глазами, тихо добавил: – Интересно...

Что именно было интересно Руфусу, Хэпи не понял, однако решил выяснить. Поднявшись на скамью, стоящую посреди сцены, он замер, опустил глаза и ровным голосом произнёс:

– О, я не достоин вашей похвалы премудрой. – Сорвав со лба

цветную косынку, Хэпи закрыл лицо руками. Тёмные волосы разметались в беспорядке.

Руфус покачал головой и хотел было что-то сказать, но Хэпи жестом остановил его, продолжая свою игру:

– Полно, полно. Зачем вы дразните меня признаньем? – Разочарованные ноты потонули в мрачной торжественности.

Верти понимающе закивал.

– Весело у вас тут, – смущённо улыбнулся Руфус. –Стоит просто появиться вблизи сцены, и вокруг тебя само собой начинает разворачиваться театральное действие. А я только хотел сказать, что ты угадал с Гордасом.

Сколько Хэпи ни приглядывался к Руфусу, эта фигура оставалась для него в тени неразрешимых загадок. В качестве лучшего друга Азраила тот появился в жизни их труппы полгода назад. Он часто присутствовал на репетициях и самих спектаклях, отпуская добросовестные замечания и остроумные комментарии в адрес молодых актеров. Хэпи не раз удивляло, с какой лёгкостью Руфус проникал в театр, словно бы у него имелись билеты на все спектакли, репетиции и даже трудовые будни на много лет вперёд. Квентин, Верти и Сола в отличие от Хэпи, ни о чём не задумывались, воспринимая Руфуса, как должное, вроде каприза Азраила, который мог бы позволить себе хоть сотню таких друзей, передвигающихся по его великим стопам. Гордас с первых дней появления Руфуса решил играть в увлекательную игру «Кто это такой?», упрямо не запоминая ответов на сотни раз поставленный вопрос. Хэпи часто ему в том подыгрывал. В зал влетела Сола, взволнованная, с растрёпанными волосами:

– Что тут у вас происходит? – спросила она на лету. – А, понятно, – заметив Хэпи, стоящего на скамье, произнесла она с издёвкой.

– Привет, Сола, – кивнул Руфус.

– Привет, – не замедляя стремительного шага, бросила она в его сторону.

– Что за оказия, Сола? – непринуждённо поинтересовался Хэпи, продолжая стоять на скамье.

– Вальсам идёт, – ответила Сола угрожающе. – Верти, на сцену, живо!

В следующее мгновение все трое уже стояли на сцене, подобно шахматным фигурам в порядке затруднительной партии. Один Руфус остался в зрителях. Он сел в первый ряд и, подпирая голову руками, принялся наблюдать. Но не успели фигуры начать ходы, как в зал вошёл статный мужчина средних лет. Его лицо выражало настороженную сосредоточенность, словно бы он каждую секунду ожидал нападения из-за угла, удара в спину или подножку. Чёрные блестящие волосы были гладко

зачёсаны. Глядя на сцену, он остановился и строго произнёс:

– Что репетируем?

Все переглянулись. Верти выронил крест. Хэпи, словно нехотя выйдя из образа, ответил небрежно с улыбкой мастера:

– Отрабатываем немые сцены.

– Вот ты где! – В зал неожиданно ворвался Гордас и, никого не замечая, стремительно направился к сцене.

Руфус продолжал сидеть в кресле первого ряда, ничем не выдавая себя. В полушаге от него стоял Вальсам, тоже никак не замечая чужого присутствия.

– Гордас! – шепнула Сола, кивнув в сторону Вальсама.

Но Гордас не слышал.

– Где твоя косынка, Хэпи? – начал он с резким раздражением. – Я всегда думал, что ты под ней прячешь золотой рог или метку богов, или клеймо адского пламени… что ж ты так оплошал, нельзя героям обнажать свои лбы, свои тайны. – Гордас подошёл к сцене, подобрал сорванную Хэпи косынку и подал ему. – Иначе все поймут… – он снизил голос до предупредительного шёпота, – …что-тайны-то и нет вовсе.

– Гордас! – ещё раз попыталась Сола.

– Я смотрю, ты тоже без короны, – холодно ответил Хэпи, принимая из его рук косынку. Вальсам мрачно зааплодировал:

– Продолжайте, Гордас. Почему вы не отвечаете?

–Позвольте… – хотел было Хэпи, но Вальсам, даже не повернувшись в его сторону, не дал ему продолжить, перебив нежно:

– Где Азраил?

– На бис желают кликать королей, – заключил Хэпи, спрыгивая со скамьи и на ходу затягивая косынку на лбу.

–«Я видеть его хочу», – произнёс Вальсам нетерпеливо, продолжая игнорировать реплики Хэпи.

– Видите ли, – ожила Сола.

Хэпи незаметно вышел из зала.

По гранатовым стенам расползалось живое пламя. Хищные морды вырисовывались из оранжевого огня, оскаливали зубы, когтистые лапы впивались друг в друга. Тела причудливых существ сплетались в жаркой бойне. Разбрызгивая огненные капли, пламя ревело. Рыжеволосый человек сидел посреди хищного огня, опустив голову на руки. Едва наброшенная на плечи чёрная материя подчёркивала неестественную бледность кожи. Глаза, по-прежнему пустые, ничего не выражали. В них не было уродства,

напротив, они очень подходили этому мистически страстному лицу. Мраморные руки с выпиленными длинными пальцами были крепко сцеплены на груди. Жизнь давалась ему с трудом. Мелкая дрожь сводила тело, и неземной звук, покоривший рабскому служению слух, был лишь стоном, с которым вырывалась на волю тяжесть шевелящегося дыхания. Равнодушно взирая на разворачивающуюся драму и заглушая треском драгоценный голос, оранжевый огонь поднимался по стенам колодца, подобно винтовой лестнице. По ней двигались две тени. Перемещаясь медленно и бесшумно, казалось, они что-то искали. Хищные морды, высовываясь из пламени, скалили блестящие зубы, шипели, задирая когтистые лапы, но так и не осмеливались дотронуться. Тени остановились напротив небольшой трещины, внезапно возникшей в гранатовой плоскости. Быстро увеличиваясь, та создавала проход. Можно было заметить красные подтёки, застывающие кровавой смолой, словно бы это была не стена, а живое существо, которое разрывало свою плоть. Тени нагнулись и проскользнули внутрь. Тотчас стена затянулась. Рыжеволосый человек хотел их окликнуть, позвать к себе, но не знал, как: дарованный драгоценный голос ему пока не подчинялся. Он встал на ноги, сделал несколько шагов – очередная судорога жгучей болью свела тело.

Идя по коридору, Хэпи вдруг остановился и, вонзив указательный палец в стену, закрыл глаза. В голове возмущённой толпой проносились звенящие мысли. Он часто замечал, что удача – не на его стороне, но в последнее время ему приходилось особенно трудно. И хотя у Хэпи имелось собственное мнение относительно таланта, слова Гордаса пробудили умело забытые чувства. Недовольство ролями, что он играл в этом театре, с прежней силой поднялось из глубин души. Хэпи был упрям: однажды решив не выпрашивать ролей, а заслужить их, получить по праву, он следовал этому, не отступая ни на шаг. Хэпи измерял талант исключительно на своих придуманных весах, где сила тяжести начинала действовать лишь при добавлении удачи, стечений обстоятельств, совпадений. Всё это вместе весовой примесью растворялось в чистом таланте, и только тогда он тяжелел и перевешивал. Но разве будет честным весовой поединок, когда в одном случае талант чистый, а в другом он с примесью? Хэпи знал ответ, и оттого казался спокойным за свою судьбу, да и за всё происходящее вокруг.

Указательный палец старательно выписывал мысли на грубой стене. Хэпи холодно усмехнулся, произнеся вслух:

– Бог? Или всё-таки его шут? … А вообще может ли быть шут у бога? Иногда Гордас бывает прозорлив.

«Божий шут». С особой аккуратностью Хэпи вывел эту подпись под всем им написанным на стене.

– Хэпи, тебе не кажется, что палец прежде должно было обагрить кровью? – приятный голос оборвал мысли Хэпи:

– Квентин, поэтам пристало красться разве что за музами. Ты с кем-то меня перепутал… – в словах его был лёгкий сарказм.

Перед Хэпи стоял голубоглазый юноша с волосами тёмного тёплого цвета, которые доходили ему до поясницы. Они были хитро перетянуты в несколько рядов жёсткой лентой. Издалека тонкий, стройный Квентин походил на девушку. Правда, и вблизи, в чертах его лица, голубых глазах и голосе улавливалась такая миловидность, что многих это сбивало с толку.

–Хэпи, ты вправе ругать меня: я стаю раздумий твою распугал... – Квентин сладко улыбнулся. – О чём это ты тут так красноречиво размышлял? – спросил он, глядя на пустую стену, перед которой стоял Хэпи.

– Да так… – рука Хэпи медленно соскользнула вниз по стене.

Квентин откашлялся:

– Гордаса не видел? Я что-то никого найти не могу, все куда-то разбежались. А где Сола, ты не знаешь? – как-то неуверенно спросил он.

– Ага… – многозначительно произнёс Хэпи.

Квентин смущённо отвернулся:

– Что?

– Сола… где же я её видел? … – Хэпи дотронулся рукой до лба. По коридору зазвенели лёгкие шаги, навстречу им с победной улыбкой и с ворохом листов в руках шла Сола.

– Сола, – притворно удивился Хэпи, – а мы о тебе и думать забыли.

– Я теперь величина, – прошептала она загадочно.

– О чём это ты, Сола? – ласково спросил Квентин.

– Вальсам заинтересовался моей пьесой, хочет ее поставить.

– Ну-у-у… – Хэпи развёл руками.

– Не знаю, что и думать, – привычное добродушие проступило на лице Солы.

– А, что тут думать? – с наигранным недоумением смотрел на неё Хэпи. – Можно ли отказаться, когда сама судьба тебя ангажирует?

– Это Вальсам-то – судьба? – смутился Квентин. – Да, с ним рукой подать до пьедестала... – пробормотал он в сильном волнении.

На лице Хэпи появилась скептическая гримаса:

– «Вот только избавьте меня от этих приступов ревности», – произнёс он со вздохом и медленно пошёл прочь по коридору.

– А он ведь прав… – Квентин затуманенно смотрел перед собой. – Сама судьба ангажирует…

– Что? – обиделась Сола и, резко отвернувшись, быстро пошла в противоположную от Квентина сторону.

– Он лишь курьер твоего таланта, и только! – страстно закричал Квентин ей вслед. – Помни об этом!

Азраил вышел из театра.

–Азраил, – окликнул его Руфус, – сбегаешь? – За его плечами привычно висел гитарный футляр.

– Ты всегда так внезапно появляешься…– Азраил выглядел уставшим.

Руфус подстроился под его шаг:

– Я тороплюсь. Хотел лишь спросить, как ты себя чувствуешь? – Он пристально посмотрел на Азраила.

– Я ещё не прожил и трети жизни. Беспокоиться о моём здоровье по меньшей мере странно. Не находишь? – Азраилу не хватало сил на улыбку.

– Просто ответь, – попросил Руфус.

– Так же, как и вчера, – пожал плечами Азраил.

– Тебя трудно понять. – Руфус о чём-то напряжённо думал.

Азраил вздохнул:

– Наверное, на премьере я действительно вёл себя странно. Прости, если напугал. Умирать пока не собираюсь. Время неподходящее.

– Что? Время? – рассеянно переспросил Руфус.

–Может быть, когда-нибудь мне повезёт, и я умру на сцене. Умру в прекрасном кадре жизни.

– Роли, не жизни, – поправил Руфус, – есть разница. А что, в твоёмм прошлом нет таких сцен, в которых хочется остаться навсегда?

Азраил задумался, что-то припоминая:

– Есть, но это другое.

– Может, ты, Азраил, просто так думаешь, а подвернётся та красивая, идеальная сцена, тебе и умирать не захочется? – Руфус был чрезвычайно серьёзен.

Азраила это развеселило:

– Если я буду в ней задействован, захочется.

– То есть жить ради игры в единственной сцене?

– В сцене, что останется вечной, – кивнул Азраил.

Глава 5

«На бис желают кликать королей»

Когда за окнами ветхого здания догорал сытый красками день, и прохладный воздух тянулся к туману, а туман – к уставшему вечеру, в театре наконец стало тихо. Последний зритель взял последнее пальто из гардероба, и последний посторонний шаг на сегодня перешагнул порог. В театре остались только свои – актёры.

– Азраил? – позвал Хэпи, войдя в небольшую продолговатую комнату. Вдоль и поперёк она была заставлена опорами, на которых висели вешалки с театральными костюмами.

Азраил сидел на самом верху приставной лестницы и не шевелился.

– Гроза пронеслась уж как три часа тому… – аккуратно вышучивая мысль, начал было Квентин.

– Сейчас идёт в малом зале, – перебив его аккуратность, уточнил Хэпи.

– Ты нас оставил, бросил, нас забыл, – с обидой продолжал наступать Квентин, на ничего не отвечавшего Азраила.

– Но нам не отмолиться за тебя: на бис желают кликать королей, – вошёл в роль и Хэпи.

– Не отмолиться? – задумался Квентин. – Смотри, это слеза, что по щеке его струится? – вдруг испугавшись своей рифмы, оборвал он на полуслове. – Ты что же, Азраил, ты же… – Квентин не мог договорить.

Хэпи изменился в лице:

– Кто-то умер? – Даже в такие моменты сарказм не отпускал его.

– Я актёр, но прежде – человек. Иногда актёр не в силах переиграть в себе человека, – холодно ответил Азраил. Его глаза блестели от слёз. На лице проступала бледность, добавляя тонким чертам керамической хрупкости. – Увы, все живы, – улыбнулся он грустно.

– Что произошло, Азраил? – растеряв вдруг все оттенки поэзии, спросил Квентин. – Вальсам уже несколько дней как занят Солой, её пьесой, но о тебе он думать не забыл, и ежечасно суетится: «где ты»? Ты долго будешь здесь ещё скорбеть? Да и о чем тебе скорбеть?

Хэпи пожал плечами, с упрёком заметив Квентину:

– Ты что ж, поэт, ослеп? Перед тобой – влюблённый.

– Земного зренья мало для поэтов, – со вздохом оправдался тот.

– Полно упражняться в остроумии, – перебил Азраил.

Хэпи согласно кивнул:

– Что ж, мне спорить нет нужды. – Он вышел из комнаты.

– Не слушай его… – выдохнул Квентин. – Хэпи всех последнее время влюблёнными величает. Не знаю, что с тобой, но слоняться призраком по театру… ты даже на репетицию не пришёл…

– Уже репетиция? – Фарфоровые брови изогнулись в удивлении.

– Не совсем… – замялся Квентин, – мы только роли подбираем, ты же знаешь, это долго.

– Я должен уехать, – вдруг сказал Азраил.

– Что? – Квентин от неожиданности задохнулся в вопросе, потеряв на выдохе голос.

– Успокойся.

– Вальсам ведь нас за тобой прислал!

– Не стоило, – в тоне Азраила была усталость, – возвращайся и скажи, что мне срочно пришлось уехать…

– Как я объясню твой побег? – растерялся Квентин.

– Попробуй на словах, на пальцах. Да как хочешь, – проговорил Азраил, спускаясь с лестницы.

Но Квентин не сдавался:

– Я беспомощен пред обманом этим, –жалостно простонал он. –Я не смогу…

– Беспомощен? – оборвал Азраил, спрыгнув с лестницы. – Откуда только ноты такие берутся… Зачем ты беспомощен? – Приблизившись к Квентину, вкрадчиво спросил он.

Квентин, казалось, ничуть не внял его высокой риторике:

– Сбежишь, что делать мне?

– Придумай, что ли.

– То не рифма, – хмыкнул Квентин.

– Придумай в рифме, будет веселей. И вот ещё что, это твоё? – Азраил протянул Квентину алую ленту.

– Да, – неуверенно взял её Квентин, – где ты… Я так долго никак не мог найти…

– Ага, – прошептал Азраил и направился к двери.

– Азраил, не уходи вот так, объясни, в чём дело.

– Дело? Сам не знаю. Хочу выяснить. Ты случайно Руфуса не видел?

– Сегодня нет, – быстро ответил Квентин. –Но Азраил, постой…

– Прощай, – произнёс Азраил и вышел из комнаты.

Полупрозрачные тени окутывал мягкий туман. То он становился непроглядным, то вдруг рассыпался на пушистые хлопья. Откуда-то доносилась мелодия – только одна фраза на языке неземных нот. Печальные звуки ходили по кругу, не находя выхода из кольца грусти. Тени спустились ниже, брезгливо разводя свободными рукавами. Здесь причудливый туман был плотнее, на него даже можно было опереться. Над ними высились мощные серебряные колонны, плавный наклон которых создавал иллюзию свода. Огромные ярусы в виде полукружий уходили вверх, теряясь в высоте. Эти ярусы целиком были заполнены книгами. Отражаясь от величественных колонн, туманный свет рассеивался. Мелодия оборвалась. Тени замерли, озираясь по сторонам.

Из глубины пространства к ним навстречу вышел человек. Длинные белёсые волосы падали на мощные плечи и грудь, покрытую лёгкими пластинами. Лицо, привлекательное своей строгостью, не выражало никаких эмоций: сжатые губы и глаза с прямым, проникающим в мысли взглядом. Лоб его венчала тонкая полоска, похожая на расплавленный металл. Она переливалась, оставляя на всём радужный след.

– Гилт, – прошумели тени, – до тебя трудно добраться.

– Так задумано. В этот раз я не участвую. Однако лишних фигур игра не допускает. Библиотека – единственное место, где я могу чувствовать себя в безопасности, – произнёс Гилт с непроницаемым лицом.

–Ты кого-то боишься? Зачем создавать столько препятствий на пути сюда?

Тени дрожали от гнева.

Гилт не удостоил их ответом, задав свой вопрос:

– Что вам нужно?

– Это наше дело.

– Но вам не пробыть здесь и нескольких минут без меня, – спокойно возразил Гилт, сделав шаг им навстречу. – Так повторю вопрос: что вам нужно?

– Нам нужна книга.

– Какая? Хроник прошедших игр – великое множество. Так какая книга вам нужна?

Тени переглянулись, видно было, что этот вопрос поверг их в смятение:

– Милорд не говорил… – Начали они глухо.

– Значит, вам подойдёт любая?

– Да, – кивнули тени. – Любая хроника игры.

– Если вы думаете, что милорд посвящает только вас в свои планы, вы заблуждаетесь, – сдержанно продолжал Гилт. – Зачем ему книга?

Тени молчали.

– Вам это неизвестно, – Гилт усмехнулся.

– Не делай вид, что это известно тебе, – холодно отчеканили тени.

– Отчего же? Книга станет ловушкой для носителя. Хитрый ход. Каждая хроника – это живые воспоминания наблюдателей. Если их прочтёт носитель, он угодит в ловушку.

– Откуда ты знаешь? – механический голос стал растерянным.

– Это – не тайна. Так поступила сама игра, защитив моего брата.

– И ты говоришь об этом без тени сожаления, предатель?

– Всё верно, – Гилт медленно моргнул, – и без меня милорду вряд ли бы удалось осуществить свой план с книгой, ведь вход сюда вам запрещён.

– Отдавай книгу, Гилт, и не жди благодарности.

– О, конечно. Кстати, вам известно, что подобный фокус с хроникой игры можно проделать лишь один раз?

– Нам всё известно!

– Всё? Тогда… – Гилт щёлкнул пальцами. Где-то высоко над ними из стройного ряда книг выдвинулась одна.

ʒʒʒ

– Дата жизни, дата смерти
– Всё пустое, всё ничтожно.
В средиземной круговерти –
Разных душ сердцебиенье…

Жёсткий саван, грубый саван
Цвета кожи кожей тлеет.
Я прижизненно усталый,
Мёртвый я и онемелый…

– Квентин торопливо шёл по коридору, опустив глаза.

Испуганные слова находили свою рифму. Одинаковые шаги задавали им бешеный ритм. Ещё движение, и он в кого-то врезался. Мысли рассыпались, что-то загремело об пол. Квентин глухо застонал от боли. Машинально пробормотал:

– Извините… – Посмотрев на паркет, он заметил большой металлический крест. – Верти! – не поднимая глаз, закричал Квентин. – Всё никак не выйдешь из образа?

Перед ним стоял Верти:

– А разве рифма может идти подряд? – заискивающе спросил он. – Ты, даже когда зол, не забываешь слова в рифмы одевать, – голос Верти

возвысился, и теперь от него действительно тянуло монашеским басом.

– Верти, у нас – новая пьеса.

– Новая, как же, – Верти улыбнулся, – трагедия в комических лицах.

– Перестань! Чем тебе пьеса Солы не по вкусу?

– Да остынь ты. Пьеса как пьеса, – миролюбиво рассудил Верти.

– Что это значит?

– Что? Она прекрасна. То и значит. – Верти опять улыбнулся, – Сола твоя прекрасна.

–Мне надо идти. – Квентин заспешил вперёд.

– Постой, – остановил его Верти, подбирая с пола упавший крест. – Где Азраил? Я видел его сегодня в театре. Он придёт?

–«Вот что, широкоплечий друг мой, не добавляй мне в слёзы соли», – произнёс Квентин с драматическим пафосом.

Верти покачал головой:

– Беги, беги, да от Вальсама вряд ли убежишь. Он, кстати, – в главном зале, ожидает тебя.

В ответ Квентин раздражённо хмыкнул, направив упрямые шаги в сторону главного зала.

– Слушай! – прокричал Верти ему вслед, – а лучше так:

Я ведь умственно отсталый,
Мёртвый я при жизни нервной.

Но Квентин к счастью этого не мог расслышать, уже перелетев два лестничных проёма и коридор. Его длинный, перетянутый в несколько рядов лентой хвост с мягким шелестом летел за ним.

Из величественно распахнутых дверей главного зала доносились голоса. Квентин шагнул на бархатную дорожку. На сцене под приглушённым светом стояли Сола и Вальсам. В руках последнего была кипа исписанных бумаг, один из листов лежал на полу. Квентин для большей убедительности приложил аж два указательных пальца к губам, дабы сохранить свое появление в тайне и осторожно пошёл по пустым рядам, обходя оживлённые кучки собравшихся. И пока Сола продолжала декламировать пьесу в стихах, ему удалось подобраться к сцене незамеченным. Квентин сложил теперь два указательных пальца крест-накрест и как будто бы ждал ответа на свой нелепый жест. Однако Сола сразу поняла, в чем дело:

– Хэпи там, – прошептала она, махнув в сторону занавеса. Квентин воздушным шагом, который позволял ему незначительный вес, проскользнул за сцену. На полу сидел Хэпи.

– Хэпи! – позвал Квентин.

Тот поднял на него встревоженные глаза:

– Я тут хронометрирую пьесу Солы, – решил пояснить он, – пока – пара часов без антракта.

– Вот что, – Квентин выдохнул и, собравшись с тревожными мыслями, произнёс неуверенно, – пропали мы, друг.

– Как здорово, что ты заметил, – улыбнулся Хэпи. – Где, кстати, Азраил? Даже с тобой не пошёл?

Квентин сел на пол рядом с Хэпи, заглянул ему в лицо и тихо, боясь испугать самого себя, произнёс:

– Азраил уехал.

Огромная книга опускалась с высоты. Ещё в полёте углы её начали расходиться, высвобождая трепещущие страницы.

– Возьмите эту. – Книга опустилась прямо в руки Гилта. – Любопытный сюжет, – произнёс он, по-прежнему не выражая эмоций.

– Откуда ты так много знаешь о планах милорда? – Заволновались тени.

– Я был поставлен им в известность задолго до вас. Иначе как бы вы вошли сюда?

– Лжёшь. Ты мог подслушивать, ты всегда где-то поблизости, – грубо бросили тени. По их полупрозрачным плащам начал расползаться серебряный свет. – Ты за нами следишь!

– Слежу? Возможно. – Гилта будто бы это всё забавляло, ледяная улыбка блуждала по его лицу, отдавая жестокостью. Словно каменная статуя, стоял он, спокойный, недвижимый, стоял и наблюдал.

– Ты не прост. Нет тебе доверия. – Плащи теней уже до половины были разъедены серебряным светом.

– Точно. – Гилт прищурил глаза и моргнул, замедляя это движение до черты той самоуверенности, за которой – только безграничная власть. – Однако я не ставлю себя на одну плоскость с вами. Может, я и поменял сторону, но по- прежнему остаюсь созданием совершенно другого мира.

– Предатель! Предал однажды, можешь предать и снова!

Гилт холодно усмехнулся:

– Сколько побед вы одержали благодаря мне? Думаю, милорд ценит это.

Тени пристыженно замолчали.

– Вам следовало бы поторопиться. Библиотека серебряного мира – ещё не ваша территория. Если не поторопитесь, скоро от вас ничего не останется. – Гилт протянул им книгу и отступил в глубь пространства,

затерявшись среди колонн.

Глава 6

Немые чётки

–Да он с ума сошёл! – Сола мерила нервными шагами расстояние между Квентином и Хэпи.

– Поподробнее, – попросил Хэпи.

– Тогда, после премьеры, помните… – Сола села рядом с ними на пол, – …ему плохо стало…

– Ну да, такое бывает.

– Не перебивай, Хэпи. У него телефон звонил так долго, ещё во время действия. – Сола сильно волновалась. Речь ее была сбивчива, голос дрожал.

– Что дальше? – пытливо попросил Квентин.

– Когда он упал, ну, помните…

– Помним, – в один голос произнесли оба.

– Уже после спектакля я отыскала телефон в гримёрной. Тот продолжал звонить. Я ответила на звонок.

– И? – опять в один голос протянули Хэпи и Квентин.

– То была девушка. Сказала, что сестра его…

– Сестра? Что? У Азраила есть сестра? – удивился Квентин.

– Первый раз слышу, – холодно добавил Хэпи,

– Так вот, я сказала Азраилу, что звонит его сестра. –Сола развела руками. – О, если бы вы могли видеть в тот момент его глаза… – прошептала она.

– Что ты ей богу, не сцена, – скривился Хэпи.

Квентин смущённо улыбнулся, бросив на него робкий взгляд осуждения.

– Что ты имеешь ввиду, Сола?

– …С какой болью, злобой и ненавистью Азраил смотрел на меня… Он произнёс: «Её зовут Заретта». И, как умалишённый, выбежал из

комнаты.

Квентин хотел было что-то сказать, но Хэпи его опередил.

– Вот только не надо опять говорить о его чувствительной душе актёра.

– Да я и не думал… – тот пожал плечами.

Послышались шаги, и в пролёт теневой стороны сцены вошёл Вальсам, перебирая в руках чётки из чёрного камня. Он всегда носил их с собой. Особенностью этих чёток была немота. Блестящие камешки не издавали никакого стука и оттого навевали на окружающих мистический ужас.

– Что? – спросил он как всегда нежно и страшно, обводя глазами троих, сидящих на полу, – Почему вы здесь? Перерыв давно подошёл к концу.

Квентин кашлянул.

– Стихами поперхнулся? – Поинтересовался Хэпи.

– Репетиции никто не отменял. – Вальсам смотрел испытующе. – Так почему?

– Подождите, у человека рифма в горле застряла, он своё выдаст, – продолжал Хэпи.

Вальсам бросил недовольный взгляд в его сторону:

– Одни цветные слова и бледные роли.

Хэпи передёрнуло, колючие мурашки поползли по спине. Он пересилил неприятное чувство, как всегда, приступом голоса:

– По всей видимости, других ролей я не достоин. Всё в вашей власти. Я без минуты король, – руки его похолодели, он смотрел прямо в глаза Вальсама и не мог ничего в них разобрать.

На лестнице привычно горели свечи. Золотой воск струился по ступеням, отражая в зеркальной глади трепет пламени. Слышалось тихое поскрипывание дерева, словно от чьих-то невидимых шагов, но никого не было. Мирное дыхание тишины изредка перемежалось звоном капель. Темнота сгущалась вокруг лестницы, не в силах её поглотить. Заретта проснулась. Испуганное дыхание отдавало в голове тяжёлым стуком. Пытаясь хоть что-нибудь вспомнить из недавнего сна, она опять закрыла глаза, но образы ускользали слишком быстро. Заретте часто снились подобные сны. Подменяя её настоящие воспоминания – вымышленными, подходящими по контексту тем или иным сюжетам, эти сны были настолько реальными, что, случалось, за одну только ночь Заретта проживала сотни жизней. События в них перепутывались, линии главных героев не

запоминались. Однако каждый раз, закрывая глаза, девушка ждала этих снов, чувствуя себя на месте зрителя или читателя, перед которым открывается замысловатый сюжет. Выбитая таким образом из русла привычной реальности, Заретта нередко ловила себя на мысли, что её настоящая жизнь намного скуднее красками той, что во снах. К тому же Заретта была одинока, пусть этого она и старалась не замечать. Однажды поверив, что рядом с ней когда-нибудь непременно появится нужный человек, она смягчала своё одиночество уверенным ожиданием. И то рассыпалось, теряя угрожающий вид.

– Письмо, – вспомнила Заретта. Она схватила со стола чашку холодного кофе, прижалась к ней горячими губами и сделала глоток. Горькая влага прояснила сознание. В дверь позвонили. В задумчивости Заретта прошла в прихожую и открыла. Перед ней стоял Азраил.

О прошлом Вальсама говорили шёпотом. Никто ничего толком не знал, но весь театр относился к режиссёру с таким уважением, что нельзя было даже и помыслить его прежние годы в неблаговидном свете, а в каком-либо другом – не хватало воображения.

– Если ты король, то кто я тогда? Бог? – Вальсам пристально смотрел в глаза Хэпи.

– Нет, зачем? – выкрикнул тот из боязни, что его голос опустится до шёпота.

– Ты хочешь быть богом? – Вальсам рассмеялся ужасным нежным смехом.

Хэпи резко опустил глаза в пол. Вальсам замолчал, ожидая ответа на вопрос.

Повисшая пауза начала раздражать Хэпи. Он наконец овладел привычным голосом, не допускающим сомнений:

– Вы, кажется, на это место уже нашли достойного. – Ему было неприятно: впервые Вальсам говорил с ним, как с равным, без броской повелительной интонации, но шутя, играя, и не о нём.

– Азраил – ведущий актёр труппы, – напомнил Вальсам.

Чёрные камешки чёток беззвучно отстукивали секунды.

Хэпи сжал губы:

– Значит, всё-таки – шут... – произнёс он тихо.

Однако Вальсам расслышал его:

– Если хочешь, джокер – сильная карта, – ответил он с чуть уловимой усмешкой. Чёрные камешки продолжали равномерно падать, выбрав уязвлённое сердце Хэпи своим суфлёром. Сола и Квентин

беспомощно смотрели друг на друга, не находя в себе сил вмешаться.

Вальсам прошелся по ворчливому паркету и остановился перед Хэпи:

– А как же Гордас? Он тоже метит в боги?

На паркет ступила нога Верти:

– Ну, это уже, простите меня, язычество, – пробасил он с монашеской интонацией.

– Вот актёр. Который день всё из роли не выходит, – скептически заметил Хэпи.

– Согласен. Верти, это уже глупо… – аккуратно произнёс Квентин.

– Глупо? – Верти со вздохом сел на колени перед Квентином, положив железный крест рядом с собой. – Зато правдоподобно. – Он заискивающе улыбнулся Вальсаму, ища в том поддержку.

Рыжеволосый юноша шёл вперед. Дыхание теперь не причиняло боли. Стены колодца, наподобие лабиринта, расступались перед ним, выстраивая всё новые и новые коридоры, пока не завели в тупик. Податливое пространство воспротивилось его шагу, не пропустив дальше. Он коснулся огня – оранжевые змеи зашипели, кусая длинные бледные пальцы. Он попытался сделать ещё несколько шагов, но стены по-прежнему не расступались.

– Эй, – позвал кто-то.

Рыжеволосый юноша обернулся. Перед ним стоял человек.

– Кто вы?

Исходившее от незнакомца серебряное свечение ослепляло. Даже огонь сторонился его. Человек медленно моргнул.

– Уже умеешь говорить? – Вопрос не предполагал ответа. – Моё имя тебе знать не нужно. – Он посмотрел на стену, что казалась монолитной. – Ты не войдёшь сюда. В колодце – множество дверей. Однако, чтобы войти в некоторые из них, нужен ключ. Не думаю, чтобы милорд одобрял твои перемещения.

– Его нет, – ответил юноша.

– Вот почему ты бродишь в одиночестве… – догадался Гилт. – У меня есть для тебя подарок. – С этими словами Гилт протянул ему оранжевый цветок с заострёнными лепестками. – Пройдёт немало времени, прежде чем двери, в которые мы хотим войти, откроются. – Ни один мускул на его лице не выдавал эмоций.

Рыжеволосый юноша взял цветок, рассматривая его с любопытством. Никто ещё не дарил ему подарков. Никто ради этого не

прерывал его одиночества.

По деревянным ступеням со стороны сцены широкими шагами поднимался Гордас. Вальсам с любопытством посмотрел в сторону доносившихся звуков.

Гордас влетел на сцену:

– А, вот вы где. О чём ваш спор? – спросил он с привычной дерзкой улыбкой, от которой на этот раз веяло бесцеремонной радостью.

– Повеселел? – Хэпи нахмурился.

– Вы мне не рады, вижу?

– Что ты, только тебя и ждали. – Голос Хэпи звучал уверенно и оттого убеждал в своей правоте.

– Довольно, избавьте. Вот что, – Вальсам натянуто улыбнулся. – Вы так похожи друг на друга. Крайне тщеславны, вы носитесь со своим талантом, стараясь выделиться, затмить и переиграть соперника. Звучите в одной тональности, не выдерживая своих ролей. Вы сейчас, как хорошо подобранные шаблоны, отличаетесь разве что незначительными характеристиками. Вот они: Гордас – заносчив, Верти – покорен, Квентин – благороден, Хэпи… – Вальсам сделал паузу, словно бы проверяя всё существо Хэпи на прочность. – …скрытен.

– Скрытен? – Хэпи не удержался от усмешки. – Всего то…

Между тем Вальсам продолжал.

– Или нет. Хотите, я раздам эти незначительные отличительные черты заново? Особой разницы не обнаружится. Будьте собой, перестаньте звучать в одной тональности. Я очень недоволен вами. Актёру одному нет места на великой сцене, и театр – не театр, когда в нём торжествует один герой. Вы вместе есть талант. – Вальсам был чрезвычайно искренен, даже трогателен, и все в большей или меньшей степени это почувствовали. – Недавно мы поставили новый спектакль. Теперь мне поручили найти ещё одну пьесу. Сезон обещает быть насыщенным, – продолжал он с тем же нежным оттенком в голосе, вызывавшим на откровенность.

Сола посмотрела на Гордаса. Он поймал её взгляд, вспыхнул и резко отвернулся. Девушка нервно улыбнулась и поступила так же. Всё произошло очень быстро, однако Хэпи это заметил.

– А где Азраил? – вдруг спросил Вальсам, озираясь по сторонам. – Он опять не пришёл?

Квентин и Хэпи переглянулись.

– Новая пьеса – это пьеса Солы? – с трепетом в голосе спросил Квентин.

– Она тоже рассматривается, – кивнул Вальсам: видно было, что затронутая тема его беспокоила куда больше, чем отсутствие Азраила. – Прошу, соберитесь: постановка новой пьесы требует большой сосредоточенности в работе. – Вальсам строго обвёл всех глазами и медленно спустился вниз по ступеням сцены.

Глава 7

В средиземной круговерти

Раннее утро пробивалось в окна свежим дыханием, роняя золотые брызги солнца на стены. Тихий шум проснувшегося города фонил привычно и назойливо, дополняя картину повседневными звуками. Недавний сон ещё сквозил в сознании, не давая шагнуть в мир настоящего, но лежащий на столе распечатанный конверт скоро развеял его безмятежность.

Звонили в дверь. Заретта смутилась. Отдаленный лай собаки перебил её мысли, заставив улыбнуться. Торопливо пройдя в прихожую, она открыла. Вбежала смешная неуклюжая собака, заливаясь приветственным лаем. Следом за ней показался и хозяин, держа в одной руке поводок, в другой – длинную трость. Это был молодой человек высокого роста и замечательной наружности. Светлые волосы обрамляли одухотворённое лицо, немного отрешённая улыбка пряталась в мягкой бороде.

– Илвис! – Заретта ласково взяла гостя за руку.

– Слишком рано для приёмов? – спросил он утвердительно.

– Нет, я тебе рада, – выдохнула Заретта с нежностью.

– Джексон сегодня такой беспокойный, всё рвался в твою сторону, я не мог ему отказать, – прибавил молодой человек лукаво.

– Правда, Джексон?

Большая собака, слыша свою кличку, вертелась рядом,
добрыми глазами смотря по сторонам.

Этот утончённый в манерах юноша был близкий друг Заретты. Когда-то они вместе учились: она – живописи, он – скульптуре. Студенческие годы пролетели, Илвис и Заретта на них не оглядывались. Мелкие разочарования, большие потери, ненужные связи, редкие друзья и

частые знакомства. Впереди мерцало многообещающее будущее.

Грандиозные планы носились в их головах, подпитываемые жаждой жизни, жаждой деятельности. Но нет! Ни шага более. Трагический случай лишил Илвиса этого будущего, – он ослеп. Оставшись наедине с талантом, посреди молодости, желаний и недавних надежд, Илвис думал, что, скорее всего, умрёт. Но шло время, а смерть так и не приходила. Обладая стойким характером, преодолев страх, весь ужас своей трагедии, Илвис всё же нашел в себе силы для жизни. Он был скульптор, не художник, и этот факт смягчал приговор. Задача казалась решённой. Он завёл собаку, сам обучил её нужным командам. Дни напролёт посвящал себя любимому делу, интересовался современными мастерами и не замечал времени. Но скоро опомнился, тяжело разочаровался, замкнулся в себе. Илвис так же шутил, рассыпал остроумные мысли, спорил, но смех его изменился, звучал глухо и как будто бы отдельно от души. Ещё немного помудрив над исправлением судьбы, измучившись от неудач, казалось, он тихо жил для того, чтобы так же тихо умереть.

– Представь… – Илвис откинулся на спинку кресла, сложил руки крест-накрест. – Недавно читаю в газете… – он намеренно сделал акцент на слове «читаю».

Несмотря на то, что Илвис был абсолютно слеп, чувство собственного достоинства в сочетании с памятью блестящего прошлого не давали ему опуститься до напоминания о своём непростом положении, поэтому он так же делал комплименты девушкам, одевался со вкусом и пользовался тем же набором слов, что и прежде.

Заретта не поправляла Илвиса: она всё понимала, всё чувствовала.

– Что же? – вежливо поинтересовалась она, разливая душистый чай по чашкам.

– Ограблен модный салон. – Илвис для большей убедительности вынул из внутреннего кармана пиджака аккуратно свёрнутую газету. – Что же украдено? – Голос его опять облачился загадочной интонацией.

– Интересно, – улыбнулась Заретта отрешённо: было заметно, что она не слушала.

– Можно было много чего украсть…А они? – Илвис, казалось, играл сам с собой: сам себя дразнил любопытством, сам себе задавал вопросы и отвечал на них. – Украли один манекен только! – Илвис беззвучно отпил чай из чашки, медленно опустив её на блюдце. –…Один манекен… – повторил он. – Или вот ещё… – продолжал Илвис, чуть помолчав, и пустился в пространное объяснение причин, побудивших молодого миллионера к покупке древнего замка. Затем последовали эмоциональный пересказ истории об одной уважаемой особе, что великодушно усыновила двоих несчастных детей, доклад о новых

вышедших книгах и курсы мировых валют.

Заретта не могла слышать его: она думала о другом, поэтому эпатирующая пресса с пристрастными комментариями осталась без внимания.

Азраил вышел из дома. От ярких красок дня в глазах запрыгали цветные кольца. Вдруг что-то задержало его внимание в одной точке. Это была девушка. Копна шоколадных волос и обворожительная улыбка. Азраил невольно забылся. Воображение его, всегда взволнованное, нетерпеливое, начало прилаживать к образу незнакомки, потерянные ею крылья бабочки.

– Азраил! – позвала девушка, приблизившись к нему с недорисованными крыльями шоколадницы.

Азраил вздрогнул, воображение смущённо потупилось и отлетело.

– Азраил, ты не узнаёшь меня? – Девушка улыбнулась.

– А-а-а. – Азраила будто бы что-то душило, что-то рвалось с языка, неведомое, тайное, совсем не подходившее для данной минуты. – Сола, – вымолвил он наконец, – я…

– Я вижу. Не совсем понимаю, но вижу. Впрочем, уже обычное дело. – Сола покачала головой. – Но вот что, – добавила она громко, – моя пьеса разрешена к постановке. Послезавтра приступаем к репетициям. Роли, конечно, уже разобраны: тебе, как ведущему актёру, Вальсам отвёл одну из лучших, на мой взгляд. – Сола замялась: она хотела что- то добавить, но не решалась. Наконец она выговорила. – Вальсам ждет от меня режиссёрского подвига: хочет, чтобы я вами руководила.

– Неудивительно, Сола, это же – твоя пьеса. Никто не сможет распорядиться ею лучше автора.

– Думаешь? – Неуверенно спросила девушка.

– Конечно, – кивнул Азраил. – Когда, говоришь, предварительные читки?

– Азри, ты сделался глух, и не только к словам моим», – произнесла Сола вдруг изменившимся тоном.

– О-о-о, не стоит. Если бы ты знала, какие чувства бродят во мне, пытаются вжиться в мой разум, дерзают освоиться, присмотреться к душе, хотят, чтобы я дал им право на существование… – шептал Азраил страшно.

– Молчи, я всё знаю! – Сола с жаром посмотрела на него.

– Знаешь? – Голос Азраила дрогнул.

– Да. Ведь я… Я люблю… – Сола запнулась, словно бы в лёгких её закончился воздух, вдохнула снова и продолжала, – я люблю твою душу, слышишь, люблю! – Голос её сорвался, она едва не плакала.

– Нет, Сола, не знаешь. Ты заблуждаешься. – Азраил на мгновение закрыл глаза. – Заблуждаешься, – повторил он – и неожиданно-бодрым деловитым голосом прибавил: – Ещё увидимся, Сола.

Прежде, чем девушка успела ответить, Азраил исчез.

Звонил телефон. Заретта подняла трубку:

– Да?

В ответ прошумело нечто неразборчивое, но по тону похожее на приветствие, затем более отчётливо:

– Илвиса. Можно?

– Он ушёл, – сообразила Заретта. – Только что, – добавила она быстро.

– Верните, – голос в трубке не отличался многословностью, претензии на вежливость в нём тоже не обнаруживалось, однако было в этом неразборчивом голосе что-то притягивающее, не вызывавшее ответной грубости или раздражения. – Важно, – последовало далее, как бы расшифровывая первое слово.

– Попробую, – переняла манеру краткости в словах Заретта.

Она вышла на улицу. Илвис стоял под большой липой, согнувшись над своим четвероногим, и что-то растолковывал ему вполголоса.

– Илвис, – тихо позвала Заретта.

Он обернулся.

– Тебя к телефону.

– К телефону? – переспросил Илвис настороженно. – А-а-а, наверное, это Найт, – рассуждал он, идя обратно к дому.

– Найт? – Удивилась Заретта.

– Я дал ему твой телефон, ну на случай, если что со мной… Заретта не дала ему закончить:

– Ну и прекрасно.

Они прошли внутрь. Верный четвероногий последовал за хозяином.

Илвис поднял трубку:

– Найт? Хорошо, давай.

– Что? – Заретта тревожно посмотрела на Илвиса. Тот, словно увидев это, неуверенно протянул:

– Можно, я посижу у тебя с полчаса? Найт застрял где-то неподалёку со своим мотоциклом…

– Конечно, – согласилась Заретта. –А кто этот Найт? Ты упоминал о нём, но так и не рассказывал.

Илвис откашлялся:

– Найт – мой друг. Он довольно странный. Замкнутый, неразговорчивый, как ты, наверное, могла заметить, слова, и уж тем более, улыбки даются ему с явным трудом.

– Найт – необычное имя, – заметила Заретта.

– Не имя – прозвище. Получил в детстве: любил летать на велосипеде по ночным улицам. Он и теперь летает, только уже на мотоцикле.

– А как его зовут на самом деле?

– Никто не помнит… – рассмеялся Илвис. – Нет, конечно, в паспорте об этом что-то написано, да только ему нет до того дела.

– Как же вы познакомились?

– Он чинит и собирает мотоциклы. Но основной его работой была и остаётся доставка. Однажды Найт должен был привезти мне скульптуру, что я заказал на выставке. По пути ко мне он попал в аварию. Чуть не распрощался со своей свободолюбивой жизнью. Однако, опоздав на приличное время, всё же добрался до меня с невредимой посылкой и перевязанной наспех рукой. Сейчас он работает в пяти местах одновременно. И ещё… – Илвис понизил голос до доверительного шёпота, – Найт заметно влюблён в мою сестру. Хотя они встречались всего несколько раз, думаю, судьбы не избежать.

– Вот как, здорово. История прямо для колонки в газету. Кстати, ты свою забыл у меня. Ту, что читал, – уточнила Заретта, – с красочными новостями.

– Новостями? – Илвис сдержанно улыбнулся. – Да ей уж пара недель, если не больше, я просто тебя повеселить хотел.

– Первая любовь была, как луч… – Гордас не договорил.

Хэпи иронически прищурился.

– Луч, понимаешь ты? – заметно захмелевший голос Гордаса комически булькал. Его всегда строго зачёсанные назад чёрные в пепел волосы теперь, развалившись неопрятными прядями, съехали на лоб, и что уж было совсем непозволительно, на уши. Гордас их не поправлял.

– Верти сильно опаздывает, – грустно заметил Квентин.

– Я уже говорил, Верти отказался от приглашения, – ответил Хэпи не в первый раз.

– Вот как! – удивился Гордас. – Как бы он в монастырь не ушёл после своей удачно сыгранной роли... – Он сделал ещё несколько глотков.

– Смотри-ка, Хэпи, Гордас пьян! – хмыкнул Квентин.

– Не только он, позволю себе заметить. – Хэпи вежливо

отстранился от головы Квентина, собиравшейся, по всей видимости, дружески пасть на его плечо.

– Первая любовь, – Гордас закрыл глаза, – ничего давно уже нет, а образ её – в душе навеки. Новое чувство – лишь блеклая копия прежнего… Она – блеклая копия…

Хэпи потёр переносицу:

– И тебе совсем не совестно такое говорить при Квентине? – Спросил он с легким укором.

Между тем Гордас продолжал рассуждать:

– Образ, что останется с тобой до конца, до последнего вздоха, образ, что сопровождает тебя во снах. Очнувшись наяву, ты готов снова любить, но это лишь воспоминание. Человеческая память – удивительная штука. Не было бы её, не было бы и нас, как таковых. – Гордас требовательно уставился на Хэпи. – Понимаешь?

– Конечно. – кивнул тот. Его тёмные глаза с запрятанными на глубине эмоциями смотрели на Гордаса изучающе. – Память формирует в нас личность, характер, диктует привычки и правила, – монотонно согласился он.

Гордас удовлетворённо кивнул.

– Я тебя, Гордас, первый раз в таком… – Квентин замялся, но, прожевав длинную паузу, наконец подобрал верное слово и продолжил, – …человеческом состоянии вижу.

– Может, ты и себя вместе с ним заметишь? – усмехнулся Хэпи.

Квентин не расслышал, шепнув Хэпи на ухо:

– А чего Гордас вдруг о любви заговорил?

– Он влюблён в твою Солу, – ответил Хэпи.

– Что? – Квентин часто заморгал.

– Вот именно, что это ты такое несёшь, Хэпи.

– Просто он ещё этого не осознал, – так же на ухо шепнул Хэпи растерянному Квентину.

Вечер опускался на город медленно. Догоравшее солнце ещё дразнило слабым теплом. Осенний дождь тихонько всхлипывал. Осыпавшиеся листья лежали неподвижно. Кровавыми ранами земли казались они в блесках слепнущего солнца.

«Отчего только люди так любят осень? Это же настоящая смерть: лето медленно умирает, купая нас в своей агонии красок… Да, Квентин бы сейчас сказал: «Зато какая смерть! Красивая, пышная!» Поэты… – Азраил дёрнул уголком рта.

– Нелепая, говорю я. Если мёртвых одеть в роскошь, смерть что, будет радостней?»

Азраил поднял голову, с дерева слетел большой кленовый лист, скользнув по его плечу. Он поднял его.

«Как красиво ты вычертила линии. Природа, всё же мы с тобой родственны. Смотри, это же моя рука…»

Азраил приложил кленовый лист к ладони.

«По красоте они равны», – мысль эта развеселила Азраила. Поднявшись с лавочки, на которой сидел вот уже полчаса, он сделал пару шагов по влажной земле и прислонился к старому дереву. Вдалеке замелькал силуэт девушки. Азраил узнал его. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул и судорожно улыбнулся.

– Азраил, ты здесь? – позвала Заретта тихо, сев на лавочку с кленовым листом. Азраил не сразу ответил:

– Какое плаксивое настроение у нашего дня… – произнёс он полу-дыша, полу-смеясь.

– Прости, что задержалась: провожала друга.

– Друга? – удивился Азраил. – Ты… как? – спросил он, ещё не поднимая глаз на девушку.

– Как обычно, – натянуто улыбнулась она. – А ты?

– Похоже. – Азраил сел рядом с Заретой.

– Вот и славно, – руки её дрожали.

–Что с тобой, Заретта?

– Я получила завещание отца. Прошло уже полгода, а я до сих пор не могу поверить в то, что его нет.

– Тебе больнее, чем мне, – Азраил наконец поднял глаза на сестру. – Я не знал его. Но я могу понять.

Заретта смотрела на серое небо, обрамлённое яркими кронами высоких деревьев.

– Он словно бы чувствовал, что скоро уйдёт. Всю жизнь он искал тебя – и вот нашёл незадолго до смерти. Последнее время со мной происходят странные вещи.

Азраил насторожился.

– Нет. Пустое. Вряд ли я смогу объяснить. – Заретта испуганно замолчала.

– Попробуй, – тихо попросил Азраил.

– Меня словно не существует. Моя память слоится, делится на множество чужих жизней…

– Когда это с тобой началось?

– Не так давно. Я словно бы потерялась, уступила место кому-то другому. Это сложно описать. Меня нет, есть тусклый набросок неумелого

художника. Я растеряна, не образно – буквально. Не могу тебе рассказать всего. Не сегодня.

– Завтра?

– Нет, и не завтра.

– Когда?

– Я ещё сама не разобралась до конца.

– «Что ж, я намерен ждать», – произнёс Азраил твёрдо.

Заретта протянула ему конверт:

– Это лично тебе. Там было два письма. И ещё, Азраил, я уже говорила: отец завещал квартиру нам двоим, ты…

– Я помню, – перебил Азраил, – но я привык жить один. – Он взял письмо. – Не читала?

– Нет. Я боюсь писем. Послание отца долго не могла прочесть, – грустно ответила Заретта, встала и быстрыми шагами пошла прочь.

Азраил ещё с полминуты смотрел на запечатанный конверт, затем поднял глаза. Навстречу ему из противоположного угла парка шёл Руфус.

– Руфус! – как-то безжизненно крикнул он, подняв над головой руку.

Руфус подошёл:

–Какой ты бледный. Вблизи кладбища все становятся мертвецами. Что это у тебя? – кивнул он на конверт.

Азраил криво улыбнулся:

– Завещание.

– Да ну! – угольные глаза Руфуса таинственно заблестели, и прежде чем Азраил успел что-либо сообразить, тот выхватил конверт.

– Ты что… – Азраил растерянно смотрел на друга.

– Денег там нет, – серьёзно заключил Руфус, так же серьёзно добавив, – ценных бумаг тоже.

– Отдай, Руфус, – устало попросил Азраил.

Руфус вернул конверт, испуганно вглядываясь в лицо Азраила.

– Да что с тобой такое? Не хочешь мне ничего рассказать? – он протянул Азраилу руку.

Тот схватился за неё со старческой беспомощностью и поднялся с лавочки:

– Нет.

Глава 8

Ночная память

Время текло, куда-то торопясь по вредной привычке. Давно перебравшись за полночь, оно не останавливалось, стремясь теперь к новому дню. Посетители ночного бара уходили и приходили, задерживались, одни – на минуты, иные – на часы, и те, и другие периодически бросали косые взгляды на столик в центре, за которым сидели трое молодых людей и что-то эмоционально обсуждали.

– Вальсам нам этого не простит, убьёт, пожалуй, – решил Хэпи, высвобождая свою шею от объятий Квентина.

– Ты про репетицию? Да забудь! – воскликнул Гордас, и уронил лохматую, пьяную голову на плечо Хэпи. – Может у нас быть немного свободы?

– Свободу свободным актёрам! – бодро поддержал Квентин.

Хэпи сдержанно улыбнулся:

– Слушай, Квентин, ты самостоятельно передвигаться в силах?

– Конечно – кивнул Квентин, заняв последнее дружеское плечо. – Отчего, скажи мне, ты никогда не пьянеешь, а? – проговорил он в шею Хэпи.

– Наверное, оттого... – Хэпи взял Гордаса и Квентина под руки и попытался с ними встать, – что я никогда не пью, – поскользнувшись, он приземлился со своей парой на то же место.

– А-а-а, верно, я опять забыл, – прошумел Квентин, ничего не заметив и готовясь, судя по всему, к ночлегу.

– Э-э-э, нет, вставайте, – Хэпи сильно тряхнул обоих.

– Ты чего, Хэпи? – Голубые глаза Квентина поползли на лоб.

– Вставайте, говорю.

Квентин сполз с уютного места, сначала, правда, под стол, откуда его долго не было видно, но потом он всё же появился, в вертикальном положении и с невинным лицом. Длинные его волосы, лишившись хитроумно затянутой ленты, были разложены по плечам, как у подарочной куклы.

– Ну что, пошли? – сказал он, деловито оглядываясь по сторонам.

– Пошли, – передразнил его оживлённость Хэпи. – И вот что,

Гордас, – он обратился к своему плечу, с которого так и не поднялся Гордас. – Ты опять потерял театральный пропуск.

Гордас вздрогнул, крестик в его ухе угрожающе закачался.

– Отдай! – крикнул он раздражённо.

– Ну, разумеется, – успокоил Хэпи, отдавая ему пропуск. – Чего ты так переживал? Фотография – самая обычная. – Он разочарованно пожал плечами.

– Больше никогда, слышишь, никогда… – шипел Гордас, пытаясь выразить упрёк, досаду и угрозу разом.

– Конечно, конечно, – поспешно согласился Хэпи.

Они вышли на улицу и направились прочь, не разбирая дороги.

Гилт медленно шёл под сводами серебряных колонн, разглядывая миниатюрные плоские песочные часы, которые висели у него на груди.

– Гилт! – раздалось за спиной громкое эхо.

Быстрым движением Гилт спрятал часы под одежду.

– Где ты был, Гилт? Я искал тебя.

Гилт обернулся, но не ответил.

– Ты догадался, кем может быть один из хранителей в этой игре? – Красная Мантия вплотную приблизилась к нему.

– Нет. Я уже говорил, предположить задумку текущей игры по хроникам прошлых игр невозможно, пустая трата времени. – Гилт смотрел прямо в предполагаемые глаза красной Мантии, будто те и впрямь были. – Но вы – действующая фигура, неужели сложно догадаться?

– На этот раз поле битвы – театр. Догадаться сложно, когда её участники играют дополнительные роли…

– Вот как… – произнёс Гилт медленно. – И вы никого не подозреваете?

– Подозреваю всех. Всё слишком запутанно.

– Однако подсказка есть: ради носителя он умрёт в муках иснова воскреснет для мучений.

– Мне это хорошо известно, Гилт.

– Тогда в чём сложность? – Голос Гилта, если и не был таким громким, звучал так же властно. Подобно стеклянному, раскалывался он на острые осколки-отзвуки.

– Не будем об этом, – отрезала Мантия. –Я доверяю тебе, Гилт. Ты принёс мне много побед. В этой игре мне также потребуется твоя помощь.

Гилт сделал то неуловимое движение глазами, которым заменял многие слова. Как б кивая ими в знак согласия, он медленно моргнул.

Фигура его в этот момент была подобна ледяной статуе, насквозь пронизанной лучами света и не пропустившей тепло ни одного из них.

– В этот раз я не могу сделать тебя чёрной фигурой, однаков твоём распоряжении – информаторы. – Мягкий туман не разъедал красную Мантию, как некогда плащи теней, однако ей было неуютно находиться в обществе Гилта. – От своего поля я пошлю вместе с козырем двух птиц. Ты должен будешь проследить за ним, на случай если те собьются с пути. – Прогремев это, Мантия растворилась в пространстве.

– Проследить за ним… – холодно повторил Гилт. Он подошёл к одному из серебряных сгустков тумана, протянул в него руку и вырвал большой клок этого странного вещества. Затем он скатал из него пушистый шарик, поднёс к губам и что-то повелительно нашептал. Размахнувшись с силой метателя копья, Гилт бросил его вперёд. Тот, пролетев приличное расстояние, наконец, упал, но не подскочил от удара, а плавно приземлившись на четыре кошачьи лапы, побежал, скрываясь в мягких серебряных клубах и вновь появляясь, пока совсем не исчез из вида.

I I I

Три свечи поблёскивали в комнате, деля между собой территорию темноты, каждой по владению. Азраил держал в одной руке маленький острый ножичек, а в другой – вскрытое письмо. Его лихорадило. Азраил быстро вытащил сложенные вдвое листы, развернул их и стал читать. Фарфоровые черты лица его казались застывшими. Он безжизненно опустился за письменный стол.

– Ты брат ей, помни, – прошептал он помертвелыми губами. Ненавистные слова били без боли, убивали. – Ты учишь меня любви, отец? – Ядовитая насмешка растворилась в голосе. Последняя строчка ёрзала перед глазами, скрежетала на губах. Сплошной циклический рефрен шумел, отчётливо ударяясь в мягкое сердце: «Ты брат ей, помни».

– Приговоры обычно вслух читают. Там никак без посредника. Разве может обвиняемый сам себе читать приговор? А я читаю… – Улыбка, похожая на вытравленный кустарным мастером рисунок, скользнула по губам Азраила, кривая, нервная. – Да ещё света нормального нет. – Азраил презрительно покосился на горящие свечи. – Вот тебе и ценные бумаги… – вспомнил он слова Руфуса. – Когда же наконец казнь?

Не находя в себе сил побороть неприятное ощущение, Азраил мог только созерцать, жадно и зло пробуя каждую его частицу на вкус, смакуя. Будто был он изранен и весь в подтёках крови, а сейчас занимался тем, что ярко, в малейших подробностях, вспоминал ножевые удары. Азраил понимал: он теперь слаб – но упивался своей слабостью, безвыходностью,

как запертый в комнате горящего дома человек. Мысль о реальной боли покружила в сознании, и, сев на плечо, улетела. Азраил подумал, что, если бы он мог заменить душевную пытку пыткой физической, всё бы непременно обошлось. Он тихо застонал, но не услышал себя. Азраил вообще ничего не слышал. Оглядевшись по сторонам, он вдруг заметил, что вместо темноты его окружал красный цвет. Растекаясь подобно жидкой краске, тот заливал комнату. Азраил зажмурился, а когда вновь открыл глаза, красный цвет исчез, жизнь ожила в звуках.

– Такое уже было… Что со мной? – в ответ на его слова разгорелась одна из трёх свечей, вызывая восковые слёзы, и те опять потекли, горячие, тяжелые. Азраил замахнулся на огонь – пламя стало тускнеть, скомкалось в белёсый дым. Теперь горели только две свечи, мгновенно разделив оставшуюся темноту своей потухшей соплеменницы. Азраил открыл верхний ящик стола, бросив в него письмо, туда же полетел и острый ножичек. – Радуетесь? – Азраил с укором смотрел на две оставшиеся свечи. – Ненавижу трепетных. Сгорят в полминуты, и приговор-то толком не прочтёшь, – он зло улыбнулся. – Радуйтесь, спокойные, равнодушные: ваша власть! Пережили бы мою свечу, да затушил вовремя. От огарков ваших траурных теперь зажгу её, слышите?

В ответ – треск, тихий, пронзительный. В коридоре задрожала лампочка, вспыхнул электрический свет. Азраил сорвался с места, с остервенением раздёрнул плотные шторы, за которыми была глубокая ночь, и вышел из комнаты со свечами в обеих руках.

Ночная улица таила в себе неразгаданные тайны. Найт любил их. Илвис ненавидел с тех пор, как ослеп. Ночь отягощала вдвойне. Джексон вдыхал сумрачный воздух с животным свистом, не делая особых различий между ненавистью и привязанностями. По дороге затрещал мотоцикл. Джексон беспокойно заворчал.

– Рядом, Джексон, рядом. – Илвис не испытывал страха, только неудобство от слепоты.

– Поздно. Для прогулок… – Найт сбавил скорость и поравнялся с Илвисом. – Я звонил. Тебе. – Неуклюжая, прерывистая речь наталкивала слова друг на друга, и те спотыкались и падали, с трудом удерживая смысл.

– О, – Илвис покачал головой. – Не стоило беспокоиться. Мне не спалось, и мы с Джексоном решили выйти подышать.

Большая собака, подтверждая слова хозяина, радостно залаяла.

– Может, подвезти? – сам себя спросил Найт. В глаза он смотреть не любил. Не конкретно в глаза Илвиса, а в любые человеческие глаза, и

потому создавалось впечатление, что он задаёт вопросы сам себе.

– Ещё несколько шагов, – попросил Илвис. – И, знаешь, она уехала, – вдруг сказал он.

Найта перемена темы не удивила, к тому же он сразу понял, о ком речь:

– Вернётся?

– Обещала через полгода. – Илвис вздохнул. – «Моя работа требует глубокого погружения», – произнёс он на высоких нотах, предполагая женский голос. – Так что будем скучать вместе.

Найт на это ничего не ответил, аккуратно подсадил Илвиса на мотоцикл, и они плавно заскользили по ночному пространству. Джексон, привыкший к таким прогулкам, бежал рядом, оглашая сонные улицы бодрым лаем.

Гордас поднял голову с плеча Хэпи:

– Где это мы? – спросил он с любопытством.

– Ну, судя по католическому собору… – Хэпи огляделся. Они шли по мрачной безлюдной дороге. Раннее утро золотило стены разрушенных домов.

– Где? – Испугался Гордас.

– Надо полагать, не так далеко от реальности, – съязвил Хэпи. – Улица святого Эндимиона, – с монотонностью картографа добавил он.

– У-у, куда мы забрели… – поёжился Квентин.

– Тихо. – Хэпи прислушался. – Слышите, вроде орган играет? – спросил он настороженно.

Квентин приоткрыл голубые глаза:

– Я ничего не слышу.

– Собор закрыт, заброшен, – резко отреагировал Гордас. – Это ветер гуляет по трубам.

– Зачем ты нас сюда завёл? Ты что, ничего не знаешь об этой улице? – пьяным голосом возмутился Квентин.

– Закрыт… – Хэпи был трезв, но явно слышал звуки органа.

– Глупости, – отрезал Гордас. – Только такие, как ты, Квентин, верят всем этим бредням.

–Глупости? – передразнил тот. – Только такие, как ты, могут уговорить себя в том, что чертовщины не существует, когда она сейчас преспокойненько играет в заколоченных соборах. –У Квентина двоилось в глазах.

– Эта она для Хэпи играет, не для нас. Я вот тоже ничего не слышу, –

пожал плечами Гордас.

– Тогда ладно, – примирительно поддакнул Квентин.

– Ну вас, – вздохнул Хэпи, – рехнуться можно.

– Или опьянеть, – губы Квентина расплылись в улыбке. Эх ты! Не водишь дружбу с Дионисом!

– Отнюдь нет, – возразил Хэпи. – Я – его мастер.

– Что? – Растерялся Квентин.

– Мастерами Диониса называли себя древние актёры, – пояснил Хэпи. – Ты даже представить себе не можешь, Квентин, насколько мы близки к божественному началу.

– Дионис? – недовольно встрял Гордас. – Козлоногий пьяница?

– Должно быть, ты попутал с сатирами. Дионис никогда не был низшим божеством, напротив. Первоначально театр служил местом его чествования. Сценические игры составляли главную часть торжества. В древнем театре даже имелся алтарь Диониса…

– Я – актёр, я – языческий бог, – произнёс вдруг Квентин.

– Это – сон, и мы спим в мире слов! – продолжил Гордас.

– Я – вольнодумец, в греховном экстазе побед, – опять процитировал Квентин.

– Вне церквей и крестов, – вспомнил Гордас.

– Я – актёр, я – смуглокожий грек. И Афины легли в горизонт, – не унимался Квентин.

– Откуда это? – остановил их Хэпи.

Квентин не отвечал, продолжая бубнить стихи.

– Из какой-то роли, – Гордас зевнул.

– …Ты всего лишь – славная муза моя. А я – твой бесславный поэт, – закончил наконец Квентин. – А ты… – он указал на Хэпи. – Ты язычник.

– Пьёшь с Дионисом! – выдал Гордас недовольно.

– Нет, не пью, – ответил Хэпи со вздохом.

– Помню, – хмыкнул Гордас. – Только апельсиновый сок.

– Вот уйду я в царство Хель, а никто и не заметит, – чуть не плакал Квентин.

– А ты разве не хочешь героически пасть в бою? – Моментально отреагировал Хэпи.

– Кто это «Хель»? – Гордас путался в сонном дыхании.

– Квентин с греческих мифов перешёл на скандинавские, – пожал плечами Хэпи. – Это хозяйка загробного мира, страны мёртвых. К ней попадают все умершие, кроме героев, погибших в бою, те… – он сделал паузу, припоминая, – по другому адресу.

– По какому адресу? – не понял иронии Гордас.

– К валькириям, – ответил Хэпи невозмутимо, как будто речь шла о близких знакомых.

– А-а, – кивнул тот.

– Двуликое божество, – продолжал рассуждать Хэпи. – Одна половина её – чёрная, другая мертвенно бледная.

– А-а, – опять произнёс Гордас. Хэпи напустил на него такого ужаса, что тот перестал его слышать.

– Откуда ты всё это знаешь, Хэпи? – В голосе Квентина больше не было слёз, лишь – любопытство.

– В детстве увлекался, – ответил тот тихо.

Живое пламя винтовой лестницей струилось по стенам колодца. Рыжеволосый юноша шёл по огню босиком, крепко сжимая в руках книгу. Лестница вдруг оборвалась. Он стоял один посреди высоты гранатовых стен: вверху – едва заметный свет, внизу – пройденная вереница пламени.

– Лети! – донёсся сверху знакомый хор голосов.

Рыжеволосый юноша поднял голову. Тотчас по спине его начали ползти две параллельные линии. Кровь не сочилась из этих равномерно падающих разрезов. Казалось, внутри него – пустота. В одно мгновение из телесных расщелин вырвались чёрные крылья. Он взмахнул ими. Ещё раз, ещё – и оторвался от огненной лестницы.

– Ну же, лети, – послышался нежный голос, и то был уже не приказ, а заботливый, родительский шёпот. Не выпуская книги из рук, крылатый юноша стал подниматься всё выше и выше. Он летел к своему создателю, к тому, кого впервые увидел, чей голос услышал впервые.

Стены колодца расширялись, разреженное огненное тепло жидкими волнами плескалось в воздухе, тяжелее становилось дышать. Страшная резь пронзила его грудь, он начал задыхаться, стремясь вернуться назад, обратно в огненную стихию, но тело не подчинилось. Красная Мантия стояла на самом краю колодца и звала его нежно. Ещё один взмах крыльями. Тяжёл был этот взмах, горек был воздух – но всё позади, и вот он уже рядом с ней.

– Я не назвал тебе твоего имени. – проговорила Мантия. – У козырной фигуры должно быть имя...

– Имя? – Переспросил юноша.

– Прежде чем отпустить на игровое поле, я должен дать его тебе. – Мантия, казалось, вглядывалась в красивое лицо своего создания. –Эль. Твоё имя Эль.

– Эль, – повторил рыжеволосый юноша.

– Увы, теперь тебя окружает холод.

На шестигранном бордюре колодца сидели две чёрные птицы, время от времени вздрагивая, словно хотели сбросить с себя непривычные ощущения.

– Это твои спутники. – Мантия подлетела ближе к чёрным птицам. – Они будут сопровождать тебя. И убери крылья, здесь тебе они не понадобятся, – заботливый голос окрасился строгой интонацией. – Ты сейчас уйдёшь, Эль, помни: ты обязан достичь поставленной цели. Так иди же! – В одно мгновение Мантия пропала в тёмном колодце.

Эль сел на его гранёный край. Медленно переводил он взгляд с одной точки на другую. Болезненным, тяжёлым был этот взгляд. Одна из птиц держала в клюве знакомый оранжевый цветок. Эль совсем забыл о нём, о своём подарке, и теперь очень обрадовался, увидев его вновь.

– Отдай, – он протянул руку и взял цветок за сочный шипастый стебель. Бережно поднеся цветок к лицу, Эль стал рассматривать его яркие лепестки. Так продолжалось бы ещё долго, но крик чёрных птиц вывел его из забытья. Они спрыгнули с холодной каймы колодца и повисли в воздухе, осмысленно оглянувшись на него. Эль поднялся и тоже спрыгнул, но не успел он сделать и шага, как сильный ветер сбил его с ног. Он закружил Эля в своём вихре, увлекая прочь. Чёрные птицы летели следом, оглашая всё вокруг растерянными криками.

Глава 9

Ценные бумаги

Этим утром щедро светило солнце, тепло его струилось по кронам деревьев. Из модного парикмахерского салона, казалось, вышли их изрядно поредевшие головы. Шелест листьев, опасливый, аккуратный, таил в себе страх рассыпаться, разлететься по остывающей земле. Яркое небо текло, быстро видоизменяясь, перемешивая краски облаков. Азраил вдруг подумал: «Если это небо сравнить с полотном, то его непременно кто-то должен вышивать: стежок за стежком – проглядывает новый рисунок,

стежок за стежком – льются небеса. Какие быстрые пальцы, какие ловкие руки…» – Азраилу понравилось это сравнение. – «…И мне хорошо. Да, светло. Прекрасное небо... И даже если будет через минуту плохо, сейчас – хорошо, и не больно, и не грешно… Ужасное слово – «грешно» … Так вот, запомнить бы это «не…»

– Азраил!

«Кто-то зовёт. Какой родной голос у этого оклика…» Заретта подошла ближе:

– Азраил?

Азраил опустил глаза. По разбросанным на земле листьям пятнилась зрелая осень.

– Мрачное место, – произнёс он шёпотом. Азраил не любил кладбищ и церквей, не любил сосредоточения людей, мысли которых отданы либо скорби, либо просьбе. Это порождало чёрные дыры в его душевном пространстве, что затягивали в себя всё то немногое светлое и доброе, которое было накоплено за жизнь.

Заретта села на знакомую лавочку под раскидистым клёном и задумалась.

Азраил прислонился к стволу дерева. Он хотел не обнаруживать себя, заглушить взволнованное сердце. Он тонул в её неровном дыхании, непроницаемых мыслях, в её мечтах, желаниях. Когда Азраил смотрел на сестру, в его голове возникала мелодия. Начинаясь всегда тихо, она становилась отчётливей и громче, пока он не растворялся в ней совершенно. В такие моменты ему хотелось умереть, но по-хорошему, не со зла, не от отчаянья, просто исчезнуть в выбранном душою едином звуке, исчезнуть безболезненно, незаметно, чтобы никто и не вспомнил после. Под влиянием прекрасной мелодии был остановлен ход его мыслей, жизнеточащая рана сознания затянулась. Не было чувств, только томительное ощущение близости к чему-то недосягаемому, тайному – и от этого страстно любимому. Фонтанирующая мелодия лилась в его душу, на мгновения стирая память.

Посетители кладбища в золотом блеске утра бросалитени. Упав на выпуклый рельеф земли, тени ломались, причудливо складывались, стелясь по ковру пожухлой травы. Азраил набрал в грудь воздуха, ему показалось, что он давно не дышал.

Лучи осеннего солнца скользили по холодным окнам, издавая что-то похожее на шипение. Гордас открыл глаза, незнакомые стены тотчас принялись разглядывать его необразумившееся существо, находя в том что-

то несомненно любопытное. Как только к нему полностью вернулось сознание, Гордас принялся изучать их в ответ, но, так и не разобрав что к чему, совершенно выбился из сил.

Хэпи смотрел на записку, приклеенную к шкафу.

«Семинар молодого исследователя:
«Миф как результат пересечения
параллельной реальности с реальностью субъективной».

– Пропустил, – со вздохом заметил он. – Да, жаль. Хотя слишком много «реальности» на одно «миф» …

До Гордаса долетел запах только что сваренного кофе. Приятный аромат, наверняка обещающий массу удовольствий, начал хозяйничать в комнате. Гордас сделал ещё одну отчаянную попытку подняться, и опять неудачно.

На этой вот, должно сказать, драматической минуте в комнату вошел Хэпи.

– День, – произнёс он многозначительно.

– Что «день»? – не понял Гордас.

– Форма приветствия, – пояснил Хэпи и ещё раз произнёс:

– День.

– Добрый… – подсказал Гордас неуверенно.

– Нет, без эпитета, – решил Хэпи. – Пойдём пить кофе, – предложил он. Квентин отправился за противоядием.

– Как я мог пить с вами… – Гордас скривился, в его словах слышались упрёки, угрозы, ненависть и даже жалость.

– Не стоит так убиваться, Гордас, – рассудительно произнёс Хэпи. – Ну, выпил ты с простыми смертными, ну, перепил, уснул на плечах тебя недостойных тварей. Короли, знаешь, императоры с простым народом хотя бы в жизни раз, но пировали, – всё это он проговорил спокойно, просто, без тени насмешки.

Гордас оторопел.

– Издеваешься? – спросил он с подозрением.

– Да нет. Пытаюсь войти в твоё положение, – с тем же спокойствием отвечал Хэпи.

– Ты же меня ненавидишь, – по-прежнему растерянно, но уже с резкой интонацией произнёс Гордас.

Хэпи вздохнул:

– Опять – враги, соперники… Что с тобой делают амбиции… Это уже похоже на манию. – В голосе его послышалась заботливая интонация.

Однако Гордас не был настолько тонок, чтоб различать интонации:

– Ты здесь живёшь? – наконец спросил он с брезгливым выражением лица. – Ты живёшь один: ни родных, ни даже девушки?

– Совершенно верно, – кивнул Хэпи.

Отыскав наконец то, на чём можно отыграться за своё испорченное настроение, Гордас возликовал:

– Знаешь, я что-то такое подозревал. Я сразу понял, что ты одиночка, герой с тяжелой судьбой, противопоставленный всему миру.

– Если ты не заметил, эпоха романтизма уже прошла, – ответил Хэпи холодно.

Гордас не услышал:

– Да… бедновато живёшь, герой…

– Я просил у тебя адрес, но вы с Квентином так сильно путались в мыслях, стихах и молитвах, что мне пришлось отступить. Гордас постарался проглотить упрёк и замолчал.

Эль открыл глаза – никогда он ещё не видел такого света. Обессиленный, лёжа в белых лучах, он старался превозмочь неприятные ощущения. Чёрные птицы пропали, вместе с ними исчезла и книга. Наконец Эль поднялся, сделал несколько шагов. Посреди болезненной белизны сидел ребёнок. Что-то неодолимое, прежде неведомое потянуло Эля к нему. Неприятные чувства на мгновение исчезли. Эль смотрел на странно сложенные губы ребёнка. Он сделал над собой усилие, но собственная мимика ему не подчинилась. Глаза ребёнка смотрели кротко и ласково, и под воздействием этих глаз Эля переполняли совершенно незнакомые чувства. Он вдруг ощутил невероятную лёгкость. Ему захотелось приблизиться к подобному себе, прикоснуться к похожей плоти. Эль шагнул навстречу ребёнку, как вдруг почувствовал сильную резь в глазах – по его лицу потекли прозрачные капли.

– Любую игру можно назвать войной: в ней проигрывают и побеждают, – у ребёнка был взрослый голос. – Война бессмысленна, зачем нужны бессмысленные жертвы?

Эль не отвечал. Его ног коснулось живое тепло. Он посмотрел вниз: распушив длинный хвост, вокруг него тёрся мягкий комок света.

– Но если жертву выбрать правильно, она станет осмысленной и остановит войну. Нужна всего одна жертва, всего одна. И ты принесёшь её мне.

– Нет, – воспротивился Эль.

– Понимаю… – кивнул ребёнок. – Козырная фигура чёрного поля уже получила своё задание. Но ты станешь моей козырной фигурой и

получишь новое. Я не смогу отменить прежнего, однако, когда ты выполнишь то, о чём я прошу, игра просто остановится, и остальное будет уже неважно. – Итак, слушай. – Ребёнок поднялся. Идя к Элю навстречу, он говорил властным, подчиняющим себе, тоном. – Ты должен убить его.

В сознании Эля возник отчётливый образ того, кого ему приказывали убить.

– Твой прежний путь я подменю своим. О, не волнуйся, ты не останешься один. Там будут мои белые пешки, – ребёнок улыбнулся. Невероятная сила повеяла от этой улыбки, нарастающим вихрем закружилась она по белому пространству, подхватила Эля и унесла с собой.

Когда вихрь развеялся, сияющий ребёнок был уже далеко. Не понимая себя, Эль ещё долго стоял на месте, рыжеволосый, бледный, с невыразимой красотой на лице, на котором вдруг ожили, засияли глаза. Раздались знакомые крики. Эль огляделся –вернувшиеся чёрные птицы сидели на книге. Он согнал их, взяв её в руки. Над его головой возник круг, похожий на основание колодца: каменная оправа и недвижимое зеркало воды.

После встречи с сестрой Азраил поехал в большую городскую библиотеку. Там он провёл несколько часов. Войдя наконец в квартиру с принесённой стопкой книг, Азраил поспешно разделся. Затем устроил себе чай, разложил книги на полу. С невыразимым чувством схватил одну из них, но не успел открыть её, как позвонили в дверь. Азраил отвернулся от доносившегося звука, будто не заметив. Однако гость был настойчив и позвонил ещё раз, теперь длинно, и ещё раз, так же длинно.

– Этакая острая необходимость… – пробормотал Азраил, направляясь к двери. За ней, как на подбор, стояли Хэпи, Квентин и Гордас. – Вы ко мне?

– Да, – лаконично ответил Хэпи.

– Что ж, входите, – пригласил Азраил.

– Войдём, – обрадовался Квентин, проходя вперед. Азраил уже с порога приметил, что Гордаса и Квентина странно пошатывало.

– Что это с ними? – шепнул он Хэпи.

– Бунт, – предложил тот, пожимая плечами.

– Сколько книг… – удивился Гордас, когда вошёл в полупустую мрачную комнату с разложенными на полу томами сочинений.

– Гордас, – одёрнул Азраил, – нам в другую сторону. Я тебя сюда не приглашал, – проговорил он раздражённо, увлекая гостя за собой.

Гордас неохотно приземлился на отведённое ему место за столом, за

которым уже сидели Хэпи и уставившийся в газету Квентин. На затянувшееся мгновение воцарилась тишина.

Хэпи, как всегда первым, по причине невыносимости им пауз, постарался ее сломать:

– Ну и… что пишут в твоих книгах?

– О! – Оживился Гордас.

– Оставьте! – взмолился Азраил.

– Да что с тобой? – с жалостью посмотрел на него Квентин, откладывая газету. – Может, расскажешь?

– А с вами? Что это вы так дружны?

– Вчера пили вместе, – отмахнулся Хэпи. – Но не переводи темы, что с тобой?

– Яду б выпить… – прошептал Азраил.

– Надоело! Репетиции пропускаешь, играешь скверно, никто в лицо тебе этого сказать почему-то не может, видимо, ждут, когда с тебя слетит меланхолия, и под ней обнаружится прежний талантливый, живой Азраил. – В словах Гордаса не оказалось ни капли пафоса, ни нотки игры. – Надоело! Имей мужество, останься и объясни, в чём дело, или уйди со сцены. Поверь, найдутся короли и помимо тебя

– – Что это? Участие? Ты ли это, Гордас? –удивился Азраил.

Гордас смутился, потупился, заглянулв любезно предложенную ему хозяином чашку чая, Квентин опять взялся за газету. Азраил молчал, напряжённо ожидая чего-то.

– Да с Гордасом всё понятно: он хочет быть королём вместо тебя, – пояснил Хэпи. – Тут дело не в нём – в тебе, и, если честно, нам всем уже поперёк горла твоё скорбное состояние.

Газета в руках Квентина не шевелилась, по всему, он был сильно увлечён чтением.

– Быть может, Азраил влюблён? – ядовитые глаза Гордаса вновь ухмылялись.

– Змеи! – зловеще прошипел Азраил, с такой неконтролируемой ненавистью посмотрев на гостей, что их заметно передёрнуло.

Опять пауза, громкая, больная, обидная.

– Не счастливо, как видно, – сам себе отпарировал Гордас с комическим вздохом.

– Видел бы вас сейчас Вальсам! Не актёры, а балаганная свора, – заметил Азраил.

– Да-да, и станем мы скоро, вот как в этой статье, на стезю воровства и позора, – почувствовав неуместность своей реплики, Квентин тотчас смутился и покраснел.

Хэпи это заметил и не преминул воспользоваться:

– Молодец. Всё-таки закончил рифмой. Ты точно из балагана будешь.

Квентин от стыда глубже запрятался в газетные строки. Гордас на это только покачал головой, отчего готический крестик в его ухе немедленно пришёл в движение. Он не знал, куда деть глаза и потому отобрал газету у Квентина.

Азраил нахмурился:

– Вы пьяны?

– Хэпи не пьёт, – зачем-то уточнил Гордас, не отрываясь от газеты.

– Дело не в том, в каком состоянии мы, а в том… – Хэпи недоговорил.

– Я понял, – сдался Азраил.

– Так посвяти нас в тайны своей души, – предложил Хэпи. – Мы выслушаем и…

Его перебил заинтересованный голос Гордаса:

– Странная эта твоя стезя позора, Квентин! Ты дочитал до конца? Они только манекен украли, а всё остальное оставили. Надо же…

Хэпи взял газету из рук Гордаса:

– «Читать новости такой давности – дурной вкус», – произнёс он утвердительно.

В ответ Гордас лишь отвернулся к окну.

Хэпи упрямо возобновил допрос:

– Азраил, мы хотим знать, что происходит?

– Что с тобой творится? – поддакнул Квентин.

– Оставьте, – Азраил обессиленно смотрел перед собой. – Вы многого не знаете, да вам и не следует. Никому не следует. Это – мой позор, мой грех, моя боль. – Азраил побледнел, зажал голову руками.

Глава 10

К чему снятся вещие сны?

Быстро листаются календари. Быстро летят в них числа, чётким делением суток отбивая ровную дробь жизни. А между тем в них нет той коварной черты, рубежа, на котором встречаются дни. Эти границы нельзя обозначить типографской краской. Подобно оборотню, калечащему живую плоть, единица обретает старушечий горб и змеиный хвост, только когда стрелки указывают полночь.

Конец осени. Ветер дул изо всех немыслимых сил, пугая прохожих скрежетом и разбойничьим свистом. Прошло полтора месяца с тех пор, как пьеса Солы была разрешена к постановке. Бесконечные репетиции, бесконечные переживания. Но даже несмотря на то, что Верти постоянно опаздывал, Квентин душил приторным вниманием, Хэпи язвил по поводу и без, Гордас злился и был чаще всего недовольным, заставляя других ощущать за себя неловкость, а Азраил со своей скорбной мрачностью, которая за последнее время переросла в привычку, забывал роль, Сола была счастлива, как может быть счастлив только смертный человек, прощая многое.

ᴖ ᴖ ᴖ

По всему огромному дому распространялся запах осенней сырости. Барри вышел на крыльцо, судорожно глотая промозглый воздух. Он чувствовал себя виноватым во всех смертных грехах мира и ещё в каких-то дополнительно. Ему хотелось выплеснуть свою обиду, и чтобы непременно это сопровождалось бранью, хотелось подраться без объяснения причин. В душе, как в воздухе, преобладала сырость. Хмурое небо обещало дождь. Барри не моргая вглядывался в даль, словно хотел различить то, что обычно различают при помощи увеличительных стекол, подзорных труб, микроскопов, но никак не при помощи обычных человеческих глаз. Он закусил губу и сел на ступеньки дома, так и не увидев желаемого. Порученные дела навязчивой очередью столпились в им назначенном

времени, и Барри не мог выдумать достойного предлога, чтобы проигнорировать их.

Барри был фермером. Все ныне живущие члены его семьи – дед, отец, мать и сестра, а также большое количество другой родни, претендующей на кровные узы, все они были фермерами. Этих самых родственников Барри частенько путал, будучи просто не в состоянии запомнить, кто кому и кем приходится, чем сильно раздражал строгого деда. Испокон века в их роду мальчиков воспитывали сурово, приучая к тяжёлому земледельческому и скотоводческому труду с самых юных лет, впрочем, как и девочек. Ферма завещалась в их семье по мужской линии, переходя от отца к сыну, от сына к его потомкам и так далее. Это была большая ферма с большим старым домом в два этажа. Солидная конюшня располагалась неподалёку и по своему неприступному виду напоминала крепость. Семья гордилась своими лошадьми, которые постоянно привозились, перекупались, продавались понимающим в этом толк дедом Барри. Женщины в их роду, как правило, занимались хозяйством. У Бертоков даже был магазин с их продукцией, к которому примыкало небольшое кафе местного порядка. Кафе всегда пользовалось популярностью.

Этим летом дед Барри продал почти всех лошадей, кроме нескольких, особых пород. Они были припасены на крайней случай, для заделывания неожиданных дыр в семейном бюджете. Отец Барри, несмотря на свой уже солидный возраст, в святая святых дедом не допускался.

Наверное, оттого, что зятю лошадиного рая тот по закону, установленному в их семье, завещать не мог. Барри старик откровенно считал дураком и, таким образом, тащил этот рай пока что один на своём горбу.

– Твоя роль на этот раз не главная, – Хэпи испытующе смотрел на Азраила.

– Пускай, – прошептал тот.

– И всё же?

– Я ещё сыграю свою роль, ещё нет её… – слова стали едва различимыми для слуха.

– О чём ты? – контрастно громко спросил Хэпи, пересиливая отвращение, которое у него вызывал любой шёпот.

– О той роли, в которой я смогу остаться навсегда… – так же шёпотом отвечал Азраил.

– Азраил, у тебя горло болит? – поинтересовался Хэпи, сдерживая раздражение.

– Нет-нет, – откашлялся тот.

– Вальсам называет пьесу Солы золотой, – заметил Хэпи как бы между прочим.

– Золотая она или нет, это вопрос времени.

– Он говорит, что с ней нас увидит большой свет, – По тону Хэпи не было понятно, как он сам относится к этим высказываниям.

– Тебе света не хватает? – улыбнулся Азраил.

Они вошли в театр.

– Признаться, меня мало интересует большой свет. – Азраил продолжал смотреть перед собой. – Может быть, я просто его боюсь? Света? – Тонкие брови его нервно дёрнулись, но глаза остались неподвижны.

Хэпи не ответил.

– У тебя, Азраил, видно, светобоязнь? – заботливо предположил Гордас, расслышав последние слова того.

– О, Гордас, – кивнул в его сторону Азраил.

– Тут как тут, – усмехнулся Хэпи.

– Да, пожалуй, гении испокон веков недолюбливали свет,– с комичным выражением лица и слегка наклоненной набок головой согласился с собой Гордас. – Да-да, слава всегда была чужда высокородным гениям. Толпа поклонников и подражателей… – Гордас повёл рукой по воздуху, словно читая со сцены. – …только раздражала их. – Он со вздохом умолк и, не дожидаясь ответа на свою тираду, ушёл в противоположном направлении, привычным метражом отмеряя шаги.

– Интересно, если бы он к тому же узнал, что у меня, ну, скажем, – клаустрофобия, как думаешь, его выступление было бы ярче? – спросил Азраил у Хэпи.

– «Несомненно ярче и в два раза дольше», – произнёс тот в сторону, никакого внимания, не уделяя выразительно удалявшемуся Гордасу. – А у тебя действительно клаустрофобия?

– Хватит и светобоязни, – уклончиво ответил Азраил.

Он махнул рукой, на которой блеснул тяжёлый браслет в виде змеи.

Чистый водоём, мягким светом струится тепло, распадаясь на тысячу бликов. Как ярки они, дрожащие на воде, насыщенные полотнища цвета. Это – картина, погружённая в воду, а может, перемешанная с водой, или же, – нарисованная на воде, из цветной воды сотканная? Заретта не знала, впервые столкнувшись с чудом лицом к лицу. Перед ней был целый мир, город, тёплые крыши домов разноцветной черепицей играли на солнце. Даже если здесь и существовало время, оно пребывало в невесомости и мало

что значило. На перевёрнутой улыбке месяца, подобрав под себя ворох звёзд, сидело лохматое существо с длинной мягкой зелёной шерстью и чёрными бусинками глаз. Заретте хотелось влиться в эти краски, смешаться с ними. Она уже давно плыла по сказочному источнику, однако картина до сих пор была неосязаема: волны с нежным журчанием расступались перед ней, не нанося никакого вреда изображению. Зелёное существо спрыгнуло вниз. Аккуратно опустившись на ровную гладь, оно заспешило куда-то по искусно расписанной воде, всё дальше и дальше по черепичным крышам.

Не будучи созерцателем, Заретта не могла подолгу переносить статичную красоту. Ей просто необходимо было всё разрушить и потом рыдать над сделанным, восстанавливая по уцелевшим частицам. Эти мокрые краски, яркие, больные, казались для неё слишком красивыми, хотя бы ещё для одного мгновения жизни. Бросаясь пригоршнями брызг, Заретта разбила сказочную картину, не откликавшуюся прежде на её внимание, на её восторженные глаза и нежные прикосновения. И вот – краски смешаны, волны сглажены, всё спокойно, прозрачная, чуть голубоватая вода, чистый водоём.

Заретта проснулась, по комнате носился холодный ветер, шумно дрожали шторы.

Азраил смотрел в небо и не мог пошевелиться. Небо было необычным, ослепляя яркостью, оно создавало над ним лазуритовый купол. Тело и голос не подчинялись. Сквозь эту сумятицу чувств и красок на мгновение проступило лицо Заретты. Азраил знал, что обязан спасти её, что, если он не попытается, всё будет кончено раз и навсегда.

–Заретта! – произнёс он… и проснулся. Глаза резало: сказывалась бессонная ночь.

Со сцены доносилось монотонное жужжание.

– Азраил, ты что там, уснул? – Спросил Квентин, нервно ломая пальцы.

Хэпи пожал плечами:

– Ну, если Азраил уснул…

– Да всё в порядке, просто я не привык быть в зрителях, – быстро сообразил Азраил.

– Ну да, затерялся среди кресел и дремлет, – буркнул Гордас.

– Азри, нам завтра выступать, – Голубые глаза рассыпались на мелкие искры. Так всегда было, когда Квентин всерьёз расстраивался.

Сола стояла молча, потупившись, перебирая в руках листы со стихами. И только Верти никак не реагировал, бормоча про себя что-то

совсем не относящееся к роли.

– Приветствую всех! – В зал вошел Руфус.

– Руфус! – обрадовался Азраил.

– Ты просил сегодня заехать, я – здесь. – Руфус на ходу снимал с себя длинное пальто и разматывал цветной шарф.

– У нас перерыв только через полчаса, – строго проговорила Сола, не поднимая глаз на вошедшего.

– Сола, отпусти меня, я знаю свою роль, я не подведу, – вдруг попросил Азраил.

Сола от удивления даже пошатнулась.

– Друзья мои! – на той же радостной и от того безумной ноте обратился Азраил ко всем. – Вы – лучшие, вы прекрасно играете, и завтра всё пройдёт без помех.

Погруженная в удивление, сцена не отвечала. Воспользовавшись этим, Азраил, подхватив под руку Руфуса, быстро вышел с ним из зала.

– Ты, брат, меня не пугай. Ты сегодня утром был мрачнее смерти, а сейчас… – Руфус остановился. – Ты как… как себя…

– Да что ты, за психа меня держишь? – рассмеялся Азраил звонко, легко.

Пальто сползло с плеча Руфуса. На мгновение тишина запорхала в воздухе.

– Я не псих, – тем же восторженным голосом произнёс Азраил и, помолчав, добавил: – Ну, по крайней мере – пока.

Руфус не знал, верить ли словам Азраила, или это действительно были первые признаки помешательства.

– Мне сон снился… – начал Азраил, но вдруг осёкся. – Я так и не спас её, – добавил он помертвевшим голосом.

Резкая перемена настроения Азраила испугала Руфуса больше, чем недавние восторженные речи:

– Не спас кого?

Азраил молчал. Руфус заглянул ему в лицо. Глаза были закрыты, тонкие брови напряжённо дрожали.

– Я не смог, Руфус…

Руфус похлопал Азраила по плечу, и они, молча, не говоря друг другу больше ни слова, вышли из театра.

ʊ ʊ ʊ

Спокойная дремота летала над веками, смешиваясь с ровным дыханием, мысли приходили в затуманенный порядок, хотя одна из них, упрямо окопавшись в сознании, заезженной пластинкой всё твердила своё:

«Ушёл, он ушёл, ушёл».

– Барри! – позвал громкий голос.

Барри недовольно зашуршал на ворохе соломы.

– Ты здесь, Барри?

Недовольное шуршание повторилось.

– Да кто ж он был, по-твоему? – спросил другой, хриплый голос, принадлежащий седому старику. Он вошёл в просторное помещение конюшни, ведя двух лошадей под уздцы.

– Никто о том не знал, – ответил ему обладатель громкого голоса, худой и очень высокий мужчина. – Барри! – крикнул он опять в темноту.

Полулежа на ворохе соломы, Барри устало щурился на вошедших, которые никак не могли оторваться от рассуждений. Барри прислушался.

– Поговаривают, будто дьявол сам, – прибавил худой испуганным, но таким же громким шепотом. Казалось, его раздражение распространялась только на темноту, в которую он время от времени бросал чьё-то имя и разные ругательства, приправленные деревенскими словечками. Вот и теперь, высказав своё предположение касательно предмета беседы, он опять крикнул:

– Барри, чтоб тебя! Где ты?

Барри поднялся, с любопытством уставившись на говорящих:

– Я здесь.

– Да как-то несолидно было для такой персоны из нашего колодца вылезать, – заметил старик.

– Зато каков? Костюм новёхонький, волосы огненные и диковинный цветок в петличке, а глаза, глаза… – возразил его спутник.

–А знаете, что говорят? – тихо произнёс Барри, решив вмешаться в беседу. – На том костюме, в котором вылез он из нашего колодца, ярлык магазинный был. А ещё в руках у него видели книгу.

Голый по пояс, в завёрнутых жокейских штанах, Баррывышел на свет, отбрасываемый лампами, что держали в руках двое спутников.

Хорошо сложённый, с развитой мускулатурой, Барри выглядел старше своего возраста. Его глаза, вокруг которых лежали густые тени въевшихся в кожу синяков, что бывают от усталости и бессонных ночей, очень выделялись на лице, словно подведённые тушью. Неровно подстриженные тонкие волосы были спутаны, наподобие той соломы, с которой он только что поднялся. Светлые, с грязным оттенком, они придавали ему нелепый вид.

– Он просто вор, – грубо плюнул старик и закашлялся. – А ты, сынок, лошадей по местам развёл бы и не мешался б в споры: молод, глуп, –

обратился он к Барри. – Ишь, чем голову забил, и так пустая…

– Просто вор? – в голосе Барри почувствовалась досада. – Как ты мне, дедушка, разъяснишь: он из колодца-то сухим вылез, и книга при нём сухая была, я видел сам... – Барри закатил подведённые глаза. – Как ни посмотри – дьявол.

– Возьми лошадей, Барри, – грубо ответил тот. – …Сухой, говоришь, был?

– Вы бы, батя, Барри не ругали, он…

– Он – дурак, – опять закашлявшись, перебил зятя старик. – Так вот, Барри. Кто в дом его привёл, не ты ли? Сестру свою до помешательства чуть не довёл.

– Да, да, – проговорил Барри поспешно. Могло показаться, что он просто не заметил неприглядных слов, сказанных в его адрес, но Барри не пропускал обид, напротив, внимательно вслушивался в них, стараясь запомнить в мельчайших подробностях. Он знал, что это делало его сильнее, лишая излишней чувствительности и ранимости, которым он был подвержен ещё в недавнем детстве. Молча взяв лошадей под уздцы, Барри пошёл с ними прочь.

Вскоре всё стихло, собеседники разошлись, по-прежнему о чём-то споря.

Замерзающее солнце то пропадало, то вновь появлялось, день перетекал в вечер. Редкие прохожие, словно мелкие песчинки, разбавляли пустоту огромного, едва подогреваемого города. Молча шли Азраил и Руфус по пустым улицам, вымороженным, выглаженным серым асфальтом. Не было слов? Не было. Были одни только чувства, которым не было слов. Руфус напряжённо считал шаги, каждый раз с ужасом замечая, что его шаг не совпадает с шагом Азраила. Он хотел прервать эту серую мрачность, но никак не мог придумать, какими словами. Между тем молчание становилось опасным: Руфус боялся обернуться на Азраила, боялся понять, что водит за собой мертвеца, бездыханное тело.

– Азраил! – наконец позвал он чуть слышно.

Азраил прошумел в ответ что-то неразборчивое, чем очень обрадовал Руфуса.

– Может, расскажешь, что это за сон ты видел в театре… – неуверенно попросил он.

– Небо такое странное, словно вода… Я должен был спасти её… – несвязно проговорил Азраил.

– Кого? Кого ты должен был спасти? – настороженно переспросил

Руфус. Его угольные глаза прожигали насквозь.

– Не помню, – неохотно солгал Азраил.

Руфус и Азраил познакомились на выставке антиквариата вот уже почти год назад.

Заметив Руфуса у большого стеклянного витража со старинными песочными часами, внимательно разглядывавшего экспонаты, Азраил, пролетевший уже половину выставки без особого интереса, наконец чему-то удивился. «Так который сейчас час?» – иронично осведомился он, подойдя к незнакомцу.

Ночь опускалась неслышно. По всей шумной деревушке гасли огни. Обитатели дома давно спали, и только луна, страшная, зловещая, бродила по окнам, кого-то звала. Барри ещё долго ворочался на соломе под храп лошадей. Но вскоре сон овладел им. Внимание его привлёк загадочный столик, освещённый одиноким лучом. В центре его стоял большой белый слон, окружённый резными фигурками поменьше. Вокруг была темнота, и по её пространству плыла чудесная мелодия: всего несколько нот, запаянных в кольцо бесконечности. Мелодия эта звучала, не прерываясь, и Барри не помнил, как она началась. «Подбери мою музыку», – попросил незнакомый голос. Подчиняясь правилам снов, Барри уже знал, что подбирать мелодию надо из отдельных звуков резных фигурок. Он взял одну из них – та издала что-то отдалённо похожее на звон колокольчика. Барри улыбнулся, но в этот момент страх и сомнение овладели им. «Как же я подберу, ведь их так много? И многие совсем не подходят! Что я должен разгадать? Какую тайну? Дед зовёт меня дураком…»

– Барри… – Кто-то тихо позвал среди ночной немоты. Голос спугнул чуткое сновидение, мгновенно разорвав сюжет. Барри открыл глаза.

– Джайв, это ты? – спросил он неуверенно.

– Я. – Огромный факел вспыхнул перед лицом Барри.

–Ты что! Сейчас спалишь дедовскую конюшню, а завтра и меня не станет. – Барри вскочил на ноги.

В потоке света открылся ночной гость. Это был маленький парнишка, лет восьми.

– Барри! – Глаза ребёнка засветились ярче факела.

– Да затуши ты этот кошмар! – Барри вырвал факел из рук мальчика, окунул его в ведро с водой и сел на пол рядом с ворохом соломы. В голове его пронеслись недавние картинки:

– Что, Джайв, у тети Салли опять мигрень?

Ночного гостя звали Джайв. И хотя никто в деревне не знал значения

этого слова, да и вообще, как оно могло залететь в это глухое местечко, было не понятно, все к нему привыкли и видоизменяли в ласкательных формах на свой манер. А сам его обладатель залетел сюда, по примеру своего имени, тоже случайно. Вместе с маленькой сестрёнкой его, сироту, взяла на воспитание Салли Пэлсис, тоже своего рода сирота: трижды вдова, обладавшая, помимо тройного наследства своих мужей, скверной славой. Молва о ней ходила нехорошая, за глаза ее называли отравительницей, душегубкой, ненасытной богачкой, а между тем бедняжке просто не везло с мужьями, век которых оказывался по какой- то дурной случайности короче её века. Вот она и решила приютить бедных сироток, как раз занесённых судьбой в их деревушку. Так или иначе, какие бы слухи ни ходили об этой престранной мадам, Салли Пэлсис, возможно, была не так уж плоха, и под нарядной роскошью чёрных убранств, а она ещё донашивала траур по последнему мужу, скрывалось сердце, что способно испытывать жалость.

– Да, и-и-и… – промямлил гость. – Она так кричит на всех. Мы ушли было в сад, но тут… Я бы и Мэрси привел, да она уснула, вот…

– А-а-а, – простонал Барри.

– Тебе, что, плохо? – гость погладил Барри по волосам, заботливо вытащив из них соломинку.

– Ну, по крайней мере, лучше, чем тётушке Салли, – тихо рассмеялся тот. Потом серьёзно добавил, испытующе глядя на Джайва: – Скажи, если бы я сыграл тебе мелодию, а затем разбил её на отдельные звуки, ты смог бы сложить её обратно?

– Нет, Барри, думаю, что не смог бы.

– Это ещё почему?

– Тётя Салли говорит, у меня нет никаких талантов…

– Она не серьёзно, Джайв, – Барри улыбнулся.

– Хорошо, – согласился тот. – Но ты бы смог. Ты прекрасно свистишь, подражаешь птицам даже.

– Ну, не знаю… – Барри были приятны эти слова.

– Я принёс… – прошептал Джайв неуверенно: видно было, что ночному гостю очень хотелось о чём-то рассказать, и что он не просто так зашёл поздороваться.

Барри же, погружённый в мысли, ничего не замечал. Мальчик переминался с ноги на ногу:

–Барри, послушай, – наконец вымолвил он. – Смотри! – В руке Джайва появился какой-то предмет. Барри поднял голову.

– Вот что ты прятал за спиной, – так же машинально произнёс он, не отрываясь от своих мыслей.

– Мэрси нашла его в том саду. Ну, когда тётушка выгнала нас на улицу, мы в тот сад побежали, там, где колодец. Мэрси хотела его в волосы

вплести, а я отобрал, смотри, какой он странный. Красивый?

– Угу, – ответил Барри.

– Я боюсь, тетя Салли возьмёт его себе… – Парнишка поднял руку с чем-то красивым, задев по носу Барри.

– Ты что делаешь? – закричал тот.

– Извини, – испугался мальчик.

– Что, что это? – Барри почувствовал приятный запах на кончике своего носа. – Цветы?

– Он один, – шепнул Джайв загадочно.

– Знаешь что, цветы будешь на свидания девочкам носить. А я спать хочу. И чего ты не отдал его Мэрси, она бы уж ему нашла применение? И вообще, тётя тебя не похвалит за то, что ты чужие цветы рвёшь… – Барри начал зевать и не договорил.

– Да я не рвал, он там сорванный лежал. Сорванный – и, посмотри, Барри, такой свеженький, будто сейчас сорвали.

Барри вздрогнул, неприятные догадки пронеслись в голове.

– Я её до слёз довёл, – продолжал Джайв. – Но цветок отобрал. Насилу успокоил, тётя ей сладкого молока дала, да всё расспрашивала, что за цветок такой. А я Мэрси запретил рассказывать. Теперь забыла, спит. Я из комнаты и улизнул.

Барри вновь уловил сладкий запах – озноб пробежал по спине. Он встал, нашарил коробку спичек, чиркнул, спичка не зажглась, вторую – не зажглась. Барри чувствовал, как у него дрожали руки. «Что это» – подумал он. – «Страх?»

– Да ты садись, Барри, я зажгу, – с участием предложил Джайв.

Барри передал ему спички.

Глава 11

Божий шут

– Я теперь знаменитость. – Сола стояла у большого зеркала, поправляя причёску. На ней было пышное платье, расшитое золотой ниткой.

В руке она держала корону.

–Ты знаешь, Квентин, в таком жанре они с Гордасом, пожалуй, споются, – тихо заметил Хэпи, наблюдая за Солой в полуоткрытую дверь, оставленную словно нарочно на этот случай.

– В каком? – не понял Квентин.

–В королевском, что ли? – Туго стянутая косынка на лбу была безукоризненно подобрана под цвет костюма. – Времени в обрез/ – Хэпи медленно пошел прочь, поскрипывая паркетом.

– Настоящая королева … – Квентину не хотелось уходить, но он пересилил себя и побрёл вслед за Хэпи.

– Дурак, – вдруг, обернувшись на него, произнёс тот.

Квентин остановился:

– Почему дурак? – В голосе дрожало неподдельное удивление.

Хэпи вздохнул и на выдохе произнёс:

– Дуракам не объясняют. – Он отвернулся и пошёл дальше.

– Может, всё-таки объяснишь? – догнал его Квентин.

–Зачем? Это ничего не изменит.

Квентин выглядел озадаченным:

– Я чего-то не понимаю?

– В точку, – кивнул Хэпи.

Большая собака бежала по дороге, заливаясь радостным лаем.

– Люблю парки. Здесь ты никому не интересен, и никто неинтересен тебе, – вполголоса рассуждал Илвис. Заретта шла молча, скрестив руки на груди.

– Можно предположить, о чём ты подумала.

Девушка молчала, выстукивая шагом беспокойный ритм, и вряд ли думала над словами Илвиса.

– Безразличие – это страшный враг человечества, ещё пока не узнанный им. Пустота, с молниеносной скоростью пожирающая всё живое... – Илвис на мгновение замолчал. – В воздухе царит настроение потерянности и неустроенности, какой-то, знаешь, бездомности, осиротелости…

Заретте показалось, что он опять цитировал статью из газеты. Она улыбнулась, проговорив тихо:

– Почему многие потенциально сильные люди на этой земле способны лишь на самое малое: роптать? Недовольство, жалость к себе и осуждение других…

– Я не ропщу, – перебил её Илвис. – Я удивляюсь.

– Ты так удивляешься с самого утра, и, знаешь, это совсем не

похоже на речь исследователя, заинтересованного в чём- то, но – на речь уставшего, разочарованного человека. Ты как старый инструмент, заброшенный на пыльный чердак, скрипишь и выдаёшь ложные ноты.

Илвис со вздохом провёл рукой по лбу.

– Отлично. – Меланхолия в голосе сменилась весёлостью.

Заретта смутилась:

– Извини.

– Нет, почему, всё верно, – приободрил её Илвис.

– Сегодня у брата премьера, не опоздать бы… – В словах Заретты послышалось беспокойство.

– Опоздать? С Найтом не опоздаешь, – произнёс Илвис улыбаясь. – Тем более, что сегодня он обещал подбросить меня, и должен здесь быть через полчаса, как минимум.

Квентин чуть не плакал от ужаса, не решаясь войти в главный зал.

– Ну, вот, я говорил? – грустно прокомментировал Хэпи.

Сола, заметив вошедших, оттолкнула Гордаса. Тот по- театральному упал перед ней на одно колено.

– Что это было? – спросил Квентин негромко. – Только что….

Гордас оборвал его криком:

– Не мешайте репетиции!

– Гордас решил опять идти против всех. – холодно догадался Хэпи.

– Что-то я не помню такого в сценарии! – опомнился наконец пришедший в себя Квентин.

– Так ты ж сценарии никогда не читаешь! – зло резанул Гордас, вставая.

– Генеральная репетиция назначена совсем в другом месте, – невозмутимый тон Хэпи не выдавал симпатий.

Сола стыдливо потупилась.

Верти и Азраил громко рассмеялись, заглянув в двери.

– Репетиция назначена в малом зале. Затерялись? – Впервые за долгое время Азраил был весел и шутил.

Сола остановила на нём глаза, и теперь ей было больно, почти физически больно отвести их, и она не отводила, как можно дольше всматриваясь в Азраила, словно стараясь впитать в себя видимое. Абсолютно забыв о присутствии других, о присутствии их вообще, в целом мире, а не только в этом зале, она не могла произнести ни слова.

–Все по привычке – сюда. – Хэпи опять не выдержал паузы.

– Идём! – позвал Верти, увлекая за собой Азраила, Гордаса и Хэпи.

–Куда? – спросил Квентин растерянно, вылетев вслед за ними. Вдруг он остановился и, не сделав ещё шага, повернул обратно:

– Сола! – позвал Квентин сдержанно.

Сола перевела на него отрешённый взгляд.

– Идём.

– Мне вчера сон странный приснился. – Заретта перебиралав руках новенькие кисти, купленные только что на выставке.

– Сон? Расскажешь, может быть? – непонятно на что вдруг обиделся Илвис.

Заретта задумалась. Джексон спокойно лежал у её ног и внимательно вглядывался в даль.

– Я теперь смогу закончить свою картину…

– Это ту, что ты не можешь дорисовать уже несколько лет? – Илвис живо представил стену в доме Заретты, на которой, он помнил, висели её картины.

– Да. Ту самую.

– Что на ней изображено?

– Ну… – Заретта замялась. – Это сложно…

– Не понимаю. Объясни.

Заретта разложила кисти в ряд на коленях.

– Я же тебя не могу спросить: о чём твоя скульптура? То, что мы видим, лишь поверхность, искусство гораздо глубже...

Илвис одобрительно кивнул.

– Так и с моей картиной. Я думаю, больше всего это похоже на разрушенный город, только вот в центре его… Теперь я знаю, там должен быть источник. Его я и видела во сне.

– Сны–опаснаяштука. Сивилла считаетих воспоминаниями наших прошлых жизней…

– Твоя сестра верит в подобные вещи?

– Да, верит. – Илвис забарабанил пальцами. – Наверное, от того, что преподаёт мифологию. Ну так вот… – он не успел договорить.

Джексон сорвался с места и побежал вперёд по дороге. В кустах, куда он направлялся, мелькал пушистый шар.

– О, мой бог, опять... – вздохнул Илвис, ничуть не удивившись.

– Что это с ним? – шёпотом спросила Заретта. Она напряжённо вглядывалась в густые заросли парка.

– Темперамент, – ответил Илвис с улыбкой. – Кошки покоя не дают. Сейчас прибежит.

– Ах, он страдает, – пробасил Верти, глядя на Квентина, сидевшего на ступенях сцены в полном одиночестве, опустив голову на колени.

– Вы не видели той сцены, – вздохнул Хэпи, встав в дверях рядом с ним.

– Какой сцены? – спросил Азраил настороженно, руками упершись в дверные косяки.

Верти пожал плечами.

– Сцены с поцелуем Солы и Гордаса, – ответил Хэпи.

Квентин поднял голову. На бледном лице сияли голубые глаза. Длинные волосы, рассыпавшись по плечам и спине, почти полностью покрывали его тонкую фигуру.

– Не стыдно вам при мне шептаться обо мне? – возмутился Квентин.

– При мне и обо мне – какие казённые рифмы, – поморщился Хэпи. – Никто и не думал шептаться, мы говорили, используя среднюю мощь голосовых связок, – он подошёл к сцене.

– Она меня не любит, – с пьяной мрачностью вымолвил Квентин.

Всем на мгновение стало больно: Верти вцепился в свой крест, Хэпи опустился на ступень рядом с Квентином, а Азраил глотнул воздуха.

– Ну, целовались они, что с того? Сола влюблена в Азраила. Гордас – лишь временное утешение, – спокойно рассуждал Хэпи.

Квентин поднял на него измученные глаза:

– Что?

– Я думал, ты знаешь, –пожал плечами тот.

– Теперь знаю, – прошептал Квентин.

Покинув дверной проём, Азраил вслед за Хэпи подошёл к Квентину. Подобрав разорванную ленту, валявшуюся у его ног, он тихо произнёс:

– Послушай, у настоящей любви не может быть ревности.

– Вот как? – Квентин болезненно улыбнулся.

– А врачующей философии у тебя не найдётся? – Риторически съязвил Хэпи.

– Ревность – прямое доказательство любви, – ответил

Квентин раздражённо, – и вообще, оставьте меня.

– Не любви, а глупости. – Как бы про себя уточнил Хэпи.

– Рассуди, –проговорил Азраил. – Зачем ревновать? Если тебя любят, для этого чувства нет причин. А если тебя не любят, тем более не имеет смысла ревновать.

Последним к сцене подошёл Верти.

– Есть только два ответа: «да» или «нет», на них ревность не

распространяет свою власть. – продолжал Азраил. – Только два. Всё остальное – это сомнение. Вот его следует бояться. Как можно быстрее узнай ответ и не отравляй душу сомнением…

– Я знаю ответ! – крикнул Квентин, перебив Азраила. – В этом-то всё и дело. – Вдруг он вскочил, вырвал кусок ленты из его рук и наспех перевязал им волосы, затем, немного успокоившись, снова сел на место.

– «Вот что, Квентин», – произнёс Азраил переменившимся тоном, в котором зазвучала жесткость. – Сначала будет больно, а потом – всё равно. Запомни это.

Квентин вздрогнул:

– Ты говоришь о смерти?

– Безответная любовь – та же смерть. – Азраил сел на ступень рядом с Квентином и Хэпи. Верти стоял над ними, с мрачной важностью разглядывая каждого, тяжёлый крест его переходил из руки в руку.

– Вы опять тут? Перерыв закончился. Все – на репетицию, живо! – В дверях показалась Сола.

Найт стоял, прислонившись к мотоциклу, выкуривая сигарету за сигаретой. Илвис молчал, сжимая в руках поводок.

Заретта беспокойно смотрела на часы:

– Через полчаса – начало. Я опоздаю.

– Вот. Он. Я его. Вижу, – проговорил Найт, выронивсигарету, и, заведя мотор, вскочил на мотоцикл.

Где-то далеко в кустах показался Джексон.

– Джексон, сюда, ко мне! – закричал Илвис.

Собака побежала в противоположную сторону. Впереди неё нёсся маленький пушистый комок.

Заретта моргнула, и комок исчез. «Наверное, солнечный зайчик», – подумала она.

–Жди нас, мы скоро, – постарался успокоить её Илвис.

Мотоцикл зарычал по дороге.

В Заретте что-то оборвалось, кисти из её рук выпали, дыхание сбилось. Она растерянно опустилась на лавочку. Время вдруг понеслось стремительно, вроде рычащего мотоцикла, минутная стрелка срывалась с места, перелетая от одного деления к другому. Заретта закрыла ладонью часы, стараясь не думать о времени.

В зале уже слышались голоса зрителей.

– Я ведь могу и уйти из театра, – донеслось из костюмерной. – Верно? – Темные глаза Хэпи испугали бы любого. – Вы как- то сказали… – продолжал наступать он, – Азраил – козырной масти. Помните?

– Да, я говорил, – ответил Вальсам нежно, перебирая чёрные чётки в руках. – Как и положено ведущему актёру труппы.

– Вы не устаёте мне напоминать, что я не...

– Хэпи, – перебил Вальсам. – Вам не кажется, уже несколько поздно говорить о том, что роль вам не подходит?

–Я ведь могу и уйти, – повторил Хэпи. Его голос был спокоен, хотя и звучал громче обычного.

– Да. Но если вы перед тем сорвёте спектакль, это, скорее всего, навредит вашей дальнейшей карьере. Вы неверно истолковали мои слова, ведь масть – не главное. Даже у самой сильной карты в колоде её нет. Никогда не задумывались?

– Самой сильной карты?

– Да, это джокер. Вопрос только в том, хотите ли вы им быть.

– Хочу ли я быть шутом? – задумался Хэпи. Вальсам сделал вид, что не расслышал его слов.

– Впрочем, я могу рассмотреть ваше заявление об уходе», – произнеся это, он вышел из костюмерной.

– Джокер? – Хэпи не знал, то ли злиться ему, то ли прыснуть от смеха.

– Пойдёмте к нему, – проговорила Сола вполголоса. Верти и Квентин переглянулись: подслушанный ими разговор лишал уверенности в действиях.

– Пойдёмте же!

– Постой, Сола, – остановил её Азраил. – Вряд ли Хэпи будет приятно узнать, что мы стали свидетелями его распри с Вальсамом.

–Тебе подарена златая нить, поэт! – по коридору застучали метражные шаги Гордаса.

– Умолкни! – крикнул на него Квентин.

– Да что вы, ей-богу, я всё уже объяснил! Я чист и невинен!

– не замедляя шаг, оправдывался Гордас. Всего один поцелуй, и тот – в счёт роли. Я пошутил. Сегодняшний инцидент объявляю исчерпанным! – Он подошёл ближе.

Сола на его слова только зло усмехнулась и, резко развернувшись, ушла.

Верти недовольно посмотрел в сторону Гордаса, пригрозив крестом.

– Да что с вами со всеми! – закричал он обиженно. – Репетицию

еле пережили, теперь боитесь на сцене оплошать? Стресс нервный?

На пороге костюмерной показался Хэпи. Верти, Квентин и Азраил подняли на него вопросительные глаза. И только Гордас недоуменно смотрел вокруг:

– Я что-то пропустил? – прошумел он.

Не говоря ни слова, Хэпи пошёл по коридору вслед за Солой, путаясь в длинном старинном плаще, едва наброшенном на плечи.

– Что? – крикнул ему вслед Гордас. – Роль не по нраву?

Хэпи не ответил и даже не обернулся, но Гордас понял, что угадал. Он самодовольно хмыкнул и отправился следом.

Незаметно подошедший Вальсам нежно произнёс:

– Пора начинать. Готовьтесь. А где наш повествователь? Где Верти?

На месте, где только что был Верти, лежал крест.

– Верти, должно быть, уже на сцене, точнее, за сценой, – предположил Азраил.

Вальсам посмотрел на Азраила внимательно, своим особенным оценивающим взглядом, и ушёл.

– Отчего он так на тебя смотрел? – В голубых глазах Квентина показалось любопытство.

– Не знаю… – рассеянно пробормотал Азраил, и словно в подтверждение того, что думает совсем о другом, спросил: – Ну что, Мирт? Сложно сыграть чувство, если это чувство не актёрское, а твоё собственное?

Квентин опустил глаза:

– Я сыграю.

– Сыграть – всё равно, что прожить, – улыбнулся Азраил.

– Обижаешься на Гордаса?

– Он – мой лучший друг по пьесе, как можно? – с лукавством ответил Квентин.

Найт рассматривал пыльные камни под ногами.

– Уму непостижимо, – наконец выговорил Илвис. – Куда он делся? Не мог же он…

Найт усмехнулся никогда не улыбающимися сжатыми губами:

– Не мог.

– Да здесь бежать-то толком некуда… Значит всё-таки под землю…

– Что? – спросил Найт настороженно, потом отмахнулся. –Это глупо.

– Конечно, глупо, – улыбнулся Илвис. – На мотоцикле, и не можем пса догнать.

– Вот он, – заметил Найт. Мотоцикл вновь затрещал по

дороге.
У ног Заретты забыто валялись кисти. Она посмотрела на часы – стрелки упали ровно на семь:
– Опоздала!

Глава 12

Законная дерзость

Занавес поднялся. Голос Верти торжественно начал:

– Прошёл обычный день, и мир под вечер крепко спал,
Вдыхая снов беспечные мотивы.
Но тот приказ был свыше дан,
И отменить его он не был в силах.

Итак, должна случиться встреча,
Что бросит вызов правящим богам,
Что спутает привычное теченье дней,
И будут те приравнены к векам.

Заретта сидела неподвижно, всё ещё поглядывая на часы. Задержавшись в вертикальном положении, как акробат в воздухе, минутная стрелка наконец начала двигаться дальше. Заретте вдруг показалось, что запахло цветами. Она огляделась – и тут только заметила упавшие кисти. Заретта принялась собирать их, чья-то бледная рука подала ей одну. Девушка подняла глаза. «Какая красота…» – она забыла, как дышать, и только смотрела, не отрываясь. Среди тех странных снов, что она видела последнее время, был один, который нравился ей больше остальных. События в нём не происходили и картинки не двигались, одно огромное неземное чувство заполняло бессознательное пространство, чувство её

любви к кому-то. Заретта не могла понять этого: чувства, казалось ей, сниться не могут, если их на самом деле не испытывать в реальной жизни, а она не испытывала подобного ни к кому. Часто по вечерам, уже засыпая, она смутно ловила себя на мысли, что молит кого-то вновь показать ей тот сон, дать возможность снова пережить то счастье. Именно теперь Заретте показалось, что она заснула, и наконец ей снится желаемое.

– Эль, – представился незнакомец. Это был молодой человек, примерно её возраста, в белом костюме, безукоризненные заломы дорогой ткани которого модельно сочетались с его фигурой, прослеживая все изгибы тела. На голове его была стильная шляпа, на руке висел белый плащ. В его изящных пальцах подобранная кисть чувствовала себя несколько смущённой.

– Спасибо, – пробормотала Заретта, протянув руку.

(Верти набрал в грудь воздуха).

– Итак, внимайте этой повести,
Рассказу вымыслов глубоких.
Здесь места праздному лукавству нет,
Как нет здесь места лжи и суетливой фальши.

Пусть небеса прольются без остатка
На истину мерцающих побед,
На миф, обманутый в своем существованьи,
На быль не прожитых, но выдуманных лет.

Мирт:
– Утром ранним, когда природа столь чутка и благозвучна,

(Квентин шёл по сцене уверенными шагами).

…в старинном храме,
Что у подножия вершин, казавшихся вратами Рая,
Впервые я увидел этот образ…
Боже! Как будто небом в сиянье этом
Была ниспослана сама судьба моя.

Кельвин:

– Чему ты радуешься, друг мой?

(На лице Гордаса лежала скорбь).

Мирт:
– Отдал бы за мечту я тысячу своих желаний
И жизнь в придачу, если мало!

Кельвин:
– Ну, ну, остынь. Да кто ж она?

Мирт:
– Хозяйка снов моих!

Кельвин:
– Беда…

Мирт:
– Беда? Не в том беду ты углядел, мой милый Кельвин.
Её красы художник не опишет.
И все поэты мира пали б перед ней,
Глубокому безмолвию покорны,
Когда бы видели улыбку алых губ!

(Восторженно продолжал Квентин).

Но почему ты бледен и молчишь?
Ты мне сулишь судьбу иную?
Я ведь нашёл свою судьбу,
И в ту минуту…

Кельвин:
– О, минуту злую!

(Перебил Гордас. Он играл превосходно, отважно лавируя на сарказме, как на маленьком судёнышке в ночной шторм).

Мирт:
– Минуту роковую не отличаешь ты от счастия святого!

Кельвин:

– Позволь напомнить.
Тебе подарена златая нить, поэт,
Меж небом и тобой.
Как смеешь, ты, певец благой,
Петь не о благе, но о смертном счастье?
Сотки же чудо, волшебство,
А не убор стыдливой страсти.

Заретта на мгновение провалилась в глубокие глаза незнакомца. В них были зеркала, и в тех зеркалах она повсюду видела своё отражение.

– Спасибо, – ещё раз поблагодарила она, и, хотя некоторые кисти по-прежнему продолжали валяться на земле, кисть, что он так изящно подал ей, Заретта крепко зажала в ладони.

Эль присел на лавочку рядом с девушкой. Робкое солнце заглянуло в аллею и загляделось на них.

– Тепло… – он приложил руку к глазам.

– Да… – Заретта путалась в мыслях. – Однако довольно холодно.

Молодой человек странно посмотрел на неё.

– Я хотела сказать, что солнце не греет. Правда, странно? – Она взглянула на незнакомца. Его лицо не поддавалось ни одному эпитету красоты.

Эль не ответил. В руках его вдруг появилась книга.

– Что это? – Заретте очень хотелось, чтобы Эль не заметил её растерянности.

– Это подарок. Возьмите. – Юноша протянул ей книгу. Он не улыбался, на его красивом лице вообще не отображалось эмоций.

– Подарок?

– Да, – кивнул Эль. – Только вы можете прочесть её, прочесть правильно, Заретта.

И что это был за голос! Когда он говорил, казалось, с его языка ссыпались драгоценные камни, сверкающий их поток завораживал. Как прекрасны были его слова, как глубоко они селились в сердце, пуская цепкие корни воспоминаний.

– Только вы, – повторил он вполголоса.

– Вот как, – проговорила Заретта поспешно и взяла книгу. – Спасибо. –Ей вдруг стало жаль этих щедрых россыпей богатства, особенно теперь, когда Эль говорил тихо и словно бы нехотя. – А имя вы моё откуда

знаете?

Иллюзи:
– *Так вы поэт? Однако страстный!*

(Сола глядела поверх Квентина, величаво обмахиваясь веером. Смена декораций переносила зрителя в старинный замок, в одном из залов которого на троне сидела королева. Корона утопала в копне шоколадных волос).

Поэты при дворе нам так нужны....

Кельвин:
– *Ей не хватает прямоты: одни иносказанья!*

(Шепнул Гордас в сторону зала. Он протянул вперед руку, словно ища своей догадке подтверждения).

Мирт, ты не согласен?

Мирт:
– *О Кельвин!*
Ты ядовит и безобразен.
Что ж, пускай.
Я путь к мечте найду ведь всё равно…

Кельвин:
– *Ведь всё равно…*

Мирт: (обращаясь к Иллюзи)
– *О нет, поэтом быть прошу не вашим!*

Иллюзи:
– *В чём же дело? Такого рода сан вам не к лицу?*

Мирт:
– *На все я подвиги отважен, но этот вызов не приму!*

Иллюзи:
– *Но почему?*
Моя казна щедрот монархов не считает,
Ведь скупость не живет в деньгах.

Кельвин: (опять в сторону)
– *Впервые слышу. Перифраза, на самом деле всё не так.*

Мирт:
– *Как это глупо, Кельвин.*

Кельвин:
– *Глупо, брат.*

Мирт: (обращаясь к Иллюзи)
– *Нет.*

Иллюзи:
– *Вы объяснитесь?*

Мирт:
– *Во мне живёт неведомая боль.*

Иллюзи:
– *Какая же?*

Мирт:
– *Вы – королева.*

Иллюзи:
– *А вы кто, сударь мой?*

Мирт:
– *Я? Не король.*

Иллюзи:
– *Как вы дерзки!*

Мирт:

– Да, королева.
Но дерзость не порок, когда влюблён!

Иллюзи:
– Побойтесь бога!
Подчас портреты пишет не художник, а молва.
Поверьте, портреты те убоги.
Она враз переложит ваши дерзости на глупые стихи,
Чтоб только зубоскальством быть довольной!

Мирт:
– Но глупые стихи – лишь там,
Где глупые слова и правды нет.

Иллюзи:
– Мне эта правда ненужна.
Я этой правдой не горжусь.
Вы поднялись в моих глазах так высоко,
Не страшно ль падать?

Мирт:
– С чего вы взяли, госпожа, что упаду?
Но даже если так, пускай, скорей найдёт приют моя душа.

Кельвин: (в сторону)
– Приют сей – в смерти.

Иллюзи:
– Довольно!
Вам оправдание лишь то, что вы поэт,
Прощайте.
На память я оставлю радость, подаренную вами мне!

– Так я многое знаю… – уклончиво ответил Эль.

Заретта не заметила, как они поднялись и стали прогуливаться по аллее с лавочками. Эту загадку она решила разгадать, просто задав вопрос:

– Я и не заметила, как мы… – она не договорила.

– Странно, ведь это вы захотели прогуляться. Да и потом,

переживаньями в театре не окажешься, а спектакль уже давно идёт.

Заретте на мгновение показалось, что она выпала из реальности, и сейчас ей всё-таки снится сон. «Я же могла задремать на лавочке, пока ждала Илвиса и Найта. И…» – её слабое предположение резко оборвалось.

–Что вы, ваши сны намного ярче. – Эль внимательно посмотрел на девушку.

– Точно… – Заретта, ничуть не смутившись того, что Эль угадал её мысли, просто отмела предположение о сне и опять не стала ни о чём размышлять. Над ними светило солнце, и запах цветов, лившийся отовсюду, кружил голову. – Что вы думаете о снах, Эль? – спросила она весело, но тут же осеклась, заметив человека в длинном пальто, бродившего по аллее, параллельной той, по которой шли теперь они.

– Думаю, эти сны вам снятся не случайно, – ответил Эль.

– Так вы всё знаете… – выдохнула Заретта.

Руфус опустил глаза и сделал вид, что происходящее на параллельной аллее его не интересует. Он медленно пошёл в противоположном направлении и скоро скрылся из вида.

(Шло последнее действие. Смена декораций на этот раз переносила зрителя в лес. Квентин исступленно хрипел)

– *Вы не отдали мне прощенье.*

(Сола была по-прежнему холодна. Она выговаривала роль с такой монархической интонацией, что многим зрителям в зале пришлось закусить губу).

– *Прощение? Помилуй, бог!*

Мирт:
– *Но бог сказал прощать презренных…*

Иллюзи:
– *С каких же это пор*
Являетесь вы на приёмы к королевам
В леса, не в залы?

Мирт:

– Вы не ответили на мой вопрос!

Иллюзи:
– Чего хотите вы: богатства, славы?

Мирт:
– Я не продажен, моих стихов не подменить металлом!

Иллюзи:
– Коль золото глаза не опаляет, чего хотите вы тогда?

Мирт:
– Любви.

Иллюзи:
– Любви? Ну да!
Я вас женю на самой умной из красавиц светского двора. Нет?

Мирт:
– Да…

Иллюзи:
– Да?

– Вы не ответили, откуда вам известно моё имя? У нас что, есть общие знакомые? – Заретта улыбнулась. Переживания за опоздание, угрызения совести, мысли о спектакле брата, всё куда-то исчезло и не возвращалось, затмеваясь этим необыкновенно притягательным настоящим.

– Возможно, – ответил Эль.

Он взял Заретту за руку, и ей показалось, что птицы поют сладко, что солнце ослепляет, а синее полотно неба никогда раньше не было таким ярким, и… цветы. Но откуда цветы в эту пору? Заретта заметила, что, куда бы они не шли, по всему парку цвели розы. Они выглядывали из клумб, лежали под ногами, даже спускались с ветвей деревьев, что было уж совсем невозможно, ибо розовых деревьев не бывает. Заретта всё

списывала на хорошее настроение, богатую фантазию и, в крайнем случае, на свои художественные корни по линии отца. Ей не хотелось думать, впервые за свою жизнь ей не хотелось ничего анализировать,

подводить под черту, спорить. Она отдыхала, как отдыхают люди во сне, но не оттого, что спят и восстанавливают силы, а оттого, что видят сны, в которых всё безусловно и не подлежит сомнению. И потому она больше не обращала внимания на то, что солнце, хотя и ослепляло, едва ли могло согреть, а розы были неестественного оранжевого цвета. Заострённые лепестки их совсем не тянулись к свету, извиваясь наподобие змей. Эль о чём-то говорил, Заретта не понимала и половины. Его фантастическая речь, казалось, была лишена во имя эстетики всякой логики, и Заретте это очень нравилось. Ей нравились его глаза и треугольная родинка под нижней губой. Сколько прошло времени? Она забыла о времени. Рваное дыхание выравнивалось и опять рвалось. Молчание, молчание, приступ голоса, приступ голоса, молчание. О чём? Не вспомнить. Уже была ночь? Или – только её предсумрачное состояние? Заретта забыла о времени.

(Последняя сцена. Зрители нетерпеливо смотрели на актёров).

Мирт:
– *...Моя душа не столь коварна и ловка,*
Чтоб соблазнить пустую бесконечность.

(Квентин горько усмехнулся)

Не отвечайте, нет! Ответ ваш ясен.
Я знаю правду!
Так бейте же кинжалом со всего размаха!
О, это «если» ...
Ещё я сомневаюсь, ещё надеюсь!
Вот глупец…
Да, я не стою вас! Но сжальтесь!

(По лицу Квентина ползла испарина, голос срывался. Вальсам испуганно смотрел на него из зала, перебирая в пальцах чётки. На сцене появилась Сола. Квентин продолжал).

Какая боль слепит глаза…

Иллюзи:
– *Что это?*

Мирт:
– Подруга ночи, её величество Луна!
Какое сходство с милым ликом…
Осмелюсь ли поднять глаза?

Иллюзи: (со вздохом)
– Мой приказ… вы выполнить должны.
Пусть пыл любви умрёт под чёрною вуалью.

Мирт:
– Под чёрною?
Вы уж меня похоронили и поёте память?
Не в том беда, что я умру,
Вам траур не к лицу.
Одно спросить хочу…

Иллюзи:
– Не задавайте мне вопросов,
Ответы будут не мои.

Мирт:
– Ах, да: ответы чести…
Но вы забыли: не Творец я
И не создал мира,
И судьбами людей я управлять не властен,
Тем более, сердцами, наполненными ядом чувств.

Иллюзи:
– Так властна – я.

Мирт:
– Законна ваша дерзость.
Да. Делами могут души править, но не заставить…

Иллюзи:
– О том я не прошу.

Мирт:
– Вы милосердны.

О милосердие, мне ли не знать его…
Когда земля расступится пред тем, кого любили вы,
Увидит он его в пылающем жестокой истиною храме.
Все люди – жертвы приношения любви!

Иллюзи:
– *Вы плачете?*

Мирт:
– *Улыбаюсь.*

(Голос Квентина надломился)

А слёзы, как и ваши слова, не мои!
То небеса надо мной пролетали и уронили нечаянно их.

Иллюзи:
– *Уйдите.*
Оставьте.
Ответьте. Останьтесь.

Мирт:
– *Не многовато ли приказов? Прощайте.*

Иллюзи:
– *Скажите мне…*

Мирт:
– *Да, королева?*

Иллюзи:
– *Не королева, знайте…*

Мирт:
– *Мне ваша милость в сердце остриями боли…*
М*олчите, как вы смели? Я слов вам не давала!*
Я вас…

Мирт:

– Не продолжайте!
Вы слов мне не давали.
Я слов вам тоже не даю.

(Уходит со сцены).

По дороге загрохотал мотоцикл. Заретта вздрогнула.

«Сон? – подумала она весело. – Оборвана фраза, о чём мы говорили…»

Заретта посмотрела на лавочку. Она сидела там же, где оставили её Илвис и Найт. Под ногами валялись кисти.

«Правда сон – нет никого! – лёгкое, светлое чувство раздалось в душе, какое бывает только после пробуждения. – Ничего не было, – решила Заретта, вдруг задев что-то рукой. Рядом с ней лежала книга. – А, вот и было, – девушка тяжело вздохнула. – Не сон…» – Она поспешно спрятала книгу и подобрала упавшие кисти.

К ней навстречу шли Найт и Илвис, Джексон плёлся позади, с трудом передвигая лапы и недовольно ворча про себя поводок оказывал на него дурное влияние: он время от времени фыркал и издавал какие-то угрожающие звуки.

– Ты не поверишь! – Илвис задыхался от волнения.

– Да, – угрюмо процедил Найт.

Заретта улыбнулась. Найт и Илвис сели по обе стороны от неё. Джексон лег к Заретте в ноги, в косматой его шерсти запутались несколько пушинок, что теперь переливались на солнце, отдавая серебром.

– Ну прости меня… – тихо начал Илвис.

– Ты не виноват, – перебила Заретта. – Да я и не обижаюсь.

– Странно… – пробормотал Найт в сторону.

Илвис наклонился к Заретте и прошептал ей на ухо, кивая на Найта:

– Никак успокоиться не может, что Джексона на мотоцикле догнать не сумел. Я, признаться, этого и сам не понимаю, – вздохнул он.

Занавес. Аплодисменты.

– Смотри не рухни в обморок, как тогда Азраил, – Гордас взглянул на Квентина, который заметно побледнел от этой громкой благодарности.

Хэпи потёр переносицу:

– Даже для меня громковато.

– Да ну вас, – обидевшись, произнёс Гордас. – А моду кто завёл?

Азраил едва улыбнулся. Но тут занавес поднялся, и актёров попросили на сцену.

Глава 13

Золотая пьеса

Барри выглянул в окно. Там, в холодном от поздней осени воздухе, сыпал дождь, походивший на мелкий снег.

– Зима.

– Что? – Переспросил Джайв.

– Зима, говорю, холодно, – повторил Барри.

За столом сидела маленькая девочка и играла в шахматы. Она выстраивала в ряд пешки, отбрасывая другие фигуры. К слову сказать, только пешки и помещались в её маленьких пальцах. Девочка смеялась, что-то шепча брату на ухо.

– Тётя Салли приезжает. – Джайв смотрел на Барри, не отрываясь.

– А? – вынырнул тот из своих мыслей.

– Не слушаешь… – разочарованно произнёс мальчик.

– Да нет, Джайв, слушаю. Тётя Салли скоро приезжает, – произнёс Барри монотонно в подтверждение того, что слушает.

– Я не говорил, что скоро! – опять обиделся Джайв.

– Ну, так я добавил, – пояснил Барри.

Джайв скупо улыбнулся. Но потом Мэрси опять шепнула ему какую-то шутку, и он повеселел.

– Знаешь, Барри, нам с Мэрси кажется…

– Что кажется?

Джайв замялся:

– Ну, как это… – он медлил с ответом, чем выводил Барри из себя.

Впрочем, Барри и без него уже давно был из себя выведен странными событиями, недавно произошедшими в его семье.

– Что ты мямлишь, ты мужчина или нет? – Он всегда так говорил, когда хотел добиться от Джайва решительных действий.

– Мужчина, – быстро среагировал тот.

–Ну, так что там тебе кажется, мужчина? – улыбнулся Барри, сложив крест-накрест руки на груди.

–Мне кажется, что она в тебя влюбилась, – смущенно выпалил Джайв.

Мэрси фыркнула и с укором посмотрела на брата.

– Что ты, Мэрси, это взрослый разговор, – важно осадил её мальчик.

– Кто в меня влюбился? – не понял Барри.

– Тётя Салли. Она, когда о тебе говорит, такая сразу становится, ну…

– Ну? – шутливо потребовал Барри.

– Красивая, что ли…

– Ну ты и выдумал! – Барри обнял Джайва. – Хороший ты парень.

Мэрси опять фыркнула.

– А ты, – Барри подхватил её на руки и закружил, – моя хорошая девчонка!

Девочка звонко рассмеялась.

– Мне будет вас не хватать.

– Ты куда-то уезжаешь, Барри? – Джайв помрачнел.

– Не сейчас, – ответил тот серьёзно. – Вот пройдёт зима, тогда поеду.

Хэпи шел по коридору, сосредоточенно смотря перед собой. По привычке он свернул в репетиционную.

– О, Хэпи, я ждал тебя. – Руфус сидел за роялем и, казалось, мог прожечь своим проникновенным взглядом всё, что было вокруг. – Как пьеса? Меня не было в зале.

Хэпи не стал выяснять подробностей.

– Не было? – Говорить ему явно не хотелось, но Руфус ждал ответа. – Пьеса? – Хэпи вытащил из кармана сложенный вдвое листок, вздохнул и с неудовольствием начал: – Опять сословная вражда. Она богата, он – поэт. Он молод, она немолода. И так интриге задан бег, и прост, наивен тот сюжет. Финал трагичен, как всегда, – заключил Хэпи на уверенных нотах, добавив вполголоса: – Какой же почерк неуклюжий.

– Ясно, – улыбнулся Руфус, о чём-то размышляя.

Хэпи его не прерывал и лишь спустя какое-то время решил продолжить.

– Но долг отдать спешу словам, слогам, созвучьям, поэзии в ней – безусловный дар. Она волшебно чувства в звуки пишет.

– То есть? – Руфус наконец обернулся. – Я не совсем понял… – Он заметил в руках Хэпи листок. – Что это?

– Это стихи Квентина, – пожал плечами тот. – Понять их порой вообще не представляется возможным. Бедняга не может запомнить собственных сочинений и записывает их на чём придётся, а потом выбрасывает, а я вот подбираю. Прости, пришлось опустить с десяток восклицательных знаков... – сухо проговорил Хэпи, отводя взгляд.

– Интересно. Продолжай.

Хэпи опять заглянул в листок:

– Проста сюжетная канва, но золотом горит резьбакружев словесных на платье славы подвенечном. И на победе сходится молва, и о победе шепчутся глаза соперников, дотоле столь беспечных.

– Ага, – только и мог сказать Руфус.

Хэпи устало опустился в одно из кресел первого ряда, убрав исписанный листок обратно в карман.

– Как расписал: она так хороша, что лучше, кажется, и не придумать.

– Кто? Сола? И ты туда же? Ну вас всех, – Хэпи махнул рукой.

– Не Сола – пьеса, – раздражённо пояснил Руфус.

– А-а-а, пьеса… – Хэпи встал, прошёлся по скрипящему паркету, от этого в пустом зале сделалось шумно. – Не золотая, видно… – проговорил он себе под ноги.

–Почему? – Руфус не дождался ответа и неожиданно забил по клавишам. Мелкие ноты засеменили под пальцами, озвучивая паузу. Руфус виртуозно играл.

– Вот это да! – Из глубины зала раздался хриплый смешок.

– Верти? – Угольные глаза Руфуса смотрели настороженно.

–Не подозревал в тебе музыканта, – басом отозвался Верти.

– А где Хэпи?

– Ушёл. Даже меня не заметил. Тоже мне, снайпер.

– Кто?

– Ну, стрелок, лучник, много ли разницы… Вальсам его всё в одном образе держит. Наказание, наверное, …

– Не может быть… – произнёс Руфус, чему-то поражаясь.

– Да Хэпи всё равно, – успокоил Верти, – к тому ж Гордаса подстрелил. – Он улыбнулся. – Хэпи не потому ушёл, что роль не нравится и обсуждать свою игру ему претит, хотя это отчасти и правда. – Верти

закусил губу. – Мы все слишком любим славу, – перебирая в пальцах металлический крест, рассуждал он. – Только слава может отличить нас друг от друга. Каждому отпущена своя мера, та мера и расставляет по ступеням лестницы величия. А величие ведёт к бессмертию. – Он коротко вздохнул и развёл руками. – Всё просто. Все стремятся задержаться здесь подольше, не в сердцах, так хотя бы – в памяти. А ты, значит, играешь?

Руфус снял руки с клавиш, переведя глаза на Верти. В них было удивление:

– Память, – прошептал он. – Ты прав, она сопоставима с вечностью. Но разве это просто?

– А разве нет? Сам посуди. Право на вечность даёт талант. Механизм, толкающий нас к славе – это гордость. Без этих двух обстоятельств души задумываться о вечности не имеет смысла. Так ты тоже играешь? – в вопросе послышалась непривычная настойчивость.

– Ну так что с того? – нервная мелодия заскользила громче. Руфус решил уклоняться от прямых объяснений, насколько то будет возможно.

Верти подошёл ближе, нагнулся и прошептал Руфусу на ухо:

– Может, покаешься? Выберешь другую сторону? Чёрное поле душу не спасёт. -– Он напустил на себя такую важность, словно, говоря это, исповедовал и отпускал грехи.

Руфус вдруг переменился в лице:

– Какие странные слова.

Верти усмехнулся:

– Я погляжу, ты – мастер маскировки. Тебя б на сцену.

– На сцену... – притворно задумался Руфус. – Весь этот пёстрый рой актёров мне претит, – пробормотал он раздражённо. – Да и к тому, я и так – на ней. Значит, ты – в игре?

– Играю, – пробасил Верти. Он встал на колени, положив металлический крест на пол рядом с собой, и заиграл на рояле, за которым сидел Руфус. Мелодия в миноре была неподдельно искренней. – А, впрочем, ты прав, и мне претит.

– А что с крестом?

– Я же сказал, играю, – не отрывая рук от клавиш, ответил Верти шёпотом.

Руфус молчал, искоса поглядывая то на Верти, то на его крест. Он напряжённо о чём-то думал, однако Верти этого не замечал или делал вид, что не замечает.

Заретта пришла домой. По окнам карабкался холодный ветер, пугая

злым дыханием. Он то и дело срывался, как плохой скалолаз, падал в пустой двор и вновь поднимался, цепляясь за водосточные трубы, скользкие подоконники, заглядывал в окна, что-то нашёптывал шторам, и те раздувались, подобно парусам, не то от гордости, не то от страха, елозили по карнизам.

– Зима скоро... Завтра начнётся… – Заретта села за стол. Перед ней лежала книга, подаренная Элем. – Вот бы перелистать один из четырёх сезонов… Не хочу, чтобы была зима…

Привычка думать вслух, будто в комнате кто-то был, у Заретты появилась со смертью отца: так её утрата становилось незаметнее, и боль притуплялась. Она хотела было открыть книгу, но отдёрнула руку. «Сегодня был солнечный день, и это небо, цветы немыслимые… А сейчас… Как быстро мы расстались… И всё сразу стало таким холодным. Оборванный аккорд…» Она вновь потянулась за книгой, желая на этот раз её раскрыть, но опять отдёрнула руку: раздался телефонный звонок.

Белое поле тоже душу не спасает, – наконец проговорил Руфус. – Однако тебя я подозревал меньше всего.

Верти прервал свою игру.

– Я – лишь голос за кадром. – Он взял с пола крест и надел его на шею, принявшись рассуждать о насущном. – Если быть честным, пьеса Солы… – Верти скривил губы, и стал похожим на обиженного ребёнка.

Руфус решил ему подчиниться и больше не выпадать из контекста привычных тем:

– Ты пишешь лучше?

– Да уж не хуже.

–О! – Взгляд Руфуса упал на металлический крест. – Ичто же это? Проповеди?

– Какая разница, что? – вздохнул Верти. – Я пишу для себя. Как только я стану писать для других, это будет означать, что я во всём разобрался, и жизнь для меня больше не представляет загадки.

– В жизни всегда должна оставаться загадка, иначе неинтересно будет жить. – глубокомысленно возразил Руфус. — Я думаю, люди начинают писать, как раз чтобы найти ответы на вопросы, а не наоборот, – добавил он серьёзно.

Верти задумался:

– Возможно, ты прав. Значит, мне стоит начать писать для других. Я буду задавать вопросы, предлагать на них свои ответы, а те, кто меня станут читать – свои. И так мы добудем истину. – Пара угрожающих аккордов в

верхних октавах завершила его мысль.

– Зачем тебе истина? Жизнь – это хороший фокус, зачем его разгадывать? Разве от этого люди, которым ты откроешь тайну, станут счастливее? Вдруг они решат, что смысла нет? По крайней мере, того, что они искали? А вдруг жизнь, смысл которой они наконец поймут, просто перестанет их интересовать?

– Какой ты, оказывается, философ! – Верти попытался рассмеяться, но смех его был неестественным. – Я знаю, что смысл жизни в самой жизни, в её наличии, в драгоценном опыте, что она даёт душе. Точно так же, как об этом знаешь ты.

Угольные глаза Руфуса встретились с кроткими глазами Верти и задержались чуть дольше обычного.

– Мне незачем искать этому подтверждения, но людям нужны доказательства…

–Маскируешься под святого? – не выдержал Руфус. – Выдумал себе светлую миссию?

Как раз в этот момент в зал вошли Хэпи, Гордас и Квентин. Последние держали руки сомкнутыми на груди. По их лицам можно было определить, что они едва переносили присутствие друг друга, и Хэпи тут был живой перегородкой, стеной приличия, сдерживающей их негодование.

– Уф, – выдохнул Руфус. – Ты, Верти, действительно неплохо играешь, раз я тебя раньше не вычислил. – Руфус говорил тихо, и никто из вошедших его слов не услышал.

– Да… но… – Верти поднялся с колен и громко произнёс. – Теперь буду реже. Хочу, чтобы вы знали: я ухожу из театра.

– Как? Куда? – не понял Квентин.

– А вы не догадались? – пробасил Верти. – В монастырь.

Хэпи не сдержал усмешки. Пальцы Руфуса словно примёрзли к клавишам, Гордас растерянно смотрел на Верти, а Квентин тщетно пытался понять происходящее.

– Верти, ты хорошо всё обдумал? – В дверях показался Азраил.

Верти улыбнулся:

– Да что же вы все так растерялись? Да не в монастырь же, я просто теперь буду учиться в духовной семинарии.

– Как вас зовут? – Заретта настороженно прислушивалась к голосу в трубке.

– Сола. Мы с вашим братом вместе играем в театре. Вы были на сегодняшней премьере? – Голос Солы звучал повелительно, недавняя роль

не успела ещё сойти с настоящей, скромной её души.

– А-а-а… – протянула Заретта, – я опоздала.

Странно, она была спокойна и уверена в себе, и, как бы ей ни хотелось почувствовать укор совести, она его не чувствовала.

– Это ваша пьеса… Поздравляю, мне брат рассказывал. А откуда вы знаете, что я должна была быть?

–Так Азраил сказал, он всё высматривал вас в зале... – В голосе Солы начинали проступать нотки боязливой неуверенности. – Что-то случилось? – почти выдохнула она в трубку.

– Да нет… – Заретта не знала, что говорить. Отчитываться перед чужим человеком было до крайности странно, но в то же время она чувствовала себя сейчас одиноко, и ей очень хотелось с кем-нибудь поделиться переполняющими её эмоциями. Книга лежала рядом на столе, и вот уже который час мозолила глаза, а если Заретта закрывала глаза, книга вставала и перед закрытыми глазами.

Тишина в трубке, казалось, накалялась. Наконец, слезливый голос Солы произнёс:

– Что же случилось? С вами всё в порядке? – Она громко всхлипнула.

– Нет, нет, всё хорошо… – смутилась Заретта. Она не любила долго рассуждать, порывистый характер часто подсказывал ей будущие действия, так что спонтанное принятие решений было Заретте свойственно. Она словно ставила шах и мат, говоря: «А давай-ка вот так, и думать пока не будем». Так и сейчас, еще не успев всё взвесить, Заретта вдруг предложила:

– Сола, а приезжайте ко мне, я давно хотела познакомиться с кем-нибудь из друзей Азраила.

– Как быстро ты сориентировался, – пальцы Руфуса начали дальше перебирать по клавишам, звуки были растерянными. – Раскрылся и теперь хочешь играть на расстоянии?

Верти его расслышал, но отвечал вошедшим:

– «У меня просто есть вопросы, на которые я желаю найти ответы», – произнёс он возвышенным тоном.

– Какой колорит, какие краски! – в голосе Гордаса почувствовалась откровенная насмешка. Он зааплодировал.

– Что ты будешь делать без сцены? – спросил Хэпи холодно.

– Он будет писать мемуары… – предположил Гордас.

После минутной паузы Верти произнёс:

– Я не ухожу из театра. Теперь я буду служить не только искусству,

но и… – голос его затих на недоговорённом слове, как длинная мелодия, что в конце угасает, отдавая последним аккордам еле слышимый звук. – Мне это интересно, я не слепой фанатик, я лишь хочу разобраться.

Руфус, ничего не говоря, только покачал головой, уткнувшись в отсутствующие на отложной полочке рояля ноты.

– Что же это я… – Заретта нервно ходила по комнате. – Теперь она подумает, у Азраила сестра сумасшедшая. Она и согласилась прийти, наверное, только потому, что очень уж интересно взглянуть на сумасшедшую сестру гениального актёра. А, может, она и вовсе не придёт, посмеялась…

В дверь позвонили. Заретта открыла, на пороге стояла девушка в красивом, облегающем, длинном платье, в руках её была корона:

– Сола, – представилась она.

– Заретта, – проговорила смущённая хозяйка. – Она до сих пор не знала, что ей делать и как себя вести. Всё разрешилось, само собой. Сола без приглашения буквально впорхнула в открытую дверь. Копна шоколадных волос и лёгкая походка навевали мысли о лете и бабочках.

–О, как тут… давай, кстати, на «ты» … как тут у тебя просторно. А я так устала от этой театральной суеты, прямо- таки еле вырвалась. Зрители, овации, поздравления… – она вдруг осеклась.

Заретта всё ещё стояла на пороге собственной квартиры.

–А чего ты там стоишь? Я, если честно, тебя не такой представляла.

– Почему? – заинтересованно спросила Заретта, понемногу догадываясь о причинах столь раскованного поведения гостьи.

Сола словно поняв её мысли, проговорила чуть слышно:

– Там после премьеры шампанское подавали, пришлось пить, – она смущённо посмотрела на Заретту.

Та улыбнулась:

– Да ну что ты… – Заретта прошла в квартиру, закрыв дверь, и ободряюще взяла Солу за руку. – Пойдем.

– О, если бы они знали, где я!

– Кто?

– Да все, я же сбежала. Они, наверняка думают, что я там, среди зрителей почестями кормлюсь, а я вот приехала к тебе. А давай дружить? – Сола опять осеклась, сообразив, что сказала глупость. – Ой! Это я, не подумав.

– Да всё в порядке, Сола. Чаю? – Заретта поставила перед Солой чашку и налила из чайничка ароматный напиток.

– Спасибо. – Сола села за стол, не зная, куда деть корону и в результате надела её на голову.

– Расскажи мне о твоей пьесе, о сегодняшней премьере, о театре, вообще – обо всём. Мне очень интересно, – попросила Заретта и села напротив Солы, заранее радуясь приятной беседе.

Вместо этого Сола вдруг выпалила:

– Вот так и отыграли, а он даже толком и не поздравил! Так, только проронил: «Отлично, Сола». Ну кто, ты скажи мне, так поздравляет? – Сола требовательно уставилась на Заретту.

Заретта лихорадочно пыталась собрать мысли воедино:

– Прости, я может, что-то упустила, но о ком ты говоришь? Кто тебя толком не поздравил?

– Ой! Да ну их всех, – попыталась замять Сола, она растерялась и не знала, как продолжить.

– Это он, Азраил, тебя не поздравил, да? – догадалась Заретта.

– Да… – едва слышно проговорила Сола.

– Ясно. Ты влюблена в него?

– Ой! Не надо. Это всё глупо. Он и не знает, и не любит, в общем, давай о другом.

– Как хочешь, но он всё-таки – мой брат, хотя я его не очень хорошо знаю. – Заретта опустила глаза. – Он странный, правда?

– Правда! – воскликнула Сола, словно слышала слово «странный» впервые, и была очень удивлена и обрадована, найдя верное определение мучившим её догадкам. – Да, именно странный. Его словно бы что-то гнетёт, и оттого он такой… – она задумалась, – …странный.

Глава 14

Оборванный аккорд

В театре было тихо. Все его обитатели разбредались по домам.

– Я ненавижу её, – Квентин сжимал зубы.

Азраил с любопытством наблюдал за ним. Он уже оделся и теперь стоял, прислонившись к стене:

– Значит, совсем наоборот. Думаешь, она Гордаса любит?

– Думаю, что она меня не любит, – голос Квентина звучал непривычно жёстко. – А что там с Гордасом… – он лихорадочно ломал пальцы.

– Да брось, она искусство любит, а ты его чистое воплощение…

– Так же, как и ты, – перебил Квентин. – Всё, не хочу об этом. – Он взял с вешалки тонкое осеннее пальто,

– Постой, – Азраил, уже давно догадывавшийся о чувствах Солы к себе, растерянно разглядывал тяжёлый браслет в виде змеи, врезанный в его руку. – Не надо спешить. Ты всегда успеешь сделать выводы. Напиши ей письмо, объясни в нём всё толком, ну, как ты умеешь, она должна понять и оценить.

– Что? «Сола, я тебя люблю? – спросил Квентин, комически прыгая на высокой интонации и пытаясь попасть руками сразу в два рукава. – И жду от тебя того же?»

– Нет, зачем так? – Азраил взял у него пальто, встряхнул и помог одеться. – Просто напиши то, что ты чувствуешь. Ничего не утаив. Квентин, ты же поэт, ты можешь то, чего не могут другие, – так действуй. Зачем ты чувство своё лелеешь втайне? Оно ведь законное, нормальное здоровое чувство, имеющее все шансы на успех и права на существование. – Азраил сам не заметил, как перешёл на шёпот, и в шёпоте этом было что-то зловещее, горькое, неприятное.

Квентин испуганно посмотрел на него:

– А поехали ко мне, отметим премьеру.

– Нет, – отрезал Азраил. – Уже поздно. Скоро – день новый… – он улыбнулся, проглотив свои тихие слова, и те были ужасны на вкус.

– Так самое интересное обычно по ночам происходит! – глаза Квентина наполнялись лукавой дымкой. – Покинем же наш полуночный театр!

– Тогда – ко мне, я Руфусу обещал… – Азраил замялся.

– Я поеду, – просто согласился Квентин.

«Пережить бы эту зиму… – Ключи дрожали в руках. – Вроде бы всё?»

Барри устало огляделся? вымытый пол, свежие скатерти на круглых столах, стулья отодвинуты в позиции, приглашающие присесть, за окнами – неуютно темно. Он хотел идти, как вдруг передумал. Положив ключи в

карман, Барри сел за барную стойку и налил в стакан воды. Лицо его было измождённым, сумрачные тени под глазами стали заметнее. Всё остановилось… – продолжал рассуждать он. – Я не справляюсь… Работать здесь, потом бежать на конюшню… за всем следить, проверять... Как же я устал… Домой идти не могу. Сестра сошла с ума! – Барри передёрнуло. – Бросилась мне на шею, наговорила таких странных слов, не хочет, чтобы я уезжал… – он до боли сжал пальцы. Вода в стакане дрожала. Надо было уехать вместе с ним…» – Барри не мог оторвать глаз от этой дрожащей воды.

– Уехать с ним… – произнёс он вслух. – Или убить. Ведь до его появления всё было нормально...

Странно, Барри хотел, но также не мог, никак не мог разозлиться на того, о ком вспоминал. Вместо этого он разозлился на воду, взял стакан и выпил до дна.

– Что он имел в виду, сказав, что Мидора погибнет, если я останусь здесь? Какое отношение моя свихнувшаяся сестра имеет ко всему этому? Они виделись с ней всего раз… Решено. Уеду! – закричал он и потом добавил устало. – Пережить бы зиму… Только бы это…

Барри вздрогнул. Ему показалось, что слова, которые он сначала вот так прокричал, а потом добавил, и те, и другие были сказаны не его голосом. Этот новый голос был старше прежнего лет на двадцать. Барри понял: что-то внутри него надорвалось, окончательно изменило форму и цвет, стало другим. Он знал: подобное необратимо – и только усмехнулся этой метаморфозе, больше ничем её не отметив.

Азраил и Квентин вышли из театра. Ледяной ветер царапался, и хотелось спрятать лицо. У входа их поджидал Руфус. За спиной у него привычно висел гитарный футляр. Никто и никогда не видел того инструмента, что лежал в нём, давно воспринимая этот футляр просто как продолжение самого Руфуса.

– Пойдёмте быстрее, – скомандовал Азраил.

– Эй, подождите, – из тяжёлых дверей театра вышел Хэпи. Ветер накинулся на него с жадностью. Руфус глубже запрятал руки в карманы пальто

– Холодно, – процедил Азраил сквозь зубы.

– Угу, – пробормотал Квентин.

Одеты они оба были странно, словно о существовании прогноза погоды никогда и не слышали. Нельзя сказать, что их не интересовала погода: разумеется, и Азраил, и Квентин замечали смену сезонов, последний

даже писал циклы стихов о временах года, – и всё же природу они воспринимали несколько необычно, отдельно от себя, вроде некой эстетической категории, о которой можно писать, восхищаясь, которой можно поклоняться, но не более того. То, что природа примитивно диктует людям, как надо одеваться в тот или иной сезон, Квентин не воспринимал, считая такое положение дел оскорблением предмета своего обожания. Как думал о природе Хэпи, понять было сложно. Однако одет он был по погоде и не испытывал никакого дискомфорта от холода. Хэпи подошёл к стоящим на ветру.

– От кого бежим? Кстати, Квентин, я видел Солу около часа тому назад, она уходила из театра…

Лицо Квентина болезненно скривилось, он закрыл глаза и уже набрал в лёгкие воздуха, чтобы ответить, но Азраил, посчитавший это опасным, ответил за него:

– Он не хочет ничего о ней слышать, так что не продолжай. Хэпи пожал плечами:

– Мне просто было интересно, куда это она…

– Ну, сказал же, –перебил Азраил. –Всё, пока не хотим. – Он мельком взглянул на Квентина, тот с полными воздуха лёгкими смотрел куда-то вдаль. Азраил принял это за одобрение: – Раз с нами, Хэпи, – идём. А ты, случаем, Верти не видел?

– Верти пакует вещи. Завтра с первым поездом мы лишимся его светлого гения. Обещал писать письма.

– Верти в письмах… – задумчиво проговорил Азраил.

Дорога тянулась в молчании. Квентин, не поднимая головы, двигался машинально, след в след за Азраилом, недавняя сцена с Солой и Гордасом всё ещё разыгрывалась в его памяти, обрастая новыми и новыми вариантами прочтения. Наконец Азраил сказал:

– Пришли.

Уже подходя к дому, он заметил одиноко стоящего посреди улицы человека. Волосы его были убраны под шляпу, а на лице сверкали солнечные очки. Человек смотрел в небо, в котором громко каркали птицы.

– Забавно, – произнёс Хэпи.

– Да. – Руфус настороженно вгляделся в одинокую фигуру.

Квентин предположил глубокомысленно:

– Солнечные очки… может, у него глаза заплаканы… Азраил только нахмурился и свернул во двор. Квентин последовал за ним.

– Что, Руфус, ты к спиртному как относишься? – спросил Хэпи.

– Что? – тот, казалось, не понял предмета обсуждения.

– Ты пьёшь?

– Ну да, – кивнул Руфус. Они поравнялись с другой

половиной компании. Квентин, слышавший разговор Руфуса и Хэпи, обратился к последнему:

– А ты ведь, Хэпи, не пьёшь, чего же ты за нами увязался?

– Люблю слушать пьяные исповеди. Может, и Азраил наконец расколется. И мы узнаем причину его странного поведения. Ты не переживай, я вам подыграю, – добавил он тихо.

Все четверо вошли в дом. Человек в солнечных очках проводил их внимательным взглядом.

Поднявшийся ветер сорвал шляпу с его головы – на плечи рассыпались рыжие волосы. У ног Эля ходили чёрные голуби.

На улице стало слишком темно, фонари едва справлялись с очерчиванием фигур встречных прохожих и предупредительным вырыванием из мрака фасадов домов, не подсвеченных рекламных столбов, припаркованного транспорта. Наконец – знакомый поворот. Илвис торопливо свернул к дому. Открыв дверь и пропустив вперёд Джексона, он вошёл в квартиру. Оба молчали. Илвис закрыл дверь и прислонился к стене. В доме носился запах непросохшей глины.

– Что? – улыбнулся Илвис, обращаясь к собаке. – Даже не лается? – Пёс, не поняв, жалостно заскулил и побежал в большую комнату.

– Погоди. – Илвис с невероятным усилием отодвинулся от стены и пошёл вслед за ним, на ходу снимая с себя верхнюю одежду и включая во всех комнатах свет.

– Устали… Все мы устали… – бормотал он вполголоса.

Поздняя прогулка не помогла –Илвису не захотелось спать. Всё его существо вдруг наполнило неопределённое, цельное, не распавшееся на конкретные образы чувство. Мысленно задыхаясь, он решил подчиниться ему. Илвис знал это ощущение предчувствия. Он закрыл глаза и полностью отдался восприятию его пьянящего аромата.

В глубине дальней комнаты стояла скульптура девушки. Умиротворённое лицо без особых выразительных черт обрамляли тонкие локоны, спускаясь на шею и плечи. Всю её хрупкую фигуру скрывало тонкое покрывало. Илвис мастерски умел передавать детали, и в том, что покрывало было тонким, полупрозрачным, можно было убедиться по многочисленным изгибам, складкам, заломам, свободно раскиданным по всей скульптуре. Ноги девушки обвивали замысловатые цветы. Мелкие капельки росы были ювелирно рассыпаны по их заострённым лепесткам.

– Я встретил её весной. Увидел и влюбился. Не знаю, как это происходит: мне потом казалось, что я уже был влюблён, как только услышал стук в дверь, как только пошёл открывать. Влюблён вселенски: и в эту постучавшую дверь, за которой стояла она, даже – в звук собственных шагов. Почему я так хорошо запомнил те минуты? – Азраил глотнул из бокала. – Отец мне ничего не говорил о ней вплоть до её появления. А я-то был уже влюблён! – прокричал Азраил неестественным срывающимся голосом.

Хэпи положил руку ему на плечо, но Азраил сбросил её. Сделав над собой усилие, он успокоился и продолжал тише:

– Отец сказал: «Открой дверь, это Заретта». – «Заретта?» – переспросил я, находясь в состоянии счастья, ни о чём не подозревая, не поставленный в известность, не отягощённый знанием и обязательством его принимать. Светлое, чистое чувство. Получается, за него я был обязан этой самой неизвестности. «Заретта!» – бормотал я, влюбляясь в эти звуки, в это первый раз услышанное имя. А оно словно бы цеплялось своим колющим звуком за звук моего имени. Я любил это имя, я шёл к двери, за которой была его обладательница. Открыв дверь, я даже ничему не удивился –за ней стояла она, моя любовь, я отчего-то знал, что она должна выглядеть именно так.– Азраил помолчал. – И вот отец сказал, оказавшись вдруг за моей спиной, я, разумеется, не слышал, как он подошёл: «Познакомься, Азраил, это – твоя сестра». – Азраил опять глотнул из бокала. – Мне показалось, что я больше не существую. Всё остановилось. «Как?» – подняв по-детски удивлённый взгляд, только и мог выдохнуть я. – Азраил горько усмехнулся. – И что же вы думаете, моя любовь, так внезапно родившаяся, прожившая несколько шагов, дойдя до двери, умерла, услышав это? Нет, чёрт возьми! Она осталась. Была она святой, чистой, высокой, ну сколько там ещё у классиков эпитетов найдётся для моей любви! Была она такой только эти несчастные мгновения. Мгновения шагов до двери, игр с именами, взглядов. Я стоял неподвижно, словно бы в меня вонзили кинжал. Острый, всаженный по рукоять в меня, ещё счастливого, влюблённого, ещё на вдохе сладостных чувств, разрывал он плоть грубо, некрасиво, жестоко. Выдох был уже в другой жизни. Я долго не мог пошевелиться и только смотрел перед собой. Почему? Так бывает, тут вопрос не эстетики, а грубой науки: вес, сила удара, давление крови, с чем-то не рассчитали, и я только поэтому не упал, а замер. Вот я, не упавший, и живу теперь с тем кинжалом, он врос в меня, так и не убив. – Бледный, Азраил попытался улыбнуться. Улыбнулся. – Да ещё в театре играю, когда сам со своей ролью заботливого брата не справляюсь. – Он замолчал. Долго на этот раз длилось молчание. Но вот Азраил поднял глаза, посмотрел на всех и произнёс:

– Я люблю её, люблю свою сестру. Люблю страшно, очень страшно. И грешна моя любовь, так как это любовь не брата к сестре. Я не просто так сказал, что в те первые минуты, когда я ещё не знал, кто она, в те минуты любовь моя была чиста. После оглашения правды любовь осталась, но на неё вылили целую улицу грязи, и стала она дурна, пошла, мерзка, ну, какие ещё эпитеты у классиков для моей любви… – Азраил осёкся на полуслове и стих. – Говорил уже…

Все по-прежнему молчали, то ли не зная, что сказать, то ли зная, что, если скажут, выйдет непременно плохо, ненужно, неуместно. Квентин был потрясён. Собрав всё мужество, какое было, а такового было немного, он теперь с видом великомученика давил в себе слёзы. Хэпи ожидал чего угодно, но только не того, что услышал. Руфус был мрачен, но, казалось, нисколько не удивлён. Хэпи даже подумал, что Руфус знал об этом. Он посмотрел на Руфуса долгим тёмным взглядом. Руфус поймал его, и посмотрел ответным, угольным. Хэпи отвернулся, его глаза заныли. Он поправил съехавшую на них косынку, украдкой взглянул на Азраила и заметил, как Руфус, вынув из кармана какой-то пузырёк синего стекла, вылил его содержимое тому в бокал. Никто, кроме Хэпи, похоже, на это внимания не обратил.

– Ну вот… – порывистым движением Азраил взял бокал и залпом выпил. – Вот я вам и рассказал о своей тайне.

Странно, ему не было страшно от вылившихся, давно таившихся по углам души слов. Лёгкое безразличие выразилось в глазах, стоило ему высказаться до конца.

– Необычно, – произнёс Хэпи глухо, и ему показалось, что он сейчас умрёт от стыда за сказанное. Но Азраил совершенно спокойно ответил:

– Согласен.

Прошла ещё минута, и тут раздался голос Руфуса, тихий, едва слышный:

– Я ведь мог распознать раньше… Отчего же не распознал?

Его никто не понял. Хэпи никак не ожидал, что Руфусу, по красноречию равному любому в их театре, тоже, нечего сказать. Оставался Квентин, который по-прежнему молчал, мужественно давя слёзы. Наконец он произнёс:

– Азраил…

Хэпи ждал продолжения, но Квентин не собирался продолжать: история Азраила повергла его в ужас. Однако Азраил его понял.

– Да, Квентин. Да. – Он устало вздохнул. – Действительно, тут не о чем говорить.

Найт летел по ночным улицам, со свистом заглатывая воздух. Он ни о чём не думал, ничего не боялся. Никогда не слышавший собственного сердца, Найт вряд ли мог зафиксировать его скачок и тем самым определить момент своей смерти, потому Найту иногда казалось, что он уже мёртв, и, уже мёртвый, он продолжает лететь вперёд. Его неулыбающиеся губы были плотно сжаты. Дороги, улицы, овраги, и опять – дороги, бордюры, запрещённые полосы. Найт любил ночь за отсутствие людей, за её слепоту. Волосы его трепал ледяной ветер, и оттого они казались словно вставшими на дыбы.

Куда бы Найт ни ехал, куда бы ни стремился, одно чувство неотвязно преследовало его, гналось за ним, поджидало на каждом углу. Это было ощущение плоскости мира. Найт никак не мог ощутить его глубины. Глубина представлялась ему неизведанной мерой. Единственное, что он воспринимал, – сплошную протяжённость, и её хотелось разорвать, проникнув куда-то дальше, за пределы, которые были повсюду.

Одни пределы, границы, грани, хитро перетекающие в другие. С детства Найту было присуще странное виденье мира. С детства ему чудилось, что он именно тот, кто может разорвать, сломать и проникнуть, открыть что-то новое и забрать себе, безраздельно им овладев. Но он только мчался по всё той же плоскости и не мог ничего изменить.

Не произнеся ни слова, Руфус закрыл дверь за Квентином и Хэпи, вернулся в комнату и сел в кресло напротив Азраила.

– Что же это с тобой сделали? – Вопрос звучал риторически. Руфус вздохнул. – Видишь ли, в игре все перемещения фигур мотивированы любовью. Считается, что чем та безнадёжнее, тем крепче связь между хранителем и… – он не договорил. –Этот браслет тебе ведь подарила Заретта? – Руфус указал на бронзовую змею, сжимающую запястье Азраила.

Азраил кивнул.

– Ну конечно. Всё сходится. Лук амура. Его стрелы пронзают сердца насквозь. Раньше этот лук принадлежал мне… – Он снова осёкся, над чем-то задумавшись. – Мы ведь познакомились с тобой в тот же день, когда ты встретил Заретту?

Азраил опять кивнул.

– Игра – забавная штука, – протянул Руфус. – Кто бы мог подумать, что это ты.

Азраил был в той степени опьянения и усталости, когда можно

считать весь мир большой игрой, владеть луками амуров, а главное, ни в чём не сомневаться, воспринимая всё происходящее как данность.

– А кто я? – он схватил со стола бокал, на дне которого заплескалась синяя влага. Руфус отобрал у него бокал:

–Этого так много нельзя!

– Да ладно тебе, – обиделся Азраил.

– Что? Больно? – вдруг с возмутительно трезвой для выпитого количества интонацией спросил Руфус. – Так больно?

– Ха… А ты сам как думаешь, поди-ка влюбись в сестру…

– У меня нет сестёр, только брат, – мрачно, всё с той же трезвостью в голосе, отвечал Руфус.

Азраил поднял фарфоровые брови в знак удивления:

– Брат? Я не знал.

– Значит, я вычислил тебя, – продолжал потусторонне размышлять Руфус. – Интересно, кто ещё знает о тебе?

Азраил равнодушно пожал плечами.

– Неужели я нашёл тебя первым? До конца ещё так долго, боюсь, ты можешь не выдержать.

– В жизни – кругом одно зло, – вдруг проговорил Азраил с тяжёлым грудным вздохом.

– Ты веришь в зло?

– Странный вопрос. Есть зло, есть добро, они просто есть, чего в них верить?

– И всё? Больше ничего нет?

– Руфус, я так устал, что вряд ли потяну высшие материи.

– Ты верно сказал, есть зло, есть добро, но есть ещё грань между злом и добром, серебряная грань справедливости, без которой ты не был бы способенотличать одно от другого.

– Серебряная, говоришь… – произнёс Азраил, погружаясь в сон. – Такие разве бывают?

– Бывают…– прошептал Руфус, смотря на Азраила, тот мирно спал. – Ладно, спи.

Руфус выключил свет и вышел из комнаты. В ней остался витать едва уловимый свет не то ночи, не то преломлённых высотой фонарей, луны и чужих окон.

Азраил заулыбался во сне. Необъяснимая лёгкость растекалась в душе, чувство, от которого Азраил давно отвык. Он сейчас был пьян не столько вином, сколько именно этим долгожданным чувством, имя которому – смирение.

Эпилог

Заретта проснулась. В окна шептало ночной свежестью. Она огляделась. Свет от ночника загадочно сконцентрировался в одной точке, освещая письменный стол, на котором лежала книга. Заретта встала и, подойдя ближе, протянула к ней руки. Она не могла отвести глаз от обложки. На ней была изображена полуоткрытая дверь с тремя семёрками. Над цифрами, словно выжженное по дереву, едва угадывалось слово «Амур». Перемешиваясь с полумраком, в комнату проник молочный свет. Часы простучали глубокую ночь. У Заретты не было стучащих часов, но в этот момент она отчётливо услышала их стук. Заретта задёрнула шторы, но свет не исчез, он, подобно молоку, пролился в комнату и не мог теперь исчезнуть, впитавшись в её пространство. Заретта опять перевела взгляд на книгу. В полуоткрытой двери был виден пейзаж: горы, песчаный берег, окантованное цепью гор ярко-синее море, отражавшее такое же ярко-синее небо. Выполненная в серо-серебряных тонах эта обложка не могла передать истинных красок, однако Заретта видела их, три золотые семёрки переливались на солнце. Ей даже показалось, что из полуотворенной двери повеяло лёгким морским бризом. Заретту охватило безумное желание, она отбросила сомнения, которые мучили её целый день, и вместо того, чтобы открыть, как обыкновенно открывают книги, осторожно потянула за ручку двери на обложке – порога не оказалось. Свежий ветер с моря, тёплый песок, разбросанные тут и там мелкие камешки, ракушки. «Только вы можете прочесть её правильно, Заретта…» – вспомнились ей слова Эля.

Молочный свет, растекавшийся по комнате, постепенно смешивался с предрассветным заревом.

Глава 1
День первый

Красное вино

Море плавится от собственной нежности под строгим взором рассветного часа. Воздух задумчив, будто философ перед решением сложной задачи человечества. Ранние лучи грейпфрутового солнца едва согревают влажный песок, на котором отчетливо видна вереница чьих-то одиноких следов. Но куда же они ведут? Пройдемте по звеньям их стройной цепочки. Через какое-то время мы заметим удаляющийся силуэт в легкой пене белой одежды, что шевелится от морского дыхания, играя причудливыми полутенями. Свобода движений, изысканность линий, молодое лицо, добрый взгляд перламутровых глаз. Кто это?

Прибрежные зонтики с вечно перегретыми цветными головами, пластиковые лежаки, созданные выносить любой вес горизонтально отдыхающих, пестрые камешки в переливах прозрачной воды, которые выглядят как настоящие драгоценные породы – все это принадлежащее пляжу пестрое общество молчит, ожидая нового дня.

День во владениях отеля начался довольно обыкновенно: с завтрака. Разноголосые постояльцы еще стекались в ресторан, но их поток заметно редел. Ежедневная церемония во имя существования была в самом разгаре, когда в просторную залу, переполненную шумными лицами и аппетитными ароматами, вошли двое.

– Смотри-ка, еще семи нет, а все уже на местах, – громко произнес невысокий юноша, волосы которого отливали золотом. Он шел, не торопясь, оценивающе смотря перед собой. Одетый модно, богато и с большим вкусом, он словно перепутал по рассеянности обыкновенный завтрак в отеле и шикарную вечеринку звездной молодежи. – Странно. – В его ярко-синих глазах показалось удивление.

– Семи? – контрастно, шепотом переспросил его спутник. На голову выше приятеля, худой, кареглазый, с усталой улыбкой на бледном лице, он походил на его тень, причудливо удлиненную.

– Вон там – свободные места, – опять нарочито громко выкрикнул золотоволосый. – Вон там, в центре. Составим компанию старичку?

– Пожалуй. – согласился кареглазый. – Сперва только возьмем завтрак. – По всей видимости, его совершенно не смущали вызывающе громкие выпады приятеля.

Они взяли по подносу с завтраком и направились к столику, за которым сидел пожилой человек, аристократически помешивая ложечкой чай. Казалось, он не обращал на происходящее вокруг ровно никакого внимания. Этот круговой звук чайной ложечки о края чашки заполнил на мгновение все пространство столового зала, совершенно вытеснив из него другие звуки. Он повис в воздухе, заглянул в окна, пробежался по крахмальным скатертям, приборам, даже – по лицам посетителей – и исчез, растворился. Разноголосый шум вновь ворвался на свою территорию, раскрасив картину прежним звучанием.

Долго кружа между столиками, приятели наконец сели, составив компанию почтенному джентльмену с длинными седыми волосами, затянутыми в пучок.

– У-у-ф… – протянул золотоволосый юноша и бесцеремонно уставился на соседа по столику.

– Доброе утро, – поздоровался его приятель и тихо, как и следует тени, сел напротив.

Сосед по столику согласно кивнул. Не отрываясь от утреннего чая, он обвел молодых людей долгим внимательным взглядом и улыбнулся.

– Слишком шумно для раннего утра. – Золотоволосый огляделся. – Ты не находишь?

– У тебя часы стоят со вчерашнего дня. Неужели ты думаешь, Мони, что сейчас семь?

– О-о… Переведу, – отрезал тот, брезгливо рассматривая разнообразные составляющие завтрака.

– Знаешь… – Его приятель замялся, – этот курорт… – Он пододвинул к себе поднос и принялся есть.

– Ну же, Прокл, скажи.

– Слишком уж...

– Слишком уж как? Примитивно? – подсказал золотоволосый Мони. – И что же тебя не устраивает? Сам говорил: «Не хочу роскоши, никакого эксклюзива, давай ближе к народу». – Он с талантом комедианта передразнил просьбу друга.

– Да ты не обижайся, не нравится мне все это…

– Не удивительно: местечко-то – не из звездных, так себе…– перебил Мони. Он сделал несколько глотков из бокала и скривился. – Вот-вот…

– Откуда вино?

– Бар работает круглосуточно, Прокл. – Невозмутимо ответил Мони. - Вот за что тебя люблю, правдой друга не обделишь, но ведь смысла не откроешь, а зачем мне вся эта правда без смысла? Скажи, что тебя беспокоит на самом деле?

Его собеседник задумался:

– Тебе когда-нибудь доводилось быть в черном тоннеле и видеть свет?

– Вот оно как… Меланхолик несчастный, я еще жив и умирать не собираюсь!

– Да ты не понял, я говорю не о смерти. Представь, что этот свет – это все, что у тебя сейчас есть, и…

– Слушай, у меня есть счета в крупнейших банках мира, несколько вилл на островах, квартиры в престижных районах, но света в конце тоннелей не припомню… – Мони набрал в грудь воздуха и продолжил:

– Меня ожидает с десяток выгодных партий, одна другой прелестней, а я провожу время с тобой на курортишке чуть выше среднего, выслушивая бредни о каком-то фонаре в подворотне. Очнись, Прокл!

Прокл смотрел перед собой невидящими глазами:

– …А вокруг грязь и разбитые бокалы некогда дорогого красного вина, эдакое месиво…

– Ого! Пойти павлина общипать тебе для перьев? Умные мысли надо записывать! Да, с такими симптомами ты вряд ли когда-нибудь на нее глаза-то поднимешь…

– Ты о чем?

– Или о ком? Не умеешь ты врать. И курорт тебе нравится, и от моря ты в восторге: вот скажи, бывал ли ты хотя бы раз до этого на море? Да без меня ты на свою стипендию дальше остановки своего дома никуда бы не уехал. Но не в этом суть, все дело в том, что ты упал в любовь, мой друг. Однако в силу своего книжного воспитания, которое уже переросло в психическое отклонение, ты, страшно боясь этого чувства, при падении свернул себе шею.

– О чем это ты, опомнись! – Молодой человек даже привстал от возмущения.

– Ну вот, началось. Сядь, Прокл, а то подумают.

– Что началось? – не унимался тот.

– Превращение тебя в нормального человека, поздравляю. Интересно, если гусеницы к концу лета превращаются в бабочек, то в кого превращаются книжные черви к концу летних курортов? Что с тобой будет? – Мони покачал головой.

Прокл сел на место:

– Ты очень проницателен, Мони… – начал было он, смягчившись, но, вдруг оборвав мирное вступление, строго произнес: – зачем тебе все это?

– Брось, Прокл, мы здесь еще два дня, можно было бы что-нибудь склеить, это же отдых, в конце концов! Скоро любимые стены института опять накинут на тебя цепи серьезной учебы…

– Склеить? А зачем? Да и как потом?..

– Ну… Не навсегда же…

– А что, если я хочу навсегда! – молодой человек выговорил это с такой горячностью, с такой душевной страстью, что сидящий с ними за одним столом осанистый старик как-то странно улыбнулся на его слова. Однако, увлеченные предметом обсуждения, приятели ничего не замечали. Они еще долго продолжали разговор, походивший скорее на спор, нежели на мирную беседу.

– Устарел ты со своими принципами, друг мой. Мечтаешь все… –вздохнул Мони.

– Пусть так, – согласился Прокл.

–Но так – плохо, так никто не живет.

– Ты живешь.

– Я? Нет!

– Ты лишь притворяешься, что нет. По сути, ты тоже...

– Ложь! – В ярко-синих глазах Мони прыгало раздражение. – Это я-то устарел?

– Ладно, лгу, – Прокл пожал плечами, – когда решишься признать это, я буду рядом.

Чья-то нежная рука легким движением, будто она и вовсе никому не принадлежала, являясь самостоятельной формой жизни, мелькнула над салфетницей, как коршун в небе, и, захватив с собой бумажную жертву, исчезла, подобно виденью в бреду.

Мони передернуло, он потер глаза и произнес дрогнувшим голосом:

– Что-то в глазах рябит… А ведь это все ты, со своим светом в конце тоннеля…

– Пошли на пляж? – примирительно предложил Прокл.

– Пошли.

Внезапный поток воздуха, незаметно проникший под скатерть, в сочетании с резким движением одновременно встающих людей, заставил стеклянный бокал задрожать. Секунду спустя, после неуклюжего вращения, он все же упал на пол, пролив остатки красного вина.

– Вот ведь… На полу лишь маленькая капля… Все остальное на мне. Официант, сюда, здесь нужно убрать!

– Тише, Мони, какой официант? Оглянись, все давно уже ушли, одни мы стоим здесь, как пред содеянным только что преступлением.

Мони огляделся: ни соседа за столиком, ни вообще кого бы то ни было.

– Видишь? – Проклу показалось, что время, еще недавно бурлившее в лице разномастной публики, теперь замерло. – Пошли отсюда поскорее.

– Дай возьму хотя бы салфеток, что ли, попробую оттереть пятна, – произнес Мони, обиженно глядя на себя.

Вымощенная дорога лениво тянулась впереди, то и дело сворачивая к ароматным кафешкам с веселящими напитками и шумными посетителями, и обрывалась лишь у самого пляжа.

– Знаешь, Мони… – Прокл рассеянно смотрел перед собой.

– А-а-а…

– Что я подумал…

– У-у-у… – Мони, по всей видимости, занимало в этот момент нечто поважнее соображений друга.

– Этот разбившийся бокал подобен человеческой жизни. Она вся в осколках, нет ничего цельного, и весь ее смысл только и заключается в том, чтобы из острых мельчайших частиц собрать искусный витраж. А вино, Мони, это не вино, а кровь от порезов.

– У меня вид неопрятный! Надо было все-таки зайти в номер, переодеться. Так что ты там говорил? Вот мы и пришли. – Мони с любопытством огляделся. – Ой, там твой… твой предмет воздыхания. Пойдем?

– Ты же мне поможешь познакомиться? Ведь так?

– Как же, жди. Чтобы первый раз в жизни тебе понравилась девушка и вдруг запала на твоего друга! Ты меня видел? – Мони гордо посмотрел на Прокла.

– Да, – неуверенно произнес тот.

– И что ты думаешь?

– Половина человечества по тебе запросто сойдет с ума.

– Так, – одобрительно кивнул Мони. – Завидуешь?

– Нет. – Прокл вздохнул.

– Ты на нее неправильно смотришь. Бери пример с меня. – Мони запрокинул голову. Его будто и впрямь переплетенные золотом волосы рассыпались по спине. Ярко-синие глаза, тщетно старающиеся напустить на себя важность, попытались заглянуть куда-то за пределы безупречно ясного неба, куда-то за границы человеческой фантазии.

– Какая манерность, друг мой. Я и не подозревал в тебе артиста, – искренне удивился Прокл.

– Работа в театре неприбыльна, – отрезал Мони. – Вот красота! – Он вдруг что-то увидел. – Прокл, иди за мной. – Мони полетел куда-то вглубь полосатых тентов, мелькая между посетителями прибрежного кафе.

Прокл медленно пошел за ним.

– Мони, – с упреком произнес он, обнаружив друга, расположившегося за одним из столиков. – Зачем мы здесь? – Прокл сел напротив.

– Меня мучает жажда. – многозначительно пояснил Мони. – За моей спиной, правее, – опытно скоординировал он.

Мони неотрывно косился на миловидную блондинку в отчаянно откровенном купальнике. Широкие поля ее шляпки кидали густую тень на молодое тело, будто стыдясь за тщательно обдуманную наготу коварной владелицы.

Прокл посмотрел и с улыбкой отвернулся.

– Чем не чудо? – недоверчиво спросил Мони. – Какая спокойная серьезность. Кажется, в твоем вкусе?

– Очередное заблуждение, Мони.

– Что? – раздраженно поинтересовался тот.

– Спокойная серьезность, говоришь? Внимательней приглядись. И это ты называешь красотой? Забавно. Пересядь, а то глаза испортишь.

– Не понял. О-о… Должно быть, это твое художественное мышление, – с иронией догадался Мони, – но ей-богу, чего тут забавного? Открой мои пока не испорченные глаза.

– Смотри, – добродушно начал Прокл, – она застыла в позе невинной девы, хоть картину пиши, сети расставлены, Мони. Слегка опершись на локоть, она делает вид, что увлечена чтением книги: смятение в глазах, наворачивающиеся слезы прекрасно гармонируют с мягким загаром. А дрожащие на ветру ресницы? Но одна маленькая оплошность допущена в этой громоздкой лепнине красоты, ты не находишь?

– Нет.

– Маленькая крошка шоколада, прилипшая к тщательно накрашенным губам, выдает всю фальшь. Ведь искусство, как не старайся, подделать нельзя.

Мони перевел упоенно скошенные глаза с блондинки на друга и стал нехотя прислушиваться к его словам. А тот, казалось, в потоке едва оформившегося в речь сознания уже был сильно увлечен: Прокл выстраивал теоремы и тут же доказывал их с помощью формул простого человеческого счастья, в которых для него не было ни одной неизвестной. Мони забыл о девушке, о ее обнаженной красоте, он смотрел на своего друга и думал: «…Как хорошо, что кому-то дан талант раскрывать людям глаза».

– …И вот тогда мы видим, что ресницы накладные, и дрожат они вовсе не от ветра, а под тяжестью переложенной туши. Сколько усилий надо, чтоб их удержать, я ей искренне сочувствую! А нежный цвет волос лишь видимость, они покрашены. И что? Куда делся твой недоступный айсберг? Растаял, обнажив уродливость души. – Прокл пожал плечами. В его карих глазах была грусть.

– Да ну тебя. Как всегда. – Мони махнул рукой.

– Схожу за соком, – на той же меланхолической волне произнес Прокл и, не дождавшись ответа, растворился в толпе.

– Постой, Прокл! – заторможенно сообразил Мони.

Недоступный айсберг, словно почуяв неладное, попытался исправить положение. И растянув аппетитную улыбку, медленно начал таять, позволив себе шевелиться – шоколадная крошка облегченно упала с губ, но поздно: внимание Мони было сосредоточено уже на другом. Он недовольно оценивал винные пятна, которые продолжали наносить урон его изысканной внешности. Досадуя на обстоятельства, Мони вытащил из кармана несколько салфеток и стал перебирать их в пальцах, как вдруг заметил: на одной из них было что-то написано. Он поднес салфетку к глазам:

«Пляж. Семь вечера сегодняшнего дня».

Витиеватый почерк тонул в собственной загадке, разгадать которую мог только его обладатель. По телу Мони пронеслись табуны нервного озноба. Упершись взглядом в ясное небо, по которому были небрежно развешены, как белье на сушильной веревке, клочки облаков, Мони выдохнул и во второй раз прочитал загадочное послание.

– О! –воскликнул он. –Мне назначили свидание? Кто она, эта прекрасная незнакомка?

Кафе заполнила веселая компания туристов, немедленно принявшихся что-то бурно обсуждать. Прокл подошел незаметно. Подобно наивному ребенку, заглядывающему в калейдоскоп, он с непритворным любопытством заглянул в бегающие глаза Мони:

– Отсутствуешь?

– С кем мы сегодня сидели за завтраком? – монотонно поинтересовался Мони.

– С кем-то, не помню. Там вообще было много людей… Держи, – ответил Прокл, поставив холодный напиток перед Мони.

– А точнее?

– Что? Не слышу, тут так оживленно… – Прокл повел рукой вокруг.

– Вижу. – Мони вздохнул. – Тут так каждый день. Сегодня похоже на вчера, а вчера – на завтра. Словно бы кто-то каждую ночь снимает копию с оригинала…

– Что? – Не понял Прокл. – Не слышу.

Мони опять вздохнул, на этот раз глубокомысленнее.

– Может это просто жажда? – Он сделал пару больших глотков. – Точно. Значит, ты не помнишь…

– Не помню о чем? – наконец расслышав друга, осведомился Прокл.

– Так… – Мони пожал плечами. – Сегодня я пойду с тобой встречать твой прекрасный закат.

– Зачем это? … – недоуменно спросил Прокл. –Ты заболел?

– Ну почему сразу… – Мони не находил, что ответить и лишь улыбнулся, полный каких-то таинственных мыслей.

Весь остальной день он пребывал в таком загадочно-задумчивом состоянии, что Прокл решил идти встречать закат один. Однако, когда он собрался уходить, бросив официальное «доброго вечера», Мони с не свойственным ему отчаяньем в голосе завопил:

– Ты куда? А я как же?

– Я думал… – смутился Прокл.

– Мало ли, что ты думал! я что тебе сказал? – кричал Мони.

– Не вижу причин так нервничать… – Прокл развел руками.

– Ну так ты попросту ослеп! Впрочем, это не твоя вина. Пошли, прозреешь по дороге. – Мони пронесся мимо удивленного Прокла и рванул входную дверь на себя с такой безумной силой, что та чуть не слетела с петель. Прокл вовремя отшатнулся.

– Что-то не пойму… Ты спятил? По какому телефону у нас неотложная психиатрическая помощь?

Вопрос улетел в пустоту. Не сказав ни слова, Мони уже спускался вниз по лестнице.

Всю дорогу до пляжа друзья шли молча, думая каждый о своем. Наконец Мони проговорил:

– Где же твоя закатная красота?

Прокл поднял голову:

– Туман, видимо…

На изможденном вечностью вечернем небе, будто захлебнувшись в серо-голубом воске, едва заметно тлел равнодушный закат.

– Наверное, он испугался другой красоты? – смущенно предположил Прокл.

Мони осторожно посмотрел на друга.

– Не думал я, что закат встречать должно в столь красочном образе соблазнителя. – Пояснил тот.

– А-а, может, я просто забыл переодеться?

– После обычного ужина? Может, Мони, – шутливый тон Прокла не разрядил напряжения. Мони озирался по сторонам, как молодой монарх, только получивший в наследство престол и власть. Он еще не знает, что может ожидать его в дальнейшем, но врожденная сила самоуважения уже управляет им, подсказывая верные решения. Прокл невольно вздрогнул: впервые ему доводилось видеть лицо своего друга таким загадочным.

– Ты кого-то ждешь, Мони? – тихо спросил он.

– Вот ты говоришь о красоте… – произнес Мони совсем некстати, – …о, если бы ты знал, мой добрый друг, как бы я хотел лишиться этой красоты, на которую смотрят здесь лишь с позиций охотника. Ненавижу!

Они разошлись на мгновение, обходя раскидистое дерево, величественно расположившееся прямо посередине дороги. Мони проворчал что-то невнятное, затем опять поймал волну доступной речи:

– Заманят в чащу, наведут на капкан, а потом, потом… – Последние слова его звучали тихо.

– Что, жертвой себя считаешь?

– Конечно, не будет жертв, не станет и охотников. Красота перестанет пользоваться спросом и померкнет. Ее не удастся продать жадной до молодости страсти, и рынок жизни не получит прибыль от еще одной угасшей чистой души. Красота уже подразумевает в себе продажность.

– Нет! Красота бесценна! – Словно защищаясь, резким жестом Прокл отстранил от себя голос Мони.

– Брось, чем вещь бесценнее, тем выше у нее цена! А если красота перестанет продаваться? – не слушая возражений, продолжал Мони взволнованно. – …Ее перестанут покупать, она окажется ненужной, ей найдут дешевую замену, и красота умрет, а вместе с ней умрет и…

– Ну, давай теперь будем рассуждать о продажности любви. – Прокл смотрел на Мони удивленными глазами, пытаясь угадать причину его столь странного возбуждения. – Хотя, ты, наверное, прав, – прошептал он. –Да, ты прав… – Прокла опять посетило чувство остановки времени, что он впервые ощутил сегодня за завтраком. – Кругом обман. – Он подошел к дремавшему морю, и ударил ногой по воде. – Я думал, это зеркало вечной природы, но я ошибся, оно разбилось, как обыкновенное земное притворство…

– Прокл? – позвал Мони, но тот не откликнулся. Он шел медленными шагами по берегу. Глаза его были закрыты. Темные волосы скрывали природно-мертвенную бледность кожи, словно боясь выдать ложные признаки смерти.

Мони быстро поравнялся с ним. Беззакатная темнота окутала их плотнее.

– С юных лет меня мучила эта болезнь, эта страсть к природной красоте, – тихо начал Прокл. – Эти ежедневные картины рассвета, заката, я не могу без них. Солнце, Луна, море – мои божества. Вся эта невероятная красота не вмещается в простую человеческую душу и из-за того только причиняет боль… – Прокл говорил сбивчиво. – Ею нельзя воспользоваться, нельзя забрать себе, украсть, спрятать и хранить, подобно сокровищу. Я до сих пор, как зачарованный, смотрю на нее, но не получаю ни одной искры счастья. Может, того и нет вовсе, а есть одна только боль. И я болен буду, если не подниму глаза на небо за день хотя бы раз…

– Чего ты шепчешь? – Перебил Мони. – Я все равно слышу. – Он хмуро улыбнулся.

– Ты сейчас говорил о людской красоте, – продолжал Прокл, не отвечая, – однако эту красоту я не считаю за ценность, потому что она безумно опошлена ее носителями – людьми. Я давно для себя решил, что в нашем мире возможно доверять лишь природному естеству.

– Природа и человек неотделимы друг от друга… – начал было Мони.

– Разумеется, – согласился Прокл. Он стал говорить громче, выговаривая слова с несвойственной ему резкостью.

– Но так как же ты после этого можешь противопоставлять природную красоту человеческой? Хочешь обезопасить себя от зла, отделившись от людей? Это вряд ли… Как ты понимаешь природное естество? Это же абстракция. Красота, природная или человеческая, – одно. Ведь, согласись, и та и другая в наше время продается. Можно заплатить и получить женщину, можно заплатить и получить кусок земли с душистым садом или лесом. Вырубить лес и уничтожить сад, обесчестить женщину, украв у мира еще одну частицу праведного стыда, чистоты, – это одно и то же, Прокл.

– Как ты невнимателен, друг мой, – голос Прокла опять влился в привычное русло тихой речи. – Я недаром прежде говорил о пошлости именно человеческой. Красота ведь несознательна. Лишь человек, слышишь, мог настолько унизить себя, что произнес во всеуслышание цену себе. И я говорю сейчас не только о падших женщинах, но и о браках по расчету, и…

– Ясно, – нервно перебил Мони. На счету его молодой жизни каким-то образом уже были два совершенно нелепых, неудачных брака. Правда, с чистосердечными предложениями рук, колец, вилл и даже одной из фешенебельных квартир, а затем с таким же чистосердечным раскаяньем и отводом этих самых рук от предложенного ранее добра. Мони не любил касаться своих браков, да и, наверное, браков вообще.

– Я не хотел тебя расстраивать, просто тема эта… – голос Прокла дрогнул.

– Просто тема эта зашла туда, куда ей заходить не следовало.

– Брось, Мони, не паникуй, встретишь принцессу богаче тебя вдвое и будешь счастлив. – Прокл постарался улыбнуться.

– Ага. А через день, лежа на диване, обтянутом тигровой шкурой, свадебном подарке новоиспеченных щедрых родственников… – Мони погладил руками воздух, словно дорогую обивку дивана и усмехнулся, – …почувствуешь в себе симптомы действия сильнейшего яда, и только тогда поймешь, что она хотела лишь утроить свое богатство, воспользовавшись вдовством по причине прилежно умершего мужа. Поверь, все это прекрасно мне известно. – Мони отмахнулся, будто бы прогоняя назойливое насекомое.

– Прости, прости, – миротворчески затараторил Прокл.

– Итак, – продолжал Мони, не принимая извинений, – мы говорили о природной красоте, и я умру на этом месте, если ты не дашь сейчас волю своей красноречивой исповеди и не отпустишь мне очередную порцию мудрости.

Прокл вздохнул:

– Безмолвие природной красоты увлекло меня. Я начал фантазировать, очеловечивать природу: в весеннем небе, в нагромождениях облаков мне виделись ее зашифрованные послания, в листве деревьев я различал ее голос, говорил с ней в грозу. И знаешь, мне казалось…

– Что?

– Казалось, что она отвечает мне.

– Ну ты и псих. Всему есть предел! – Когда у Мони не хватало терпения, он начинал рычать.

– Не перебивай. Тогда с помощью воображения я еще мог бороться с мучительной своей болезнью. Тогда еще мог…

– А сейчас? – Мони с интересом следил за другом.

– Однажды мне приснился сон: я умер, я лежал в гробу, вокруг меня никто не плакал. Над головой светило солнце, да так сильно, что мне даже стало страшно, небо было очень ясно, чуть заметно по нему ползли белые медведи с окровавленными пастями.

– Что?

– Да-да. Хищные облака. В чертах любимого неба я вдруг увидел безобразную гримасу. Небо хохотало надо мной, дразня своей вечностью. Откуда-то доносились голоса птиц, складывающихся в один мотив мрачной похоронной баллады. Голоса моих птиц. Казалось, все живое безумно радовалось моей смерти. Я закричал… и очнулся уже на этом свете.

– Опять заснул за учебой, за одной из своих умных книг? – Мони пытался перешутить серьезную откровенность друга. – Говорил я тебе, надо больше отдыхать.

– С тех пор я в это не верю. Да, я по-прежнему болен, но теперь от болезни своей я жду только излечения, только. А где мое счастье…

– Где? – прорычал Мони. – Я скажу тебе, где. Таится в тени от сумасшедших бредней, вот где оно! Твоя безумная фантазия, будь она… тебя же и завела в тупик. С таким диагнозом тебе не на курорты, тебе…

– А сказки, Мони? Неужели жизнь не может быть сказкой?

– Извечный вопрос. Надеюсь, ты не воображаешь себя первым из тех, кто его задал?

– Какая разница, кто первый… – Прокл рассеянно смотрел перед собой. – На этот вопрос нужен ответ.

– Что ж, изволь, – проговорил Мони с видом мудреца. – Сказка, по-твоему, не притворство? Сказка – это пародия на жизнь, а те, кто живут ими, еще более артисты, чем мы с тобой. Они выдумывают свои пьесы, пишут по ним сценарии, и начинают играть, искренне веря, что живут.

– Ты не прав, – перебил Прокл взволнованно, – да, сказка – это один из вариантов жизни, но выбираешь ты его осознанно, так как подхода к этой самой жизни не находишь. И пусть тогда в твоем судьбоносном сне нет ничего, кроме иллюзий и обмана – ты счастлив, и, что самое интересное, Мони, ты жив.

– Вот как. И твоя любовь – та же иллюзия? Выходит, что и ее ты выбираешь осознанно?

Прокл не хотел или не знал, как ответить, и промолчал.

– Фантазии, сказки… Мне кажется, заблудился ты в дебрях размышлений. Раз ты считаешь, что сказка необходима, как некое экологически чистое топливо жизни, почему тогда все не выбирают сказку, а пользуются вредоносной реальностью? Не отвечай, я сам отвечу. А потому, мой упрямый философ, что варианты твои неравнозначны, и сказка не может сопоставляться с жизнью, тем более, не может ее заменить. Ведь тогда получается, что все это… – Мони повел рукой – …лишь игра. Представь, что мы, люди, – фигуры на развернутой карте жизни. Кубик – это судьба, игроки…

– Стой! Разве смеют фигуры рассуждать о тех, кто их переставляет? Жизнь – игра? Извечный вопрос. Надеюсь, ты не воображаешь себя первым из тех, кто его задал? – Прокл мрачно усмехнулся, возвратив Мони его недавнюю шутку. – Вот послушай, что я тебе расскажу. Это история о дикой хладнокровной красоте началась…

Буравя глазами темноту, Прокл принялся разливать настойку драгоценных мыслей по пустым бокалам чуть слышных, глухо рождавшихся слов. И всему миру казалось, что голос говорившего доносился не то из просторной груди его, где частыми, громкими шагами прохаживалось сердце, не то откуда-то сверху, с остывающего черного неба. В мягком свете от ночного светила губы его едва шевелились

Глава 2
День второй

Ксерокопия

Новый день расплескал голубую свежесть рассвета. Тихие волны накатывали на песчаный берег. Сонная рыба, сверкая чешуйчатой плотью, блуждала в водных потоках. Цветные ракушки, вынесенные на берег, как предмет хвастовства хозяйки морских глубин, переливались сочными красками. Когда же солнце, осторожно взобравшись на небо, начало овладевать просторами воздушного пространства, море превратилось в огромное зеркало. Радуясь чести, ежедневно выпадавшей на его долю, оно принялось ловить каждое отражение небес.

Прокл уже долго о чем-то рассказывал, а Мони так же долго слушал, идя с ним рядом, нога в ногу, и не произнося ни слова.

– Итак, в этот божественный край, в эту святую тишину величественной природы вторгся он, – рассказчик несколько мгновений подарил торжественной паузе, затем продолжал, – …его высочество Дьявольская красота. С кривой усмешкой на бледных губах он подошел к спящему морю и со всей силой гневливой своей души бросил в воду камень. Пробив отполированную гладь, тот исчез в глубине. Все содрогнулось и на секунду замерло. – Прокл замолчал, меряя ровными шагами морской берег. Его темные волосы шевелил ветер. – …Несколько мягких кругов расплылись в стороны, но затем поверхность опять стала гладкой. Было тихо. Так тихо, что слышалось, как тяжелый камень разрезает упругие воды. Его высочеству казалось, что он сам превратился в этот камень и падает стремительно, и больно ему, и страшно: слоистые волны резких контрастов пронизывали все его существо, подобно ножам с грубо заточенными лезвиями – холод, тепло, снова холод. Камень упал, глухо ударившись о дно, вихрем поднялся возмущенный ил. Не помня себя, его высочество упал на колени. Холодная волна сильной пощечиной накрыла дерзкого принца. Она разбилась на сотни осколков, причинив нечеловеческую боль. Когда же волна отступила, глазам его открылось необыкновенное зрелище: из самой глубины яркого земного неба, из самой его толщи скакал серый конь, искуснейшее творение, чудо природы. Казалось, он летел на невидимых крыльях. Блестящие копыта едва касались водной глади. Движимый внезапным желаньем, принц тьмы вскочил на загадочное существо, вцепившись в его влажную гриву. Грациозное животное, почуяв на себе седока, рванулось изо всех сил, устремившись в морскую пучину, и вскоре волны поглотили их обоих. – Прокл вздохнул.

– Келпи, – произнес Мони с мрачной серьезностью, – морские призраки, священные животные, уносившие людей в свои подводные царства. Я читал об этом, когда увлекался мифологией.

– Мифологией? Ты?

– Его так и не нашли… – Мони не услышал вопроса. – Вскоре принц тьмы исчез и с портрета, который был сделан в тот день.

– …Однажды молодая красота с безумным пламенем волны играть решила, но виноватая жестокость тайны водной глубины ее бездушно поглотила. – проговорил Прокл.

Мони задумался:

– Перевод явно испортил лирику.

– Ты знаешь, откуда эти строки? – удивился Прокл.

– Конечно. Данные слова были высечены на скале неподалеку от того места, где исчез его высочество принц. Чьей руке принадлежали они, осталось загадкой.

Ночная темнота расходилась неохотно. Рассвет медлил, его одолевал странный туман, точно такой же, что был накануне. Две тени ходили вдоль берега, как верные стражи морского замка.

– Сколько времени? – нахмурился Прокл.

– Почти семь,

– Семь… – повторил Прокл, думая о своем.

– И что же… Загадка? Тайна, которую унесли волны… Миф? Чего бы я ни отдал ради продолжения…– рассуждал Мони.

Прокл не отвечал. Волна разбилась прямо у его ног, капля соленой влаги очутилась на его щеке, но он не заметил.

– Прошу, не впадай в меланхолию, ты и так у нее довольно частый гость. Останешься еще надолго, что я тут без тебя делать буду? – Мони закатил глаза, и вдруг остолбенел: на небесном полотне утра что-то непонятное разъедало туман, словно бы кислота – металл. Прямо над ними образовалось небольшое пятно, будто бы от покрашенной небесной стены отлетел кусок краски. И теперь он, встав на ребро, демонстрировал цветовые решения прошлого.

Мони зажмурился:

– Слишком ярко…

Луч пробудившегося солнца ударил его в голову. Не успел Мони вновь поднять глаза, пятно исчезло, небо снова покрывали непроглядные облака.

– Нет, ты видел? – насторожился Мони. – Что происходит? Сначала эти бестелесные руки за завтраком… потом письма съехавших анонимов, туман, теперь это… – Он тяжело дышал.

– Ты перегрелся или переохладился – одно из двух. Присядь, отдохни, – заботливо предложил Прокл.

– Нет, я видел… – пробормотал Мони. – Там в небе... – Он потер глаза. – Я точно это видел.

– Видел что? – улыбнулся Прокл.

– А-а… – Мони не находил нужных слов.

Друзья прошли еще немного и наткнулись на большой камень.

– Вот и морской трон! – с этими словами Прокл сел на камень, вытянув ноги в прохладный песок. Мони же сесть не успел, и, прокричав во все горло: «Смотри-ка!», указал вперед.

– Забавный у тебя вид, жаль, запечатлеть не могу. Извини, может, ты все-таки сядешь? – тихо смеясь, предложил Прокл.

Мони, не меняя положения, лишь прорычал:

– Ты посмотри!

Прокл посмотрел – и сперва ничего не понял. Им навстречу двигался огненный столб. Переливаясь всевозможными красками, он походил на живой костер, сошедший с наброска фантаста-любителя.

Прокл вскочил с места:

– Пожар?

– Где ты видел такой огонь? – прошептал Мони. – Еще не так светло, да и туман со вчерашнего вечера не разошелся…. Вот нам и грезится все подряд. Да ты еще своими рассказами воображение кому угодно расстроишь... – он умоляюще посмотрел на Прокла.

Тот пожал плечами:

– Вряд ли. Нет. Это не игра воображения.

– Тогда мы оба сошли с ума?

– Это тоже вряд ли.

Радужное сияние приближалось.

– Но если это не воображение, тогда что?

Прокл скрестил руки на груди и принялся вдумчиво смотреть вперед. По мере приближения огненный столб все больше и больше напоминал очертаниями человека:

– Ну вот, не что, а кто?

Пройдя еще несколько шагов, загадочный человек остановился перед ними и тихо произнес, обращаясь прямо к мечущимся глазам Мони:

– Как это вы сказали? «Чего бы я не отдал ради продолжения…»? Забавно. Вы мне сразу понравились. – А вы… – его взгляд перешел на Прокла. – Слезу притворную с щеки смахните

Прокл изумленно посмотрел на Мони. Тот протянул ему шелковый платок.

– Это что, шутка? Кто вы такой? Какие слезы?

– Уймись, Про. И кстати – правую щеку… – Мони договорил жестом.

Прокл болезненно усмехнулся, но немного помедлив, все же решил подчиниться. Он вытер щеку, затем бросил презрительный взгляд на материю:

– Не может быть! – На шелке красовался влажный отпечаток.

– Я попросил вас об этом не для того, чтобы скомпрометировать, но чтобы впредь вы не позволяли случайности искажать ваше лицо. – произнес незнакомец.

Мони посмотрел на него с любопытством:

– …Ваш голос… Он может быть мне знаком?

– Все может быть, – улыбнулся тот.

– Да кто вы такой? – нетерпеливо потребовал ответа Прокл. – Издалека вы казались…

– Издалека все только и может казаться… – перебил незнакомец.

Глаза его, переливаясь перламутровыми оттенками, украшали изрезанное морщинами старческое лицо. Изящные молодые руки в сочетании с длинными, густыми, но седыми волосами придавали портрету таинственности.

– Сколько же вам лет? – сам удивившись своей дерзости, пружиной, отскочившей от языка, почти шепотом проговорил Мони.

Резким движением головы, которые скорее свойственны ветреным кокеткам, нежели почтенным старцам, незнакомец откинул волосы назад и ласково произнес:

– Разве вы любите цифры?

Мони потупился. Цифр он не любил.

– Не важно. – улыбнулся старец. – Вы, господа, не просто так меня встретили, а я не просто так вас выбрал…

От этих слов Мони, сперва пошатнувшись, приземлился на камень.

– Ах, это вы с нами сидели за завтраком… это вы писали… – подобно гордому льву, глухо и гневно прорычав себе под нос еще что-то неразборчивое, он обхватил руками золотоволосую голову.

– Если бы не ваше воображение, Мони, мы бы так и не встретились. – ответил старец.

Мони не слушал, продолжая читать себе нравоучительные речи на языке могучего зверя.

– Простите, но о чем речь? – Прокл переводил взгляд с незнакомца на Мони и обратно.

Мони на секунду вынырнул из своего звериного облика:

– Тебе лучше не знать, Про.

– Не знать, о чем?

– Ни о чем, – Мони опять ударился в угрожающий рык.

– Объяснись, друг мой, – нарочито вежливо попросил Прокл.

– А пусть вот он и объяснит. Да-да. А мы уж вниманием не обделим.

На лице незнакомца опять появилась улыбка. Молодые руки его коснулись губ, препятствуя режущему слух, необычному смеху. Тонкий запахи ванили, корицы и шоколада заплескались в утреннем воздухе.

Прокл дружелюбно потрепал Мони по плечу:

– Неряшлив в мыслях, неряшлив в словах, а мне за тебя извиняться?

Мони бесцеремонно уставился на старца:

–Я считаю, вы должны объясниться.

– Разумеется, – легко согласился незнакомец и жестом пригласил Прокла присесть. –Видите ли, мне с вами во что бы то ни стало встретиться было необходимо, – начал он.

Камень был всего один, и Прокл опустился на него, потеснив упавшего духом Мони:

– Со мной? – растерялся он.

– Да. И… поскольку друг ваш, – незнакомец серьезно посмотрел на Мони, – способен на амбициозные фантазии, не в обиду будет сказано, я прибегнул к древнейшему способу назначать свидания – к письму. И вот вы здесь.

– А вы пунктуальны, – усмехнулся Мони.

– Я не опоздал ни на минуту, – спокойно отвечал незнакомец.

– Ну это, конечно, – Мони посмотрел на часы, – не считая двенадцати часов, ни на минуту.

– Здесь я приношу свои извинения. Я действительно написал «семь вечера», но, признайтесь... – незнакомец смотрел на Мони добрыми глазами, – если бы я написал «семь утра», то вам бы вряд ли пришло в голову то, что во многом поспособствовало нашей встрече.

– Вот как…. –Мони пристыженно замолчал. Этот странный человек рассуждал с неподдельной искренностью, будто бы все, что его окружало: море, песок, небо, проснувшееся солнце, даже они с Проклом, было его неотъемлемой частью, и он не мог причинить ей боль, как не мог, не хотел причинять боль себе.

– Письмо? – Прокл в упор посмотрел на Мони.

– Да какое это письмо? – начал тот, растягивая слова. – Да салфетка салфеткой! – Он сбивался. – Да я и не сразу понял, что там написано вообще: почерк такой мелкий. Вензеля сплошные…

– Ясно, – перебил Прокл, – тут все ясно. Но чем же мы вас могли заинтересовать? – обратился он к незнакомцу.

– Сейчас объясню. Итак, перед вами хранитель любви, добра и благородства – Амур семьсот семьдесят семь.

Мони не выдержал и прыснул от смеха.

Прокл с упреком посмотрел на друга.

– А тебе не подозрительно, – Амур? Я догадался! – Мони быстро наклонился к самому уху Прокла и прошептал, – Он – сумасшедший. Псих.

Мони хотел продолжить эту мысль в найденном им, казалось, верном направлении, но Прокл с негодованием отвернулся.

Амур поймал его взгляд:

– Вы должны мне помочь. Мое время заканчивается, через два дня другой займет мое место, и тогда… – Амур закрыл глаза.

– Что тогда? Говорите, – попросил Прокл.

– Да что с тобой, Про? Старик из ума выживает, и ты туда же, мечтатель двинутый! – нервно перебил Мони.

Амур устало опустился на песок.

– А… Вы об этом? – догадался он, дотронувшись до своего старческого лица юными пальцами. – Так это всего лишь маска, чего ее бояться… – он отдернул руку, и Мони увидел: на месте, где только что пальцы касались кожи, морщины разгладились, румянец проступал на нежном островке молодости. Мони побледнел до кончиков своих изрядно ухоженных ногтей и закрыл глаза. Возникшая тишина была столь величественной, что не допускала ни единого потустороннего звука, едва уступая природе: равномерное дыхание волн и какое-то невыразимо сладкое спокойствие, будто сама гармония снизошла на землю и возложила целебные руки счастья на человеческую душу. Не выдержав этого приторного томления, Прокл тоже закрыл глаза.

– Зачем бояться видимого? – спросил Амур. – Вы, Мони – раб собственной красоты, и поэтому всех вокруг готовы судить по ее меркам, – добавил он.

Глаза Прокла открылись и сверкнули в сторону друга. Мони не возразил Амуру.

– А вот что бывает, когда они оживают, когда оживают маски. Об этом вы знаете?

Прокл и Мони не нашли, что ответить.

– Я расскажу. – Амур еще немного помолчал, затем тихо, едва слышно начал:

– Лес. Это очень старый лес и очень темный. Хоть и состоит он сплошь из белолиственных деревьев, они не придают ему никакого праздничного вида. Черные изогнутые стволы мощными корнями вплетаются в землю. Напротив, создается впечатление, что кто-то очень хорошо посмеялся, сшив сказочные кружева с грубым сукном. Воздух клокочет, сильнее накаляясь, и эта его нервозность передается каждой молекуле всего живого. Предрассветное зарево сочится тоненькой струйкой алой крови. Пахнет цветами, но неприятно – горько. Тяжело распространяется их запах по душному пространству. Может, они забыли, как правильно источать аромат? Забылиза ненадобностью этого мастерства? Забыли оттого, что их красота бесследно потеряна в этой непроглядной тьме?

Кровь от раненого неба начинает высыхать, расширяясь до полыхающей картины рассвета. Языки его пламени беззвучно ворошат белокурую шевелюру угрюмого леса, распространяя вокруг серебристое свечение. Вот уже почти вечность, как это заповедное место не слышит людских шагов, заветной тишины не смеют нарушить праздные голоса, и только им, языкам рассветного пламени, дано право прикасаться к белоснежным кружевам листвы. В этом лесу живет любовь. Вы не ослышались, любовь. Много лет назад, так много, что мы вряд ли вообще можем говорить о том времени, люди, открыв для себя это чувство, буквально не знали, как с ним обращаться. Оно оказалось слишком сложным для них: его необходимо было распознавать, понимать, затем хранить и беречь. Из-за боязни разрушить неосторожным движением невежественной, несовершенной души приходилось трепетать пред его хрупкостью, превозносить его, обожествлять. Как бы там ни было, никому не хотелось подвергать себя испытаниям в погоне за невидимым, неопределенным счастьем. Вот поэтому люди, не найдя любви легкого применения, навсегда изгнали ее из своих каменных сердец. Отвергнутое ими чувство долго скиталось, ища приюта, иногда находило, но ненадолго: любовь прогоняли – нелегко было ужиться с капризным ее нравом. Некогда обожествленная, но свергнутая с пьедестала, она теперь томилась и угасала в черством бездушном мире. И опять дожди, холод, зной. Любовь не видела, не хотела видеть правды. Она истязала себя своим же доверием, перебила крылья, заслоняя своих же изгнанников от неминуемой смерти в злых поединках, ледяных войнах, кровавых разборках. Не желая принимать зло, она хотела всех защитить, спасти. Ничего не прося взамен, она лишь отдавала свои силы, становясь для людей все незаметнее, пока они и вовсе не перестали ее различать.

Будучи осколком огромного чувства, принадлежащего небесам, любовь была заброшена на бесцветную землю для того, чтобы раскрасить лица живущих на ней в оттенки счастливого красного. Но все обернулось против нее. Побившись о берега чужой земли, любовь заставила себя забыть о том, что имеет власть, о том, что эта власть дарует счастье. Она наконец нашла приют в лесу, и стала жить в нем смиренной отшельницей. А люди, думая, что она умерла, поставили ей мраморный памятник.

Между тем любовь взрослела, умнела и перерождалась. Прошло время, и ее уже нельзя было узнать. Кровь ее бурлила и накалялась. И вот однажды из багровой ее накипи родилась идея, хитроумный замысел. Любовь решила отлить для себя семь масок, семь лиц, семь образов, под личинами которых она будет являться людям: маски нежности, сострадания, страсти, ненависти, гордости, презрения и лести. «Люди меня узнают и поймут, какой разной я могу быть, они будут меня ценить, беречь, бояться и почитать», – думала любовь, примеряя остывший воск. «Сначала я не буду от них ничего требовать, а потом, когда они меня узнают, а они несомненно меня узнают, я смогу их спасти, уберечь от зла…» И поначалу все действительно шло именно так, как задумывалось. Любовь оказалась права, люди с радостью принимали новые чувства, они ведь были легки в обращении. Больше всего у них ценилась страсть. Любовь ехидно улыбалась под ее маской. «Глупцы! – думала она. – Я бы дала им все и даже больше, стоило бы им немного постараться! Нет? Ну так получите вашу страсть!» Отчаянье сменялось азартом. Любовь прекрасно справлялась со своими ролями, незаметно сливаясь с выдуманными ею образами. Люди были поистине счастливы: все достижимо, легко. А главное – все правда, нет никакой фальши. Они и не подозревали, что под

маской скрывается настоящее честное, чистое, вечное чувство. Любовь являлась людям под любой из своих личин, и ее принимали с радостью.

Казалось, любовь наконец победила, перехитрив всех. Но разве этого она хотела? Разве об этом мечтала? Осознание своей ошибки повергло ее в отчаяние: «Я никому не нужна! Людям нужна ложь, только она может сделать их счастливыми. Им неважно, что скрывается под маской. Они любят не меня, не меня, а лживую маску!» Сорвав с себя семь уютных покровов, любовь бросила их в пасть рвавшегося ветра. Она закрыла обнаженное лицо руками и, обессиленная, упала в объятия несбывшегося счастья…

С тех пор любовь так и живет в лесу, только попасть туда никому не дано. Иногда она нисходит на землю, да только бывает то очень редко, а когда это случается, мы обычно не узнаем ее, путая с… Вы, наверное, хотите узнать, что случилось с масками? По-моему, несложно догадаться. Людям так понравились новые чувства, что те красочные маски стали ими на самом деле, да вот только они приобрели без любви совсем другой оттенок: лесть превратилась в угодливость, сострадание в жалость, страсть в похоть... Кто ошибся? Кто первым сделал шаг к зияющему обрыву лжи? История – это прошлое, и мы не властны над ним, а вот настоящее… – Амур растерянно посмотрел на своих слушателей.

– Я всегда считал любовь иллюзией, – Мони мрачно улыбнулся. – А тех, кто способен грамотно обращаться с нею – иллюзионистами. Увы, себя к их числу я приписать не могу: опыт доказывает обратное… А вы назвали иллюзию божеством…

– Иллюзия? – переспросил Амур. – Если хотите. Почему, думаете, любовь так легко разрушить, и так сложно удерживать?

– Потому что удерживать нечего, – усмехнулся Мони. – Любви на самом деле не существует, только наше желание, подкрепленное воображением.

– Верно, – согласился Амур. – Вы умнее, чем хотите казаться.

– Нет. Я не хочу казаться: имеющий глаза да увидит. – Мони самодовольно пожал плечами. – Но ответьте, зачем вы назвали любовь божеством?

– Это не я назвал, это сделали люди. И вот иллюзия и стала божеством. Ведь то, чего мы так страстно желаем, всегда обретает форму.

– Это что, принцип любви? – Мони по-прежнему был мрачен.

– Да, согласитесь. Сложно поспорить. Даже к рождению нас изначально подталкивает божественная иллюзия любви.

Прокл, облокотившись на камень, размышлял вполголоса:

– Любовь была божеством…

Амур его расслышал.

– Все верно.

– Но любовь – женщина? – произнес Мони, и сам не понял своей мысли.

– А бог – мужчина? Ну да, а я старик, – улыбнулся Амур.

Мони задумался.

– Обреченные скитаться по земле, люди задыхались в безжизненном пространстве лжи и фальши, умирая в однообразности дней и картин, – продолжал Амур. – Как в гнилое болото затягивали их скука и праздность – прекрасная почва для тех в воске рожденных чувств. Так бы все и пропало. И мир возлюбленных богом людей покрылся бы саваном смерти. Но нет. В помощь любви была создана крылатая свита, вооруженная луками. Частица ее власти стала принадлежать нам. Теперь мы подбирали цвет стыду от скрываемой страсти и награждали кровь вашу огненной температурой душевного томления. В наших руках оказались бьющие без промаха луки. Стрелы их не останавливались, пока не достигали цели. Драгоценной вакциной любви были обрызганы их наконечники. Любви настоящей, не корыстной, но терпеливой и смиренной. – Амур прошелся вдоль берега. – Без нас по жилам вашим так и текла бы бесцветная холодная жидкость. Ни нежности, ни преданности... – он побледнел.

– А вы не привыкли хвастаться, – заметил Прокл, внимательно посмотрев на Амура.

– Вы правы. Мы не заслужили ничего, кроме насмешек и брани. Любовь у вас по-прежнему ассоциируется с бедой, несчастьем, наваждением… Обидно, ведь мы, ведь я старался…

– Вот как? – упавшим голосом прошептал Мони. Он уже был порядком удивлен, и удивляться вновь было сложно.

Амур тяжело вздохнул.

– Нет, вы не сумасшедший, – решил Прокл. – Вы нас избрали, чтобы излить свой гнев на человечество?

– Чтобы спасти человечество, – устало поправил Амур.

– А можно узнать, от чего? – шутливо бросил Мони.

– Зачем? – Амур выглядел не просто уставшим, а постаревшим еще лет на десять. – Вы же не верите мне.

Мони почувствовал укор совести:

–Нет, не верю, но хочу поверить, – сказал он вдруг изменившимся тоном. Часто надеваемая маска комедианта, так не идущая к его лицу, понемногу сползала от фантастической нелепости всего услышанного. – Так от чего вы хотите спасти наш мир?

– От заблуждения, – ответил Амур просто.

– От заблуждения? – думая, что ослышался, переспросил Прокл.

– Наше летоисчисление идет в обратную сторону, нежели ваше. Каждый из нас живет ровно сто одиннадцать лет. Мой номер вам уже известен. Вообразите, что же будет дальше, если уже при мне начали происходить сбои в мировой системе любви?

Мони сдерживался, но недостаточно хорошо. Амур заметил его кривую ухмылку.

– Что? Не получается поверить? – догадался он, разводя руками, и как будто сладкий сироп разлился в воздухе, налетели запахи ванильного сахара и карамели. Умиротворенная реальность стала уютным мирком, за пределами которого теперь было что-то таинственное, тревожное и в то же время сильно влекущее к себе. Голос Амура дрогнул:

– Я уйду, а что после меня останется? Руины?

– Не понимаю, – решил сознаться Прокл.

– Не напрягайся, Про… – посоветовал Мони.

– Я не понимаю, – повторил тот.

– Тогда позвольте с главного, – обратился к нему Амур. – Вы ведь, кажется, влюблены? Я знаю наверняка, что влюблены, не смейте отпираться. Так, да?

– Да, – выдохнул Прокл.

– И если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, она находится недалеко от вас?

Прокл вздрогнул.

Мони обернулся, и увидел юную Шиварис – предмет недельного обожания его друга:

– Она действительно тут, Про. – Он посмотрел на часы. – …Уже начало десятого.

Пляж был полон людей. Отовсюду слышались их возбужденные голоса. Один вид этой разновозрастной толпы привел бессонное сознание Мони в крайний ужас. Он схватился за голову, но лоб, к его сожалению, оказался холодным, драматизировать было не над чем. Тупая тяжесть вдруг разом навалилась на его обессиленное тело: в глазах рябили многочисленные песчинки сна, солнце и пляжный гам утомляли. Мони хотел, но не мог уже оторвать от этой толпы бессмысленный взгляд. Перед ним бушевало море, матросы пытались сдержать непокорную стихию, ядовитое солнце, подобно корабельному штурвалу, крутилось во все стороны. Откуда-то доносилась музыка, диким ритмом неприятно пульсируя в груди. Огромные паруса, которые, если приглядеться внимательней, состояли из цветных полотенец, надувных матрасов, отполированных досок для серфинга и другой атрибутики водного отдыха, рвало свирепым ветром.

– Держи штурвал... – пробормотал Мони и открыл глаза. Прогнав назойливый сон, он стал прислушиваться к разговору его друга с человеком, величавшим себя Амуром. Нить этого разговора была давно им потеряна, однако Мони попытался вникнуть в смысл.

– А я говорю вам, не хочу мир спасать. Я бездарный…

– Художник? – подсказал Амур.

– Если хотите. Еще одна насмешка жизни. Что миру до меня?

– А вам что до мира? Он лишь копирует ваше отношение к себе. Скажите мне только одно, любите ли вы так, что жизнь свою…

– Позвольте, – вмешался Мони, – во-первых, в наше время так не любят, это вам надо было брать путевку в другие века, во-вторых, я все никак не пойму, что вам от нас, простых смертных, нужно? Почему бы вам самому хорошенько не разобраться в своих проблемах?

– Ах, вы проснулись, Мони… – На лице Амура появилась искренняя досада. – Вы, упрямый человек! – обратился он к Проклу. – Слушайте внимательно.

Прокл со вздохом кивнул.

– Я вам многое рассказал, и надеюсь, вы многое поняли. – Амур сделал многозначительную паузу. – Итак, у вас есть два дня, чтобы доказать всему миру, что человеческая любовь была и по сей день остается сильнейшим чувством среди вечных. Если вы через два дня не представите доказательство истинной любви, то есть согласие вашей избранницы на церемонию венчания, то мир будет обречен. Вы меня поняли?

– Да, – ответил Прокл.

– Вы согласны?

– Согласен.

– Тогда сегодня в семь вы назначаете ей свидание на этом же месте.

– Но…

– У нашего ничтожного времени нет такого слова. – Амур бесшумно поднялся и легким поклоном головы обозначил минуту прощания. Прокл поклонился в ответ, и Амур исчез.

– Ну что ж, романтический мой волонтер, добродушный доброволец… – Мони, незаметно приблизившись, ударил Прокла по плечу. – Поздравляю тебя с заманчивым мероприятием, в которое ты ввязался, как шерстяной узел в шелковое плетение. Теперь потрудись мне все объяснить.

– Мони, – обернулся на него Прокл. –Что мне тебе объяснять? Я разумею столько же, сколько и ты…

– Да, но я не давал ему никаких обещаний.

– Верно, а я лишь обязался пригласить девушку на свидание, вот и все.

– Не уверен, что все. Впрочем, ты собираешься это исполнить?

–А как по-твоему? Я же сказал свое «да» этому… – Прокл замялся.

– Сумасшедшему, – договорил Мони.

– Сумасшедший он или нет, а мы должны ему помочь.

– Под каким углом мне посмотреть, чтобы увидеть причину столь серьезной перемены в твоем настроении?

– Мони, перестань язвить.

– Вот что, пойдем в кафе и обсудим все произошедшее, – предложил Мони:

Прокл взглянул на часы. Стрелки указывали полдень.

– Да… – произнес он задумчиво и направился вслед за Мони, уже летевшим по дороге в кафе.

Глава 3

Обещание

Дорога до кафе показалась Проклу мучительно длинной.

– Что тебе заказать? – спросил он, когда они наконец подошли и сели за столик.

– Как обычно… – Мони пожал плечами. – А, впрочем, постой. Ты лучше посиди, я схожу, пока чего еще не вышло.

– То есть? – не понял Прокл.

– То есть не хочу оставаться наедине с собой.

В ответ Прокл многозначительно покачал головой:

Мони исчез.

Прокл сосредоточенно принялся разглядывать предметы, стоявшие на столе. Недавние события: встреча с Амуром, их разговор, данное обещание – сильно затрагивали его впечатлительную натуру, и Прокл не мог заставить себя перестать думать об этом.

– Я вернулся! – Мони улыбался.

– Я вижу. – Взгляд Прокла бессмысленно блуждал по солонке, то и дело спотыкаясь и проваливаясь в бесчисленные дырочки.

– Я хотел взять тебе то же, что и себе…

– Что ж, – Прокл кивнул, – однако я не переношу спиртного.

– Я знаю, поэтому я взял тебе кофе, ты не против? Выпьем по крепкому напитку и начнем разбираться в утреннем кошмаре.

Мони поставил перед Проклом чашку ароматного кофе; свой же крепкий напиток, содержащийся в широкой рюмке на изогнутой ножке, он, обхватив двумя пальцами, прежде торжественно поднял, словно собираясь сказать тост, и лишь потом опустил на стол.

– Неплохая мысль, – согласился Прокл.

– Я тоже так думаю.

Оба помолчали.

– Когда тебе… – начал Мони.

– В семь, – произнес Прокл голосом приговоренного к смерти и, удивившись своему настроению, принужденно рассмеялся.

Осушив рюмку, Мони пристально посмотрел на друга.

– Кофе невкусный. – невпопад заметил тот.

– Ага. Времени у нас не так много, – рассудил Мони, вставая из-за стола.

– Времени на что?

– На то, чтобы привести тебя во внешний и внутренний порядок. Пошли. – И, договорив последние слова уже в дверях уютного кафе, Мони вышел.

– Постой, Мони! – Допив невкусный кофе, Прокл вылетел вслед за ним. – Куда ты это так заторопился?

– Я? Я направляюсь в магазин стильной одежды, лучший на всем побережье.

Прокл посмотрел на него с удивлением:

– Зачем?

– Ничего-то ты не понимаешь, друг мой.

– Не понимаю? Мони, я не нуждаюсь…

– Еще как нуждаешься! Не отпускать же мне тебя на свидание в пляжном трико?

– А тебе не кажется, что начинать надо было не с этого?

– Может быть, – согласился Мони, – но это – потом.

Прокл развел руками:

– Потом, да?..

Через некоторое время они подошли к магазину с длинной витриной, в которой стояли разодетые манекены с равнодушными лицами.

– Ну, проходи. – Мони широким жестом распахнул стеклянные двери перед Проклом.

Они очутились в прекрасной комнате с розовой обивкой на стенах.

– Что желаете? – вышла им навстречу смуглая красавица в форме такого же цвета.

Мони загадочно посмотрел на нее и строго произнес:

– Нам нужен необыкновенный костюм вот на этого юношу, – он указал на Прокла.

Тот замялся, прошептав чуть слышно:

– Я себя неуютно чувствую в подобных местах…

Розовая девушка улыбнулась и пригласила их последовать за собой.

Мони вопросительно посмотрел на друга.

– Я не привык… – начал было Прокл.

– Так тебя никто не просит привыкать! – перебил Мони. Он хотел было что-то добавить, но тут к ним обратилась розовая девушка:

– Какие вы предпочитаете цвета?

Прокл задумался. Мони опередил его медлительные мысли:

– Самые модные в этом сезоне, – ответил он с деловитой улыбкой.

– Тогда я вам предложу следующее: цвет «черный пепел», чрезвычайно модный этим летом… – девушка достала из нагрудного кармана лоскуток и протянула его Проклу. – Цвет ржавого золота, малинового затмения и пурпурной нежности. – Кусочки тканей посыпались из ее тоненькой ручки в руки растерянного Прокла. – Что вам по вкусу?

Мони, посмотрев на сжатые губы приятеля, не собиравшиеся повествовать о предпочтениях, понял: пора окончательно забрать инициативу себе:

– Ну, нежность и затмение – это никуда не годится, а вот пепел и золото, пожалуй, стоит рассмотреть на примерах.

– Что ж, тогда переходим к костюмам. – Розовая кокетка потянула за непонятно откуда взявшийся шнурок, и тут поднялся занавес, казавшийся до сих пор недвижимой стеной. Глазам открылся освещенный сотнями мельчайших лампочек длинный коридор. Он сплошь был заполнен витринами с одеждой.

– На данный момент в этих цветах выполнены всего две модели, – продолжала девушка. – Но, если вы согласны ждать, мы работаем и под заказ.

– Нет, нет, – возразил Мони. –Наше время ждать не согласно.

– Тогда вас должны интересовать модели под номерами четырнадцать и двадцать один. В нашем магазине есть все размеры. Я пока покину вас, – произнесла девушка, не торопясь, и соблазнительной походкой пройдя мимо Мони, удалилась в розовые недра магазина. Мони раздраженно отвернулся:

– Пойдем, посмотрим.

– Угу. – кивнул Прокл.

Они прошли по освещенному коридору в заданном направлении и остановились перед нужными цифрами.

– Я думаю, этот подойдет, – решил Прокл, глядя на один из костюмов.

– Уважаю твой вкус. Эдакая ложная скромность, мне еще прежде название цвета понравилось.

– Однако мне никогда не шли солнечные оттенки, такое больше подходит твоей львиной гриве.

– Перестань, твоя бледность может смутить кого угодно. Не хотелось бы, чтобы Шиварис думала о тебе, как о ненормальном с диагнозом летального малокровия, поставившем себе задачей

исполнить последнее желание: обрести вечную любовь на несколько дней. Где этот розовый фламинго, я покупаю.

– Упорхнул куда-то… Постой, Мони, у меня вопрос, а это все нам по карманам?

– Прокл, не раздражай меня. Еще месяц, и я пойду топиться от зажиточной жизни, а знаешь, что я повешу на шею вместо камня? Сундук с моими неизрасходованными средствами.

В дверях показалась фигура в розовом. Правда Мони не заметил на ней прежнего лица, это была совсем другая девушка.

– Вы что-то выбрали? – произнесла она сладко.

– Их тут целый выводок… – чуть слышно прошумел Мони на ухо другу, от чего тот заметно смутился.

– Вы уже сделали свой выбор, молодые люди? – переспросил опытный фламинго, обученный ладить как с неразговорчивыми снобами, так и с развязными их отпрысками.

– Да, мы выбрали модель под номером двадцать один, – Мони выпрямился и блеснул ярко-синими глазами в сторону девушки.

Та осталась вежливо-равнодушной:

– Хорошо, пройдемте в следующую комнату.

– Вот что, друг мой, иди, подыши свежестью моря, я займусь чековой волокитой.

Прокл согласно кивнул и вышел из магазина. Пройдя несколько шагов, он вдруг увидел в открытых дверях женского отдела Шиварис. Она стояла, окруженная молодыми людьми в форме салатового цвета, которые держали многочисленные стопки квадратных коробок. По всей видимости, это был обслуживающий персонал женского отдела. По лицам салатовых юношей ползли слащавые улыбки гостеприимства и крайней нежности к богатым клиентам, прямо как у розовых леди в мужском отделе. Сердце Прокла мощными ударами начало ломать грудную клетку, руки задрожали. Солнце светило изо всех немыслимых сил. Жадные лучи его слизывали влагу с прибрежного ветра, высушивая тот совершенно. Прокл прислонился к стене, чтобы успокоиться, и, набрав в легкие сухого воздуха, немедленно пошел вымаливать удачу у судьбы. Он дождался, пока девушка, перебрав все варианты соломенных шляпок, наконец выбрала себе головной убор по вкусу, и только когда она перешагнула порог магазина, робко окликнул:

– Шиварис?

– Да? – Голос у Шиварис был нежным. – Откуда вы знаете мое имя?

– Мы вместе заполняли анкету постояльцев отеля, – отрапортовал Прокл.

– Да, верно, я помню вас.

– Помните? – В глазах молодого человека заискрило.

– Знаете, я давно наблюдаю за вами и вашим спутником. Вы, признаться, любопытная пара, – она игриво подмигнула Проклу.

– Что? – смутился тот. – О, нет. Поспешу вывести вас из заблуждения, мы не пара, всего лишь друзья…

– О-о-о, – на лице Шиварис показалось очаровательное смущение.

– Я… –Прокл откашлялся. –Можно начать с главного?

– Скорее, продолжить. Конечно, – не пытаясь скрыть любопытства, произнесла девушка.

– Позвольте пригласить вас на… – он замялся.

В этот момент в дверях мужского отдела показался Мони с важной покупкой в руках. Заметив друга в удачной компании, он, состроив удивленно-радостную гримасу, угрожающе блеснул своими магическими глазами.

– …Пригласить вас на свидание, – оправился Прокл. – Сегодня в семь вечера. Прибрежное кафе, приходите. Я уверяю, это ничем вас не обяжет.

– Кафе? – растерянно переспросила девушка.

– Да… Мое предложение звучит слишком просто? Вы, должно быть, привыкли к другому…

– Привыкла. Но говорят, привычки украшают редко.

Прокл задумался над последней фразой.

– Я согласна. – произнесла Шиварис загадочно, и, улыбнувшись, исчезла в толпе незнакомых людей.

Мони бросился навстречу другу:

– Да ты молодец! Я всегда в тебя верил, и, как видно, не зря.

– Голова кружится, – тихо произнес Прокл.

– Да ну? – усмехнулся Мони

Все время до обеда Прокл и Мони провели в безумном волнении. Примерка костюма последнего привела в восторг. Он носился вокруг Прокла, как ученый над своим изобретением, то и дело находя изъяны во внешнем облике друга, и любезно исправлял их:

– Знаешь, я ведь целый год работал модельным гением в фирме друзей моего отца.

– Да? – удивился Прокл.

– Дело в том, что я на тот момент обнаружил в себе неиссякаемый талант. Все началось с той вечеринки… – Мони прикрыл глаза, что-то припоминая. – Клуб прогрессивной молодежи, кажется. Я появился там в джинсовом фраке собственной работы и сразу стал законодателем моды. Земляничного цвета, с кожаной отделкой…

Прокл не дал ему договорить:

– …как бы там ни было с твоим модельным гением, одно я знаю наверняка: мне бы не хотелось оказаться перед Шиварис в таком фраке, – проговорил он, поправляя ворот золотистой сорочки.

– Это из-за кожи? Я тоже сперва подумал: слишком вызывающе. – Мони ходил кругами. – Но потом я понял: если разрезать ее на тонкие полоски, наложив поперек металлические пластины, то получится забавная клетка, которая будет прекрасно смотреться на рукавах и воротнике. На концах же брюк я сделал широкий клеш, украсив его…

– Нет. Это не из-за кожи, – перебил его Прокл.

Мони посмотрел на друга с упреком.

– Поверь, я нисколько не сомневаюсь в твоем очередном таланте.

– Ага, – вздохнул Мони. – Так. Время обеда. Я закажу в номер, не возражаешь? – И, не дождавшись признаков одобрения со стороны Прокла, Мони сделал заказ по телефону.

Через некоторое время в дверях показалось лицо обслуживающего персонала отеля, не выражавшее, впрочем, требующихся эмоций:

– Ваш заказ, – процедило оно сквозь зубы, втиснув в комнату маленький столик, на котором красовались различной формы емкости.

– Да. Спасибо, – даже не взглянул Мони.

Обслуживающее лицо, ничего не ответив, удалилось.

– Пойдем на балкон, там, должно быть, сейчас тень, – с этими словами Мони скрылся за стеклянными дверями, захватив с собой обед на колесиках. – Слышишь, Про, иди сюда. – Он растянулся на шезлонге, стоящем на балконе.

– Дивлюсь тебе, мой друг… – сказал Прокл, придвигая второй шезлонг к Мони. – Талантов у тебя много, деньги, несмотря на все их старание уморить в человеке душу, тебя не испортили, а ты так цинично относишься к жизни, будто бы разменял не третий десяток, а сотый.

– Отвечу тебе по совести…– начал Мони, разливая по бокалам хмельную жидкость из бутылки, что прилагалась к обеду, – насчет сотого десятка ты прав. В душе я чувствую себя старым и опытным. – Он вздохнул.

– Прикрываешься разочарованием?

– Нет-нет. Я жадный до жизни, я ненавижу ее и страшно боюсь потерять. – Он вдруг замолчал.

– Ты, что, уже пьян? – догадался Прокл.

– Ничуть. Вино у них слабое. Мне не нравится. А вот рюмка интересная.

Прокл нахмурился, заметив в руках Мони необычную рюмку на изогнутой ножке.

– Ты ее из кафе стащил!

–Правда? – Мони сделал невинное лицо. –…Я был бы счастлив, если бы кто-то лишил меня жизни, и на последнем вздохе проклял бы того, кто это сделал

– Да где ты нахватался такого бреда? Ты начинаешь с того, что жизнь тебе надоела, что она для тебя утомительно скучна, а заканчиваешь тем, что до безумия желаешь жить. – Прокл развел руками. – Я не понимаю, чего в тебе больше…

– Да я и сам не понимаю, так как эти чувства колеблются у меня на грани…

– На грани помешательства?

– Э-э-э, нет, это ты у нас главный шизофреник, –произнес Мони с лукавой улыбкой. Но вот лицо его посерьезнело. – А чего во мне больше… Знаешь, меня на эту грань надо поставить, тогда, возможно, я пойму. А ты, – добавил он, немного помолчав, – ты ведь тоже не очень-то счастлив в этой жизни.

Прокл поднял на Мони удивленные глаза.

– Да-да, ты!

Прокл скрестил руки на груди и откинулся к спинке кресла:

– А что я? – Губы его дрогнули. – Я слишком много думал о смерти, чтобы теперь отрицать прелесть жизни.

– Много думал? – Мони насторожился, – Думал о чем? Как умереть?

– Хотел понять, есть ли загробная перспектива, – поправил Прокл.

– И что же ты понял?

– Ничего. – Прокл пожал плечами.

– И никакого страха смерти?

– Страх смерти связан не со смертью как таковой, а с тем, что ее сопровождает…

– Боль, ужас, слезы, страдания, религиозные обряды, это?

– Да, с этим земным уродством. Теперь представь, если бы за человеком спускались прекрасные ангелы и, улетая на небо, заботливо брали его с собой. Или невидимые руки стирали бы, как ластиком, несчастного с добротного до тошноты лица земли, и он бы просто исчезал, без раздирающих душу церемоний...

– …То человек не боялся бы смерти, – закончил Мони. – Что ж, может быть, ты и прав, – проговорил он, рассеянно глядя вперед. – Ха, я узрел нечто для тебя интересное. Твоя Шиварис – в парке и в полном одиночестве. Не хочешь составить девушке компанию?

– Не вижу смысла надоедать ей до брака, – серьезно ответил Прокл.

На лице Мони появился испуг.

– Ты что же, Прокл, решился?

– А почему бы и нет? – произнес тот, мечтательно улыбаясь.

Все послеобеденное время Мони провел, как обычно, у игровых автоматов, изобретение которых Прокл считал одной из многочисленных ошибок человеческого гения. Каждый раз Мони со страстью предвкушения на лице уходил в зал, точно зная, что в это время там никого не бывает. И тогда разгоралась виртуальная борьба его светлого ума с упрямой машиной. Он терпеть не мог назойливых желающих подсобить ему в выигрыше. А если все же они набегали, как тараканы в полуночном веселье, он злился и уходил. Прокл, пока Мони развлекался, сочинял свою речь, которую он должен будет произнести на свидании. Но только он хотел было озвучить написанное, дверь распахнулась, и на пороге показался Мони с выражением досады на лице.

– Ну и как твои успехи? – спросил встревоженный Прокл.

– Какому-то… – Мони сделал многозначительную паузу, – …джентльмену не захотелось вздремнуть после обеда.

– Понятно, – сдерживая невольную улыбку, произнес Прокл.

– Да, – хмыкнул Мони, прислонившись к двери.

– Может, не стоит так расстраиваться…

– Да-да, знаю – вздохнул Мони, словно собирая силы на борьбу с обидой, которую ему преподнес джентльмен с послеобеденной бессонницей, затем медленно съехал вниз по двери, задержался там ненадолго в позе философа и, резко вскочив на ноги, воскликнул:

– А чем это ты тут без меня… – он увидел на столе беспорядок, состоящий из разбросанных кругом исписанных бумаг и, остановившись на них магнетически-синим взглядом, продолжал: – …Занимаешься сочинительством? Похвально.

Посередине стола-океана, по которому плавали исписанные листы-льдины, как остров, лежал рисунок в серебряном цвете. На полу были разбросаны простые карандаши и причудливые по форме из-за частого использования ластики. Прокл кинулся к столу, заслоняя собой беспорядок:

– Я…

– Ну и зачем ты от меня это скрываешь? Я художества твои давно изучил и десять копий снял с нутра секретной серебряной папки.

– Да как ты мог, Мони! – Удивлению Прокла не хватало воздуха.

– А что? Ты человек порывистый, должен же кто-то твой талант контролировать? Спокойно. Да не смотри ты так! – прорычал Мони. – А, знаешь… – произнес он, изменившись в лице, – это настоящее искусство. Твои рисунки. Ты должен понимать, что для меня, как для человека, уязвленного самолюбием, признавать такое непросто, однако я признаю.

– О, – Прокл растерялся, – спасибо.

– Но зачем ты рисуешь одно и то же?

– А ты находишь, что это одно и то же? Одна тема, но рисунки разные?

– Да, разные. Я думаю, тебе что-то не удается в этом закате. Мало жизненного правдоподобия, что ли. Я прав?

– Прав. Сколько вечерней натуры, и все зря. Мне кажется, я не справлюсь, Мони. Это свидание, – вдруг произнес Прокл дрогнувшим голосом.

– Не справишься? С кем, с девушкой, что ли?? – Мони прыгнул в кресло рядом с маленьким столиком, на котором слегка пошатнулась тонкого стекла ваза. – Ты о чем, Прокл?

Прокл сел напротив Мони на выдвижную тумбочку:

– Ты не знаешь, что это такое. У меня в жизни был только один роман.

– Роман… – протянул Мони задумчиво, – что это?

– Тебе не идет образ дурака, – Прокл досадливо скривился. –Ты когда-нибудь над содержанием прочитанного задумывался?

– Дураки, мой друг, грамоте не разумеют и потому романов не читают…

– Не умничай.

– Хорошо, тогда ты в свою очередь принеси мне извинения и, если тебя не затруднит, чашку чая со льдом.

Прокл встал и вышел из комнаты. Мони, уже удовлетворенный одним только выражением его лица, продолжил рассуждать на заданную тему:

– Над содержанием, говоришь? Задумывался. Да только все это такая сентиментальная чушь, что тошно даже задумываться.

В дверях показался Прокл с чашкой чая в руках.

– Чушь, значит. – Он поставил ее перед Мони и опять сел напротив.

– Спасибо. – кивнул тот.

– У тебя что, Мони, никогда не было настоящего длинного красивого романа?

– Бог мой! Какое количество эпитетов! –Мони сделал глоток ледяного чая. –Так, отвечай мне по совести. Сколько в твоей книге, именуемой настоящим романом, страниц?

– Ну, где-то около сотни.

Мони откинулся к спинке кресла:

– Длинное произведение…

– А у тебя должно быть целая библиотека? – предположил Прокл с иронией.

– Если бы… Тоненькая брошюрка в десять страниц по полстраницы на каждое приключение. А что это у тебя за роман? Ты о нем мне никогда не рассказывал.

– И никогда не расскажу. Есть вещи, о которых мне бы очень хотелось забыть.

– Знакомо. Но можно хотя бы узнать дату его издания?

– Тема закрыта, – сурово оборвал Прокл.

– Что ж. – Мони согласно кивнул.

– Мне надо подготовиться, – решил Прокл, и удалился в другую комнату.

Ровно в половину седьмого он вышел, обнаружив Мони на том же месте:

– Привет, – улыбнулся тот.

– Нам пора, – заметил Прокл. Видно было, что в душе его происходила борьба самых разных эмоций. Пока он облачался в новенький костюм, Мони делал полезные замечания:

– Не нравится мне твое лицо, еще чуть-чуть, и в обморок рухнешь.

– Мони, я сейчас не готов тебя выслушивать...

– А еще мне не нравится твоя прическа, – не услышал Мони. –Впрочем, здесь можно что-нибудь придумать…

– Только не говори мне, что ты учился на парикмахера. – Прокл посмотрел на друга с подозрением.

– Все именно так и было. – Мони взобрался на бархатный пуфик, стоящий перед большим зеркалом. – Подойди сюда.

Не оставляя своих подозрений, Прокл подошел:

– Может, не надо?

Мони не ответил, внимательно изучая его голову с высоты.

– Подай-ка мне вон ту коричневую банку, – деловито попросил он.

– Это ту, содержимое которой ты выливаешь себе на голову каждый день?

– Именно, – кивнул Мони, – и без лишних слов, пожалуйста.

Прокл вздохнул и закрыл глаза, потеряв со зрением и голос, ибо знал, что другу своему в вопросах подобного рода перечить нельзя. Прошло всего несколько минут после того, как осенило Мони, и вот он произнес:

– Готово.

Открыв глаза, Прокл молча вгляделся в зеркало. Его темные волосы были мастерски уложены в модную прическу.

– Как тебе?

– Поражает воображение, – сухо ответил Прокл.

– Ага, – поддакнул Мони, спрыгивая с пуфика. – Рад, что тебе понравилось.

– Надеюсь, мы не опоздали. – Прокл посмотрел на часы.

– У тебя еще десять минут.

– Что? Всего десять? Спасибо, что хоть их не отнял на свои парикмахерские эксперименты.

– Без паники, Прокл, ты успеешь.

Но Прокл не слушал, уже спускаясь по ступеням вниз.

– Помедленнее, – попросил Мони, догнав его лишь на выходе из отеля. – Я пойду с тобой.

Прокл посмотрел на него с недоумением.

– Провожу, – пояснил Мони. – Итак, если сегодня вечером ты не обольстишь нашу знойную барышню…

– Мони, у меня благородные намерения, – перебил Прокл.

– Начинаешь писать второй роман? – Мони пожал плечами, сделав разочарованное лицо. – Вот и пришли. А ты боялся! Ее еще нет.

– Время? – холодно спросил Прокл.

– Без пяти. Я удаляюсь. Давай, Прокл, покажи, на что способны влюбленные до одури романтики. Может, и правда мир спасем!

Ничего не ответив, Прокл сел на скамейку. Мони, сложив с себя се обязательства провожатого, заторопился назад, меряя быстрыми шагами дорогу до отеля.

Глава 4

Игра

Мони впал в такую глубокую задумчивость, что даже не заметил торопливо идущую ему навстречу Шиварис, которая, напротив, поравнявшись с ним, мастерски расплескала смущение по милому личику.

До отеля оставалось всего несколько шагов, когда Мони кто-то окликнул:

– Постойте.

Мони остановился, обернулся. За его спиной стоял Амур.

– Куда вы так торопитесь?

На этот раз он был молод. Морщины на лице его разгладились, волосы были спрятаны под высоким цилиндром. Цвет его белого костюма слепил глаза. К своему неудовольствию, Мони отметил, что раньше он не встречал подобного, хотя был знатоком в вопросах моды, ее фасонов и цветов. Шелковая сорочка и лакированные туфли на высоких каблуках были подобраны в тон.

– А вы преобразились! – Мони возвел ярко-синие глаза к небу.

– У нас сегодня важный день, – ответил Амур загадочно.

– У нас с вами? – усмехнулся Мони. – Ну знаете, двойное свидание – это не по мне.

Амур, казалось, его не услышал.

– Я нашел прекрасное место неподалеку от столика Шиварис и Прокла. Это небольшой сад…

– Правда? – удивился Мони, сменив усмешку настороженностью. – Не припомню такого.

– Ступайте за мной.

– За вами, да? – Мони решил повиноваться, и, не отрывая изумленных глаз от искрящихся белизной каблуков, пошел след в след за Амуром.

–Здесь. –Амур привел его в маленький, очень уютный сад, откуда действительно были слышны голоса Прокла и Шиварис.

– Но о чем они говорят?Слов не разберу, – прислушивался Мони.

– О, у нас с вами – другая задача, нежели подслушивать разговоры влюбленных. – С этими словами Амур кивнул на гору каких-то цветных коробок, лежащих в стороне

– Что это? – Мони с опаской покосился на пеструю гору.

– Это? Второстепенная составляющая моего замысла.

– А в чем она состоит?

– Сейчас узнаете. – В руках Амура оказались вдруг смычок и скрипка, которую украшала выгравированная по дереву маскарадная маска. Два алых рубина были вставлены в прорези для глаз.

– Это же моя скрипка… – произнес Мони неуверенно.

– Разумеется, ваша, на чужих инструментах, как мне известно, людям играть тяжелее, чем на своих. – Амур протянул Мони скрипку. – Держите.

Тот взял ее, пристально рассматривая:

– Но она у меня дома в особняке.

– Нет, она у вас в руках.

– И что же вы хотите?

– Чтобы вы играли. Вашей незабываемой игры, чего же еще.

– Игры… – повторил Мони, все еще не веря, что перед ним – любимая скрипка. Он уже взялся за смычок, когда Амур отвел его руку.

– Постойте, Мони. Выпейте это. – Амур протянул ему высокий узкий стакан, похожий на колбу, с темно-синей жидкостью.

– Нет, нет, я давно не играл, а на пьяную голову буду играть еще хуже. Не хотелось бы мне упасть в глазах даже такого престранного субъекта, как вы.

– Пейте, – Амур властно посмотрел на Мони.

Мони взял стакан и выпил. Ничего не почувствовав, он поднял восторженные глаза на Амура, деловито осведомившись:

– И что это?

– Обычно вдохновение, кстати, как и вода, принимает три агрегатных состояния. Сегодня мне захотелось налить его в стакан.

–Понятно, – усмехнулся Мони.

Больше ни о чем не думая, он схватил смычок, и началась виртуозная игра мастера. Из другого кармана Амур достал еще одну скрипку, не уступавшую в белизне костюму, и тоже стал играть, вливаясь совершенно иным по звучанию потоком музыки в проникновенную мелодию Мони.

Мони не мог и не желал останавливаться. Он и раньше замечал за собой страсть к импровизации, когда, порой забросив тетради с произведениями классиков, начинал играть что-то свое. Это были необычные сочинения, от странной красоты которых хотелось перестать дышать. Теперь же Мони играл без остановки, не задумываясь о нотах, их размерах и тональностях, играл так, как хотела его отчаянная душа, и был поражен ее способностями. Время от времени Мони замечал, как Амур, прерываясь, подходил к цветным коробкам, доставал из них какие-то светящиеся шарики, заряжал ими белый пистолет и выстреливал в чистое небо. После чего небо покрывалось безумно яркими красками. Краски переливались, блестели и, медленно стекая, падали на землю, разбиваясь на мельчайшие разноцветные капельки. Мони вдруг увидел вылетавших из самой глубины фантастического фейерверка огненных существ. Языки пламени вырывались из их хищных пастей, но, о чудо, навстречу им стремились мощные потоки воды. Стихии встречались, и возникало новое зрелище: огненные брызги, перемешиваясь с ледяными каплями, создавали полотно серебряного пара, от которого нельзя было отвести глаз. Мони потерял голос, дыхание, ощущение времени, все, кроме зрения. Оторвав раскаленный смычок от усталых струн, он обессиленно упал на колени.

– Вы, кажется, отвлеклись? – Амур тихонько коснулся плеча Мони и опять протянул ему высокий, узкий стакан. Тот был полным.

– О, мне уже достаточно вдохновения.

– О нет, я вижу и сам, это не вдохновение, это успокоительное. Я нашел его у вас в номере. Нехорошо обвинять друга в излишней чувствительности, когда сами страдаете тяжелой бессонницей.

Мони смущенно протянул руку за стаканом. Выпил его до дна и, вытянув ноги в сочную траву, покосился на белый пистолет в руке Амура:

– Первый раз вижу, чтобы амуры носили пистолет вместо лука.

Амур улыбнулся:

– Начнем с того, что вы первый раз видите амура. А насчет этого… – он покрутил пистолет в руке, приземлившись на траву рядом с Мони. – Так сейчас какой век? Надо приобщаться к новым технологиям и прогрессивным идеям. – И с этими словами Амур выстрелил в небо из белого пистолета. Тотчас же по небу расплылась красочная палитра цветов. Мони уже не задавался такими глупыми вопросами, как например, давно ли он выучился настолько хорошо владеть инструментом, или могла ли обычная пиротехника произвести на свет огненных существ, что теперь летали над их головами, его интересовал только он, тот, кто сидел рядом.

– Так, значит, вы их подстрелили, Прокла и Шиварис, да? – обрадовался догадке он.

– Мони, но вы же видели, что я стрелял в небо, и только. – Амур задумался. – Поймите… события, которые сейчас разворачиваются вокруг вашего друга и девушки, никак не зависят от моей воли. Я нисколько не сомневаюсь в своих возможностях. Мне нет нужды ставить опыт на очередной паре. Я хочу испытать силу любви без своего вмешательства. – Амур смотрел на Мони, как на

последнего человека, оставшегося вместе с ним на внезапно осиротевшей земле, но при этом человека, говорящего совершенно на ином языке. Живописные перламутровые глаза его старались выразить все то, что не могли донести слова. Амур, как показалось Мони, даже прокричал последнее с помощью глаз, а не голоса.

– Это вы напрасно... Разве тут все не зависит от вас?

– Э-э-э нет, не все. Ведь мы не кукловоды, а вы отнюдь не марионетки. Мы не поражаем ваше сердце по какой-то своей прихоти, а прививаем драгоценнейшую вакцину любви, чтобы вы не заболевали от этой жаркой болезни, а с легкостью и даже счастьем переносили все муки ее. – Амур сорвал зеленый стебель и едва уловимым голосом продолжал. – Может быть, раньше это и зависело только от нас, но теперь…

– Так вы, выходит, больше не можете заставить полюбить?

– Да нет же, почему. Как раз этим я и занимаюсь на протяжении всей своей призрачной жизни. Делаю безболезненные инъекции отравленными наконечниками любовных стрел, но… Только теперь люди, уже довольно переболевшие сердечной лихорадкой, способны сами управлять силой красных чувств. Без моего вмешательства.

Амур замолчал. Тонкий стебель в его руках, свободно перетекая из одной ладони в другую, являл собой уже не беспомощное растение. Теперь это был высокий зеленый мост с кручеными перилами и зубчатыми колоннами.

– Или не способны, – заметил Мони дерзко.

– Способны, это я знаю наверняка, но вот хотят ли они этого… Вот что собираюсь я выяснить… – зеленый мост взвился в воздух стаей маленьких птиц.

Мони зажмурился:

– Ага, это вроде отчета, да?

– О вековой работе? Может, и так… – Амур грустно посмотрел на Мони и, на этот раз, не целясь, пустил пулю в затихавшее небо. Оно отреагировало мгновенно.

Мони встал с земли и, подойдя к отдохнувшему инструменту, взял смычок. От его плавных движений полился мрачный настой из размышлений, но он оборвал свою музыку вопросом:

– А если нет?

– А если нет, значит, мое величие было вымыслом. Значит, я не исполнил волю стоящего выше меня, я ошибся, и ошибка эта даром мне не пройдет. – Амур внимательно смотрел куда-то в цветное небо, которым, как заметил Мони, были облиты все три стороны сада. Смотрел в небо, словно ища самую дикую по яркости краску, и никак не мог остановить свой выбор ни на одной из них.

– То есть? – держа наготове смычок, потребовал Мони.

– То есть не мучьте себя спорными вопросами вечности, вам их все равно не решать. Играйте!

Мони согласно кивнул и заиграл. В его музыке стали преобладать озорные мотивы, иногда отдававшие странной ноющей мелодичной обидой не то на Амура, не то за него самого:

– Музыка больше, чем жизнь. Она вечна. Я счастлив, и я хочу умереть. Нет ничего прекраснее музыки! – бормотал Мони в судорожном восторге.

– Стойте! – перебил его Амур.

Подчинившись невидимой силе, Мони остановился и опустил смычок.

– Зачем вы прервали мою игру?

– Я прервал вас, не вашу игру, – поправил Амур, – не ставьте талант выше себя самого, не одушевляйте его. Вы забылись, – проговорил он со вздохом, – и ваша музыка изменилась. Не вся музыка – источник радости, добра и света. Порой она бывает входом в мир уродливой темноты.

– О чем это вы? – не понял Мони.

– Я покажу вам. – Амур подошел к тому месту, с которого, не целясь, стрелял в небо. Это было небольшое возвышение, вроде пригорка. Мони последовал за ним.

Амур вновь достал белый пистолет и выстрелил, но вместо растекшейся краски облака лишь расплылись в стороны, очистив небесное пространство.

– Видите? – Амур внимательно посмотрел на Мони.

– Нет. А что я должен видеть?

На небе по-прежнему не было никаких следов недавних пиротехнических эффектов, вокруг все было тихо, вечерняя прохлада, казалось, тонула в собственной неге.

– О, конечно, нет… – Амур достал из внутреннего кармана пиджака маленький театральный бинокль и протянул его Мони.

– Теперь смотрите.

Мони взял бинокль и приблизил его к глазам. Через какое-то время на голубом экране начали один за другим появляться фотографические кадры.

– Что это? – Мони, недоумевая, посмотрел на Амура.

– Это? Один день из жизни настоящего, – произнес тот загадочно. Щелчком пальцев Амур остановил спешащие кадры, выбрав один из них.

– Удобно, – оценил Мони.

– Смотрите внимательно. – Строгие слова Амура отрезвили его. Мони вновь поднял бинокль к глазам. Голос за кадром решительно начал:

– Перебросив через плечо кожаный рюкзак, с примерзшими к ушам наушниками, кем-то давно подаренного плеера перешагивает через лужи настоящий меломан – человек с заветным списком редкой музыкальной продукции, которую он во что бы то ни стало мечтает приобрести. Ловя на себе далеко не одобрительные взгляды вечно озлобленных прохожих, замкнутый в своем мире и ведомый им, он отправляется по адресам специализированных магазинов. Устремив блуждающий взгляд в паукообразную схему метро, что каждый раз своими цветными лапками готова выводить путешественников из затруднительных ситуаций в пути, меломан мысленно набросает примерную траекторию своей длинной дороги. Войдя в полупустой автобус и принужденно собравшись с мыслями, он сядет на первое попавшееся место и будет рассеянно смотреть в окно. А потом, по истечении некоторого времени, когда медлительный транспортный червь переполнится копошащимися людьми, когда вредные, безмолвные лишь до поры кондукторши начнут заглядывать ему в глаза, ища в них отрицательный ответ, и вовсе не потому, что они большие почитатели законности, а дабы позабавить свои уставшие нервы, наш герой вряд ли уступит место молодой женщине с неподъемными сумками, хоть та и будет растерянно улыбаться, томно опираясь на поручень возле него. Он не заметит других пассажиров, словно по сговору снующих мимо его тихого присутствия, и не потому, что он получил плохое воспитание в детстве, просто все это неинтересно нашему герою. В затемненных окнах, проезжающих мимо автомобилей, он угадывает потускневшие от частых вспышек фотоаппарата лица с лоснящихся обложек прочитанных им недавно журналов. Здесь каждый день для него пропитан вселенской скукой, неоправданной беспричинной скорбью, а там! Но где это там? Где?

– Следующая станция…

О, кажется, на следующей ему выходить? Бережно отправив плеер в карман, меломан берется за поручень и, дабы не задеть бледной руки красавицы с по-прежнему тяжелыми сумками, проскальзывает в узкий проем между ней и о чем-то громко беседующими пассажирами.

Метро – поистине великое изобретение. Это своеобразный подземный город, густонаселенный пункт. Здесь никому нет до тебя дела, а если и есть, то это только потому, что ты забыл купить билет для прохода через турникеты. Несколько плавных сигналов, и появившиеся из темноты яркие глаза поезда медленно подвигают пассажиров к краю платформы. Опять плеер перебирается в тонкие пальцы своего хозяина, опять над нашим меломаном выстраивается очередь назойливых желающих присесть, но кнопка «stop» сменяется глухим щелчком на мягкую клавишу «play», и его душа растекается по неизбежной плоскости окружающего мира, разбавляя будничную реальность фантазией. Сидящая напротив дама неизмеримых форматов с недоброжелательным лицом вдруг перевоплощается в приветливую худосочную королеву поп-сцены, поющую о вечной любви. А спешащая куда-то, но по-прежнему сидящая рядом с ней девушка – в прекрасную

танцовщицу на фоне. Вскоре и весь ряд напротив, сидящих и торопящихся, занимает свои музыкальные роли.

– Какой ужас! – Словно пробудившись от страшного сна, наш герой порывисто вскакивает с места и, лихорадочно нащупав на плеере кнопку «pause», пропадает в радушно разинувшихся дверях.

Окончательно придя в себя на лестнице эскалатора, еще раз сверив адрес в блокноте, меломан опять погружается в мысли. «Как можно слушать приторную музыку, орущую о вечной любви? А куда же деть низость, падение? Куда деться, когда, как кажется все вокруг: переходы над летящими составами, груженными учеными, профессорами, уставшими рабочими, задумчивой и не задумывающейся никогда молодежью, прилежащие к этим переходам выносливые ступени, наконец, голоса, объявляющие станции, все это кричит: «У меня глубокая депрессия, сменившая дикую меланхолию, перед которой была лишь легкая усталость от неуспеваемости по предмету «жизнь»? А вы меня топчете, оглушаете криками, никому не нужными, бесполезными сотрясеньями воздуха. Мне же больно, больно, у меня – раздробленное вдребезги восприятие этой мечущейся в огне действительности».

Поднимающиеся и опускающиеся, кровожадно вырванные из контекста разноголосые фразы долетают до восприимчивых ушей нашего героя и оседают там тонко нарезанными ломтями ненужной информации. С одной стороны, «крепкое пиво – это…», с другой: «залог успеха…», «деньги всегда нужны…», с другой: неописуемое произвольное мычание, «Знаешь, он такой прекрасный, что мне нет дела до его родни… и-и-и-а-а-а-а», с третьей: «Это хорошо, но как же мы забыли посадить на даче фикусы? Крокусы-ы-ы-ы, крекеры-ы-ы, действительно, как можно было забыть о крокусах? Не понимаю, не понимаю…»

Лестница обрывается. Бессознательно перелетев через блестящие десны эскалатора, очумевший меломан со всей неожиданностью натыкается на палку, принадлежащую белому, как снег, старцу, при взгляде на величие которого можно было бы вполне признать ее за изящную трость джентльмена.

– Куда вас черти несут? – доносится до слуха нашего героя. А слух его хотя и рассеянный, однако абсолютный. Краткое замечание, лишенное всякой грубости, насмешки и презрения, звучит просто констатацией факта и поражает своей музыкальностью. Будто буквы его – ноты и старец, говоря, попадает в них с предельной точностью. Каждое произнесенное им слово является само по себе камерным оркестром, церковным хором, одинокой скрипкой под холодным дождем, каждое звучит торжественно, загадочно. Меломану хочется что-то ответить этому мистическому завораживающему голосу, да что там ответить, век бы вторить или хотя бы быть бледной незаметной тенью, прозрачным лучом для того, чтобы украдкой внимать прекрасным звукам; но увы, прежде, чем он успевает хоть что-нибудь произнести, таинственный старец исчезает, подобно видению в бреду.

Собрав последние усилия воли в одну нерушимую идею этого дня, наш герой продолжает намеченный путь. Оставив позади стеклянные двери метро, влившись в гогочущую, лающую, мычащую толпу, он все же успевает добежать до остановки, одетой в новенькое расписание «транспортных червей», и вскочить на подножку одного из них.

Вообще дорога – вещь утомительно скучная, а после такого сказочного утра даже нашему универсальному герою сие убийство времени кажется невыносимым. Порядочно побившись сонной головой о стекло общественного транспорта, на этот раз он благополучно выходит на нужной остановке и блуждающей походкой растворяется в темных переулках незнакомого района.

По идее, нужный ему дом находится за огромным, высотным зданием, масштабы которого можно без всякого преувеличения назвать вселенскими. Обойти его просто не представляется возможным, так оно велико. Уморенный вдребезги щедрыми странностями этого дня, уже ничему не удивляясь, наш меломан начинает искать, как попасть внутрь здания. Исследуя мощные стены, он вдруг натыкается на довольно убогий для такой постройки арочный вход в самой ее середине, над которым виднеется приветственная надпись: «Добро пожаловать». Наверное, ее нацарапали

слишком давно, и с тех пор случилось немало стихийных бедствий, так как буквы в слове «добро» сильно стерлись, став едва различимыми. Приглядевшись к ним внимательнее, меломан вместо «добро» видит «зло». Это придает несложному предложению совершенно иной смысл.

И тут ни на минуту не покидавшая нашего героя мысль о том, что он ну совсем не туда попал, проявляется вдруг в полной мере. Резко развернувшись, он уже решает двинуться в обратный путь, как вдруг замечает электронное табло, хитро поглядывающее из темноты арочных объятий, и возвращается. Войдя внутрь и все еще пытаясь побороть сомнение в том, что это не очередная галлюцинация, он бросает свой наголодавшийся взгляд на яркое табло: «Центр властолюбивых страстей». И если эта первая, напоминающая заглавие какой-то страшной книги надпись все же заметно отягощает сознание меломана, то следующая, мгновенно сменяющая ее ослепительным блеском, – «Конечная станция» – окончательно повергает его в неприятную дрожь. Далее, более мелким шрифтом высвечивается: «Рок-музыка», строчкой ниже – «Свободная любовь», а еще строчкой ниже – «Наркотики». Напротив каждой из этих надписей мигают красные стрелки. Их сумасшедшая пульсация неприятно бьет по глазам героя, стоящего в незнакомом полумраке. Он запоминает: стрелка, прилежащая к надписи «Рок-музыка», ведет влево, к надписи «Свободная любовь» – вправо, а у надписи «Наркотики» она располагается внизу и, подобно линии жизни на ладони, идет куда-то совсем далеко, вниз. Есть там еще одно слово, значение которого совершенно теряется в адском огне. Слово «Выход». Но рядом с ним не видно ни одной стрелки, или хотя бы какого-то намека на направление. Наш герой закрывает глаза. Не зная, что делать с этим лишним словом, он пытается выкинуть его с помощью воображения за пределы реальности. Это ему удается. Вновь открыв глаза, он больше не видит лишнего слова. Арочный вход так же исчезает. Красный свет суетливых стрелок начинает гаснуть. Еще одно мгновенное созвучие пульсирующих красок, и свет меркнет.

–Конечная станция, – объявляет равнодушный голос. Меломан просыпается.

Раздается звон битого стекла… но не бойтесь, это надорвался на тяжелой работе наш бедный бинокль.

Картинка с изображением сузилась и погасла. Бинокль в руках Мони рассыпался в пыль.

– Забавно. – Мони с вызовом посмотрел на Амура. – Однако что вы делали в тот день в метро?

– Вы догадались… – улыбнулся Амур, и от его улыбки растекся запах ванили.

– Знаете, вообще вас несложно с кем-либо спутать: вы меняете лица и голоса… – раздраженно ответил Мони. – Так что вы делали в моем сне?

– Спасал вас.

– Спасали меня? – Мони чуть ли не впервые в жизни чувствовал себя одураченным. – Вчера я вас почти узнал… По голосу…

– Меня узнать непросто, вам еще предстоит в этом убедиться, – проговорил Амур загадочно. – А ваш абсолютный слух…

– …Однако концовка… – перебил Мони, – концовка – ваша. В моем случае все закончилось далеко не так романтично.

– В вашем случае еще ничего не закончилось, – поправил Амур. – Я только предположил, хотя как можно предполагать очевидное? Вы же до сих пор любите эту музыку страстей с могильным запахом свободы? – утвердительно спросил он, заглянув в ярко-синие глаза Мони.

– Так или иначе, сегодня я серьезно ей изменил… – произнес тот, задумчиво рисуя смычком по воздуху, что-то напротив своего сердца.

– Очередная страсть, – отмахнулся Амур. – И как вам не надоело побираться у жизни, она не сможет вам дать больше того, что вам необходимо. Нет, вы как флюгер в потоке желаний. Все мечетесь среди крайностей. Что же вы выберете: может быть, меня? – неожиданно закончил он.

– А вы не крайность?

– Ну, оставьте же свое высокомерие, – Амур умоляюще посмотрел на Мони и подал ему руку. Из-под белой манжеты выглядывала кисть с пятерней тонких пальцев. На одном из них Мони заметил прозрачное кольцо с красным камнем посередине:

– Поздно, – он притворно зевнул, игнорируя протянутую руку.

– Верно, – согласился Амур и пошел прочь из сада, – идите за мной.

– Боитесь, что заблужусь? – раздраженно поинтересовался Мони.

Амур улыбнулся, не отвечая его возмущению. Мони хотел было продолжить, как вдруг увидел огни своего отеля и остановился в мыслях:

– Как это быстро мы долетели…

– Я надеюсь, мы не прощаемся. Признаться, вы пришлись мне по душе. Так значит, увидимся?

Мони кивнул.

– Только… Берегите себя, – попросил Амур, вдруг изменившись в лице.

Мони не знал, как реагировать на протянутые руки и заботливые речи со стороны этого странного существа.

– Спокойной ночи, – вымолвил он небрежно и быстрыми шагами поспешил к отелю.

В воздухе витал запах зрелого вечера и обдавал почти морозной свежестью. Мони не удивился, хотя этот выпад природы явно переменил его если даже и не внутреннее, то внешнее выражение чувств, смыв то фантастическое безумие, которым смотрели его глаза. Едва дыша от эмоций, он нетерпеливо распахнул стеклянные двери отеля. Обычно запоздавших постояльцев за этими дверями встречала натренированная улыбка портье, который всегда сидел за маленьким столиком с сигаретой во рту, но сегодня за ними никого не было. Раскрытая пачка сигарет забыто валялась в стороне. Не желая ни в чем разбираться, Мони сел за столик портье и закурил. Курил он редко и все время забывал о том, что он вообще-то курит и о том, что эта привычка требует постоянства. На удовлетворение его никотиновой зависимости шли в основном дорогие отцовские сигары. Теперь же, страшно закашлявшись, Мони едва не потерял свою память по поводу курения окончательно, сильно усомнившись в том, что он когда-то подростком сделал первую в своей жизни затяжку, табачное развлечение блюстителя порядка оказалось ему явно не по зубам. Однако он кое-как докурил сигарету, увеличив горку пепла в серебряной пепельнице. В голове заклубились кадры недавних событий. Отель казался спящим, даже свет, что освещал вестибюль, провожая запоздалых постояльцев, тоже, по всей видимости, дремал, то и дело пропадая на доли секунды. Мони встал, ища в карманах ключи от номера.

– Никого нет… – пробормотал он с усталым удивлением в голосе.

Но поднимаясь по лестнице, он вдруг увидел прекрасных белокурых девушек, сидевших на ступенях и преграждавших ему путь. Позади них, ступенями выше, сидели две юные брюнетки, за которыми хитро выглядывали рыжеволосые чаровницы. Мони оторопел и не мог вымолвить ни слова. На девушках были эффектные наряды, на руках и шеях их поблескивали дорогие украшения. Мысли Мони ленивым стоп-кадром принялись откручивать назад пленку недавних событий, но связи между ними и настоящим не было никакой. Там ничего не говорилось о шести соблазнительных красавицах, а тут ничего подобного и быть не могло, если он только не перепутал двери своего отеля с дверями какого-то экстравагантного заведения. Разумеется, в любой другой ситуации Мони тотчас же пустился бы в пространные размышления на разные очаровательные темы и, безусловно, постарался бы влюбить в себя юных дев, но он некстати заметил, что радужные оболочки их одинаковых глаз были красного цвета, а губы дивных красавиц, несмотря на пышущую молодость и роскошь одежд, оставались мертвенно бледными. Теперь Мони чувствовал элементарный человеческий страх:

– По какому поводу девичник? – холодно произнес он.

Девушки, как по команде, засветились одинаковыми улыбками. Они ответили на вопрос Мони хором:

– Мы ждем тебя, наш повелитель. – Соблазнительное шипение сладкоголосых красоток расплескалось в воздухе.

Мони почувствовал нестерпимую слабость в ногах и что есть силы вцепился в крученые перила лестницы:

– Ага… По мою душу, значит.

Девушки перемигнулись красными глазами:

– Душа… – прошептали рыжеволосые кокетки и встали с мест, тем самым нарушив живую пирамиду трех ступенек.

– Твоя, – поднялись за ними жгучие брюнетки.

– Наша! – закончили несложное предложение белокурые красавицы.

Перед Мони оказалась стена из нарядной соблазнительной девичьей плоти.

– Ваша? Моя душа – ваша? – переспросил Мони вежливо. – Как бы не так!

Девушки поочередно протянули к нему нежные руки.

– Вы меня ангажируете на танец? – догадался Мони, судорожно улыбаясь. – Что? Все шестеро? – он провел рукой по огненному лбу и произнес быстро, запинаясь, почти шепотом. – С такими успехами, леди, – хороводы водить…

– Твоя душа наша! – хор из шести голосов грянул повторно. Вихрь ледяного ветра, вырвавшись из их уст, налетел на Мони, едва не сбив его с ног.

– Да ну? – он сильнее вцепился в перила. – А, может, поменяем местами? Ваша душа – моя! – Мони сдержанно рассмеялся. – Сдается мне, что у вас, если и есть душа, то – одна на всех: черная, злая, коварная?

Девушки переглянулись.

– Верно. Сумеешь пройти меж нами, поразишь своей волей, не коснешься нас, живой страсти, не обернешься, тогда окажешься перед той дверью, в которую ты так стремишься войти. А не сумеешь, так будешь как все! – Они встали в две плотные колонны, равным числом по обе стороны, оставив меж собой коридор узкого пространства.

О, они не знали, что, произнеся это, подписали себе смертный приговор.

Быть, как все? Мони возненавидел их за несколько слов.

Он оторвал затекшую руку от перил. Тотчас лестница превратилась в живой тоннель из неописуемой красоты юных девушек. Вокруг метался свистящий вихрь, подталкивая Мони вперед. Он сделал шаг и очутился внутри узкого, как ущелье скалы, темного тоннеля. Девушек не было видно, но Мони чувствовал: из самой темноты призрачных стен на него с любопытством смотрят коварные глаза. В воздухе запахло пьянящими духами, пласты их ароматов перемежались с порывами ледяного ветра. Незримые одежды юных красоток развевались, Мони ясно слышал шорох тканей, скрываемых густой темнотой. Блуждая в бархатном мраке, девушки ласковыми жестами зазывали к себе. Их руки, увенчанные звенящими украшениями, тянулись к нему. Мони четко представлял происходящее вокруг. Воображение против его воли рисовало картины, полные соблазна, и он безумно боялся увидеть их наяву. Сладкий, нежный голос, должно быть, похожий на голос мифических сирен, сменялся страстным отчаянным шепотом, манящим влиться в бесстыдную темноту. У Мони кружилась голова, ноги не подчинялись ровному шагу, но впереди, в конце тоннеля горели цифры его номера. Цифрами этими были три золотые семерки. На тот момент Мони был совершенно убежден, что это именно та дверь, которая ему нужна. Все ближе и ближе подходил он к спасительной цифре. И когда до двери оставался один только шаг, манящий голос превратился в оглушительный рев. Непонятная сила тянула Мони обратно в черный тоннель. Он попробовал дотянуться до ручки двери и, схватившись за нее, рванулся вперед. В одно мгновение черный тоннель скомкался, став горсткой пепла, что ссыпалась в серебряную пепельницу, на столике портье. Вытянувшись в струйку белесого дыма, призрачный ужас недавних лиц и голосов еще метался по залу, не находя себе выхода. Но тут беззвучно распахнулось окно, и дым развеялся, растворился в ночном пространстве. Мони огляделся. Он стоял у своего номера, держась за ручку двери, на которой действительно горели три золотые семерки.

Глава 5
День последний

Дымчатый закат

Открыв глаза, Мони увидел себя в зеркало лежащим на полу в комнате номера. Над ним стоял Прокл и недоуменно улыбался.

– Привет, – хрипло произнес Мони.

– Дай, угадаю: алкоголь? Девушки?

– Прокл! – остановил Мони.

– Ночные прогулки? Или нет – передоз успокоительного? – продолжал Прокл безжалостно. – Это ж надо было так! Лежишь на полу…

– Я не пил, – прошептал Мони, с трудом припоминая вчерашний вечер.

– Что бы ни было, ты пил! – Прокл был весел.

В дверь постучали. Он немедленно вышел.

Мони кое-как поднялся и, мигом сообразив, в чем тут может быть дело, закричал:

–Даже и не думай открывать, Прокл! Да они нас заживо съедят и не подавятся! – Тут он услышал скрип уже открывающейся двери и застыл, пораженный своей догадкой. – Ты что, крутишь роман с одной из этих? – Ужаснувшись вопросу, Мони потер глаза и ясно различил границу сна и яви. Он вспомнил вчерашний вечер, свою игру, вдохновение в стакане, и опять леденящее сомнение заползло в душу.

В комнату вошел Прокл. в глазах его была грусть, свежим налетом покрывшая редкую радость.

– Ну и? – деловито поинтересовался пришедший в себя Мони.

– Это была Шиварис. Она не сможет поехать на экскурсию по причинам, правда, мне не совсем понятным…

– На экскурсию? – опять растерялся Мони.

– Я пригласил ее вчера на экскурсию по горным пещерам, ну ты знаешь… Так что, давай, собирайся.

– Куда? – Мони окончательно свернул с тропинки понимания на проезжую часть глухих догадок, забравших все его и так рассеянное внимание. – Куда это…Куда… …– бормотал он.

– Но сначала проснись, – Прокл с упреком посмотрел на друга.

– Да постой же, Прокл, могу ли я предположить, что вчерашняя секретная операция «Спасем мир за одно свидание» прошла успешно?

– Не преувеличивай, Мони, – смущенно улыбнулся тот.

– Давай, рассказывай, – Мони приготовился слушать.

– У нас времени нет: автобус отправляется через пять минут, – торопливо произнес Прокл и вышел из комнаты.

– Что? – возмутился Мони и вышел вслед за ним, на ходу захватив свой любимый рюкзак, который он всегда носил с собой, порой без всякой на то надобности.

Автобус был полон туристов. Мони прошел в самую глубь и, отыскав Прокла, сел рядом с ним.

– Могли не успеть, – прокомментировал его появление Прокл.

– Я тут ни при чем, это твоей девушке пещеры не по вкусу пришлись.

– Не сочти за любопытство, – откашлялся Прокл, – но где ты вчера был?

– Я? – Мони вздрогнул, сам не поняв причины испуга.

– Ты пришел позже меня.

– Один? – с игривой улыбкой поинтересовался Мони.

– Ну, я надеюсь. Я спал. Ты себя хорошо чувствуешь, Мони?

– А-а-а, это с похмелья-то? – неохотно догадался тот. – Да, надо было видеть, что я вчера пил.

– Так все-таки пил. Мони, ты же знаешь, крепкие напитки… – Прокл не договорил.

– Оставь, Прокл. Расскажи лучше, как у тебя все прошло.

– Как прошло… Если помнишь, относительно недавно мы с тобой говорили о сказке? – начал Прокл.

– Да-да… – нетерпеливо подгонял Мони.

– Так вот, вчера вечером она коснулась меня лично.

– Подробнее.

– Шиварис – прекрасная девушка.

– А-а… ты об этом, – Мони разочарованно вздохнул, перебив восторг друга.

– Но... скажи мне, вчера был какой-то праздник?

– То есть? – по лицу Мони пробежал интерес.

– …Происходило что-то странное.

– Что именно?

– Ты не поверишь, Мони!

– Попробую, – сухо предложил тот.

– Где-то в глубине неба разбивались в осколки сотни огней. Такой красоты я в своей жизни еще не видел. Неописуемое зрелище, знаешь.

– О, можешь не описывать...

Прокл его не расслышал, восторженно продолжая:

– …Звучала прекрасная музыка. Видно кто-то поставил запись мировых мастеров скрипки…

– Эх ты, живую музыку от записи отличить не можешь…

– Мне вообще показалось, что музыка эта с неба льется, и даже будто она связана каким-то образом со мной. Такое разве возможно?

– Не знаю, это ты у нас спец по романтической мистике.

– О, это надо было видеть. – Прокл возвел глаза к небу.

– Да я видел, – отмахнулся Мони.

– Так ты что, там тоже был?

– Ага, сидел в кустах с Амуром.

– С кем?

– Да там, рядом с вашим кафе – небольшой сад. Уютное местечко. Правда, не видно ничего…

– Да нет там никакого сада, – возмутился Прокл.

– Как, я же ясно слышал твой голос?

– Мой голос? Что ты там делал, скажи на милость?

– Я? – Мони магнетически прищурился. –Музицировал.

– Что? – Не понял Прокл.

– Это я ведь на скрипке играл.

– Ты?

– Я, – голос Мони начал походить на самодовольное рычание.

– У тебя ведь и скрипки-то нет, – неуверенно возразил Прокл.

– А, ну и что ж, мне Амур ее из дома принес.

Прокл расхохотался:

– Это ты, значит, на небесах…

– Говорю тебе, в кустах сидел рядом, как пес верный. Я играл, а Амур запускал фейерверки.

Тут водитель автобуса резко ударил по тормозам, видно устав от однообразной езды.

– Прибыли, что ли? – с раздражением догадался Мони.

– Да, – подтвердил Прокл.

Собеседники, неохотно поднявшись с мест, вышли вслед за толпой активно отдыхающих. Они явно отставали. Прокл ускорил шаг.

– Эй, Про, чего так разогнался? – с неудовольствием заметил Мони, перебрасывая рюкзак с одного плеча на другое.

Очутившись в хвосте туристического шествия, оба мало что слышали и понимали. Застенчивая девушка в роли опытного экскурсовода пыталась донести до все еще пытливых, хотя и изрядно зажаренных умов загадочную истину древности. Мони и Прокл, в конце концов догнав свою группу, подошли ближе и торжественно прошагали за ней с полпути, пока не пришли к тому, что называлось пещерой тайн. Молоденькая экскурсовод с багажом исторических знаний прошла в темную природную залу пещеры. За ней последовали остальные.

– Ты как, понимаешь? – дернул Мони за руку Прокла. – А я чего-то не очень.

– Может, просто послушаешь? Хватит смотреть на экскурсовода такими глазами…– с упреком произнес Прокл, – а вообще, понимать это не обязательно, –примирительно добавил он.

Мони улыбнулся:

– Позволь заметить, Про, ты просто светишься счастьем.

– Ну и как, мне идет? – Прокл состроил гримасу, пытаясь войти в образ юной кокетки, как это часто делал Мони. С непривычки он несколько переусердствовал.

– Стой, Про, не шевелись, – Мони таинственным жестом снял со щеки друга выпавшую ресницу. – Загадывай желание. – По концентрации наивности в голосе ему не хватало до совершеннолетия лет эдак десяти.

– Ты что, в это веришь? – удивился Прокл.

– Нет, – все с той же детской наивностью отвечал Мони.

Прокл пожал плечами.

– Загадывай давай желание! – вдруг грубо резанул Мони, враз растеряв всю наивность.

Прокл, с секунду помедлив, сдул ресницу с его ладони.

– Вот и ладно. – Мони огляделся. – А где все?

– Мы, кажется, немного отвлеклись. – Прокл пошел вперед.

Мони рассеянно последовал за ним. Вдали виднелась узкая платформа, похожая на допотопную станцию метро. Своды были довольны низкими, с выступами, и зазевавшиеся туристы частенько бились о них головами. Прокла постигла та же участь.

– Это что, рудники гномов? – Он недовольно потер ушибленное место.

– Прокл, это же пещера, любимой природой твоей сооруженная, здесь все в первозданном виде, никаких искусственных удобств.

– Да это понятно, только что мы теперь делать будем?

Когда они приблизились к платформе, перед ними возник строгий человек в малиновом костюме:

– И где же ваша группа, господа туристы?

– Мы ее потеряли, – произнес Мони с трагической интонацией в голосе.

– Простите? – малиновый джентльмен уставился на него вопросительно.

– Видите ли, мы немного отвлеклись, а когда обернулись, нашей группы уже не было. – разъяснил Прокл.

– Печально… – протянул малиновый.

– Вот-вот, и не надо смотреть так на нас.

– Мони, утихни, – процедил Прокл сквозь зубы и продолжил уже с вежливой сдержанностью: – Так не могли бы вы нам помочь?

– К сожалению, нет, поезд с предположительно вашей группой уже ушел, а вызывать для вас персональный не имеет смысла.

– Вот как? – В глазах Мони начало кипятиться раздражение.

– А вы случайно не знаете, где можно приятно скоротать время? – все так же вежливо поинтересовался Прокл.

Смотритель станции задумался.

– …Есть небольшой музей, выставка антиквариата. Говорят, там даже можно что-то приобрести. – Он натянуто улыбнулся, добавив: – Правда, за большие деньги.

– Отлично, – встрепенулся Мони, – а как туда пройти?

– Да брось, зачем нам это? - Не понял Прокл.

Глаза Мони заблестели:

– Про, давай, войди пока в спящий режим.

Господин в малиновом чуть ли не пошагово объяснил им путь.

Мони заулыбался.

– Спасибо, – кивнул он.

– Ну и за каким чудом света мы туда пойдем?

– За обручальными кольцами моему другу. Представь себе, он пообещал самому служителю небес, что сделает предложение девушке, в которую влюблен, проведя с ней лишь одно свидание. Пообещал, а кольца на радостный случай-то и не припас. Так подберем тебе кольца.

– Кольца? Но Мони, это антиквариат, ты же не возишь с собой миллионы?..

Двери музея светились огнями, вокруг было пусто и тихо. Первым вошел Мони.

– Добрый день, – обратился он к человеку с трубкой в зубах, стоящему за стеклом витрины.

– Мне очень жаль, молодые люди, но музей сегодня закрыт, – Дымный ореол почти полностью закрывал его лицо.

– А нам нужен не музей, а магазин, – Мони по слогам произнес последнее слово и внимательно посмотрел на незнакомца, прищурив ярко-синие глаза.

– Знаете-ка что, по вам экскурсия плачет. А музей наш не рассчитан на заносчивых подростков.

– Что? – Мони даже отступил шаг назад от возмущения. – Нет, Про, ты слышал?

– Мони, да это ж комплемент, ты очень молодо выглядишь для своих, правда, и так не…

– Не продолжай, – перебил Мони. – Лучше оставь меня с этим трубковидным хорьком наедине, – протянул он вполголоса.

– С радостью, Мони. – И Прокл, изрядно устав от выходок друга, покинул блестящий магазин. Он видел сквозь стекло, как Мони, откинув гневным жестом золотую челку, наклонился к господину с трубкой и, схватив его за ворот, стал что-то доказывать, вероятно, повествуя о своей родословной. Видел, как в лице того происходили невиданные перемены. Возмущенный гнев в них сменялся удивлением, интересом, почтительным вниманием. Прокл отвлекся, ему хотелось думать о ней, о той, кто скоро оставит неизгладимый след в одинокой судьбе его, но он не мог, мысли путались, затягивая светлые чувства в паутину сомнений.

– Прокл, все решено! – из-за стеклянной двери магазина показался Мони.

– Как, уже, но…

– Прокл, очнись, – на лице Мони красовалось победное выражение.

За его спиной возник господин с трубкой.

– Ну что ж, пройдемте в хранилище.

Прокл не шевельнулся.

– Ты что, задремал?

– Мони, в какое еще хранилище?

– Идем, сейчас увидишь.

Обладатель дымящейся трубки провел их по длинному коридору, затем по скрипучей лестнице и, погремев с полминуты ключами в сплошной темноте, открыл дверь в яркую залу. В первые несколько секунд могло возникнуть обманчивое впечатление, что ты попал в старинный замок. Под потолками висели большие люстры, от которых исходил пылающий свет.

Мони радостно заспешил вперед, оставив Прокла на пороге. Его восторженное замешательство перебил хриплый голос:

– Вы будете выбирать один? Где ваш друг?

– Что… –Мони обернулся, надеясь увидеть за собой Прокла, но тот стоял в дверях, опершись плечом о косяк.

– Секунду, – произнес Мони упавшим голосом и, отойдя от прилавка, направился к другу.

– Прокл, да что с тобой?

– Мони, пойдем отсюда, я ничего не хочу, – произнес Прокл чуть слышно. Он был бледен.

– А я хочу, – рассердился Мони.

– Мне не нужны кольца…

– А мне – нужны. Не упрямься, я столько сил потратил, уговаривая этого психа показать нам товар. Не расстраивай меня. – Схватив Прокла за плечо, Мони потащил его к господину с трубкой. Тот бережно доставал из-под прилавка маленькие футляры.

Мони поставил Прокла возле себя и принялся внимательно рассматривать их содержимое.

– А есть у вас что-нибудь необычное, что-то поражающее воображение? – Он нетерпеливо посмотрел на хозяина магазина, словно хотел этим взглядом выведать у него дорогую тайну.

– А есть у вас наличные? – равнодушно откашлялся тот.

– Наличные? – Мони слегка пошатнулся, и если бы Прокл в тот момент его не поддержал, то он наверняка рухнул бы замертво

– Мони, ты что, кошелек забыл? – догадался Прокл.

– А-а-а… – протянул тот в ответ.

– Простите его, сэр… – начал было Прокл. Но Мони не дал ему продолжить:

– А вы как думали? Я в таких вопросах шутить не люблю.

– Мони! – шепнул Прокл, но тот не слушал.

– Ну, так, возвращаясь к редкостной роскоши… – Мони требовательно уставился на господина с трубкой.

– Хорошо, хорошо. – успокоено вздохнул тот. – Вижу, вы непростые покупатели. Что ж, думаю, у меня есть для вас кое-что…

Прокл дернул Мони за рукав:

– Может, все-таки уйдем?

– Замолчи, друг, – прорычал Мони в ответ.

– Есть пара колец. К сожалению, век их изготовления мне не известен. Сохранилась легенда, которую связывают с их возникновением. Конечно, вы понимаете, что все это только красивая история, что вряд ли имеет под собой реальные основания...

Мони с любопытством посмотрел на господина с трубкой. Прокл, скрестив руки на груди, выразил готовность слушать.

Рассказчик откашлялся:

– Они принадлежали одному юноше. Его звали Ахесу. Молод, богат, смел. Отчаянная натура. К тому же он был человеком пытливым, любознательным, уму его дивились тогдашние ученые мужи. – Рассказчик покачал головой, став слишком эмоциональным для стороннего повествователя.

Мони это заметил и уточнил:

– Это вымышленная история, да?

Тот поднял на него задымленные глаза.

– Да, конечно, – его голос враз потерял пристрастные ноты, – Ахесу был безумно влюблен в юную красавицу из знатного рода. Звали ее Мирра. Каждый, кто хотя бы раз видел эту девушку, не мог забыть ее божественной красоты. Любовь оказалась взаимной. Однако родители его избранницы были против их брака. Тогда Ахесу собрал известных своими чудесами мастеров и заказал им обручальные кольца, каких никто не видел до сих пор. Мастера работали на славу… – рассказчик выпустил дым. Странными были его клубы, какого-то облачного свойства. Неосязаемые, без табачного запаха, свободно скользили они по залу.

Мони и Прокл переглянулись, ожидая продолжения.

– Через долгие бесчисленные дни кольца были сделаны. И никто не знал искуснее творения. Многие люди с разных концов земли приезжали полюбоваться на редкое чудо. Родители красавицы были покорены. Венчание состоялось, но…

– Что произошло? – встрепенулся Прокл.

– Точно никто не знает, – Господин с трубкой вздохнул. –Как-то раз, гуляя по морскому берегу, один бедняк заметил нечто блестящее в песке. Это была шкатулка, а в ней лежали кольца.

– Интересная история, покажите, – нетерпеливо перебил Мони.

Человек с трубкой подошел к стене, коснулся ее бережно. После чего в ней отворилось окошко, из которого он вынул небольшую шкатулку.

– Вы сами–то в это верите? – внимательно посмотрел на него Прокл.

Достав из кармана нужный ключ, хозяин трубки повернул его в замке, шкатулка открылась. На ворсе богатого цвета лежали прозрачные кольца. Он наклонился к Проклу и задумчиво произнес:

– Глядя на вас, верю.

Мони взял одно из колец, и поднес к глазам:

– Я где-то уже его видел…

– Ну, разве что во сне, – улыбнулся продавец.

– Где же…, – Мони на мгновение закрыл глаза. – Где? – От неосознанных ассоциаций голова шла кругом.

– Послушай, Мони… – начал было Прокл.

– Не сбивай меня. – Мони стал придирчиво вглядываться в кольца. – Из чего они сделаны?

Господин с трубкой задумался:

– Из хрусталя.

–А что это за выемки посередине? – продолжал Мони придирчиво.

– На этот вопрос никто однозначно ответить не может. Есть предположение, что туда когда-то были вставлены камни, но…

– Итак, – перебил Мони, – хрусталь и выпавшие камни. Это не представляет ценности в сегодняшнем мире.

– Но это же реликвия! Частица древности! Если судить с точки зрения историков, то данный экспонат бесценен!

– Что ж. – Мони заметно побледнел. – И какая же у этой бесценной вещи цена?

– Зачем это тебе, Мони? – удивленно спросил Прокл.

Мони не отвечал.

–А-а, – Прокл сделал вид, будто вспомнил и попытался исправить положение. – Все это, конечно, очень интересно, мы подумаем. – Он отвел Мони в сторону. – Говорил же, давай уйдем сразу, неудобно вышло…

Господин с трубкой насмешливо произнес, указывая на рюкзак за спиной Мони:

– Какая занятная у вас вещица.

– Вы о чем? – не понял тот.

– О скрипке вашей.

– О скрипке… –Мони улыбнулся.

– Мони, что ты задумал? – не отпускал его Прокл, но Мони вырвался, изящным движением вытащил скрипку из рюкзака, совсем не удивившись, в отличие от Прокла, как она туда попала, и подал ее господину с трубкой.

– Здесь два огромных рубина, редчайшая щедрость природы – подарок отца. Так вот, предлагаю обмен.

– Да вы что, не в себе? У нас тут не ломбард, не лавка старьевщика, а…

– Нет, это вы не в себе. Вы понимаете, что я вам предлагаю? Или просто от восторга слова перепутали? Я вам за стекляшки, хотя и древности, редчайшей величины рубины готов отдать. Это, между прочим, тоже своего рода музейный экспонат.

Господин с трубкой задумался, бережно взял из рук Мони скрипку и опытными глазами исследовал камни.

– Мони, сам ты музейный экспонат! Да зачем мне, скажи на милость, эти кольца? – уже кричал Прокл.

– А ты тут вообще ни при чем.

– Ага, вот вам, человек с огненной кровью. Бушуй, Мони, бушуй! А что, как Шиварис они не понравятся?

– Кому? – недоуменно спросил Мони, – а-а-а, при чем тут…

– Как? Мы же не с тобой венчаться-то будем.

– Точно… – произнес Мони задумчиво. – В общем, так: если Шиварис не понравится, то передашь ей от моего лица, что она – просто глупая кокетка, не имеющая вкуса и не понимающая настоящего искусства, кроме дешевого ремесла кружить до одури умным людям головы. Так что, вы решились? – обратился он к оценщику рубинов.

Тот оторвался от маленького прибора, под которым лежала скрипка, и важно произнес:

– Пожалуй. Рубины настоящие.

– Разумеется, настоящие. – Мони сделал оскорбленное лицо. – Только вот что, камни можете забрать, но скрипку мне верните в целости, у меня с ней драгоценные воспоминания связаны.

Оценщик рубинов улыбнулся. – Тогда надо будет подождать.

– Сколько? – утвердительно кивнул Мони.

– Камни дорогие, работа не терпит суеты. Оставьте-ка ее мне, а завтра приходите за инструментом.

Мони недоверчиво посмотрел на говорящего.

– Вы что, думаете, мне нужна ваша скрипка? – удивился тот.

– Хорошо, я согласен, вы нам кольца, я вам камни, а завтра я приду за скрипкой. И ни днем позже.

– Как это мило: циничная заносчивость в сочетании с сентиментальностью, – прохрипел господин с трубкой. – Да вы, может, и играть умеете?

–Не смешно, – обиделся Мони. Он взял шкатулку с кольцами, направившись к выходу. – Значит, до завтра.

Ему никто не ответил.

– Смотри, Мони, наша группа, – произнес Прокл, когда они вышли из музея.

– И правда.

– Думаю, нам не мешало бы к ним присоединиться.

Прокл и Мони подошли к удивленной их внезапным появлением группе. Девушка-экскурсовод опять заняла внимание последнего, всю дорогу до туристического транспорта он не перебросился с Проклом и словом. Каждый из них думал о своем. И если мысли Мони были написаны у него на лице, то мысли Прокла нисколько не угадывались.

Автобус двинулся. Мони потерял из виду девушку-экскурсовода, с которой общался исключительно на языке многозначительных взглядов, и игра его воображения сама собой подошла к концу.

– Что, Мони, где твоя историческая дева? – мрачно поинтересовался Прокл.

– Скрылась в первых рядах. Вот что… – на лице Мони показалось беспокойство. – Предчувствие у меня плохое.

– И ты туда же? Ну и каков прогноз?

– Увы, ничего положительного. Чувствую, что курорт этот даром не пройдет. – Мони серьезно посмотрел на Прокла.

– Что, по-твоему, может нам угрожать кроме, конечно, нас самих? – принужденно улыбнулся тот.

– Ничего, – согласно кивнул Мони.

– Вот и чудно. А за себя, я надеюсь, мы можем отвечать, – заключил Прокл.

– Да. И все-таки…

– А ты не думай об этом, и я тогда, может, не стану. Смотри, какой прекрасный пейзаж! – Прокл уставился в окно, не обращая никакого внимания на пролетавшие перед ним живописные картины гор. Открыл он глаза, когда водитель с ядовитым наслаждением опять вдавил педаль тормоза.

– Прибыли, брат. – Мони встал, и, перекинув через плечо опустевший рюкзак, заботливо подал Проклу руку. – Какие сны видел? Мне так хотелось с тобой поговорить, но еще больше не хотелось будить, поэтому я остался без собеседника с невысказанными мыслями. Да что с тобой?

– Мони, поедем еще на какую-нибудь экскурсию?

– Время за вторую половину дня давно перевалило, все возможные экскурсии остались в первой. Ты болен, что ли? – Мони изменился в лице.

– Нет… – Прокл устало смотрел на друга.

– Так вставай, пойдем!

– Нет, я здесь побуду, – все тем же безжизненным голосом отвечал Прокл.

– Где? – не понял Мони. – В автобусе? Идем же! – Он торопливо пошел меж опустевших кресел.

– Заигрались мы с тобой, Мони, как все глупо… – чуть слышно проговорил Прокл и пошел следом. Какая-то непонятная сила клонила его к земле, словно выпрашивая себе глубоких поклонов. Прокл не мог ей сопротивляться, он опустил голову и принялся разглядывать мелкие камешки под ногами.

Мони задумчиво шел рядом. Вдруг он резко остановился и, закрыв глаза Прокла ладонью, попытался развернуть его:

– Я рюкзак забыл в автобусе!

– Эй, Мони, полегче на поворотах. Кстати, рюкзак у тебя за спиной! – Прокл отвел его руку. Он посмотрел на Мони с любопытством.

Тот все еще держал отведенную руку на уровне его глаз.

– Интересно, – мрачно прокомментировал Прокл. Ему пришлось приложить силу, чтобы отвести ее повторно.

– Нет! – прорычал Мони, но было поздно.

Прокл остолбенел. Он развернулся и встал спиной к увиденному.

– Так. Кто это? – спросил он упавшим голосом.

– Ну, судя по всему, она, – также упавшим голосом отвечал Мони.

– Так. – Повисла пауза. – А с ней?

– С ней? Судя по всему, он.

– Так. – Еще одна пауза. – И что это?

– Измена… – неуверенно предположил Мони.

– Измена? – Прокл закрыл глаза. – Да. Точно. Пойдем, познакомимся? – с дьявольской радостью прошептал он и, развернувшись, зашагал вперед.

Мони отправился следом. Зловещая картина, от которой обоим им стало дурно, в общем-то не представляла ничего удивительного. Такие картины довольно часты в курортной беззаботной жизни. Изображено на ней было вот что: прекрасная Шиварис в эффектном бикини, с растрепанными волосами, выглядывающими из-под соломенной шляпки, таяла в объятиях молодого человека, в котором Прокл узнал вчерашнего салатового юношу из обслуживающего персонала.

Мони и Прокл поравнялись с влюбленной парой. На лице Шиварис промелькнула глупенькая улыбка, тотчас потонувшая в пьяном безразличии. Мони отвернулся. Прокл еще долго пытался выловить разочарованными глазами хотя бы одну черту вчерашнего милого лица, но все было тщетно.

– Черт, как-то рановато для измен… – прорычал Мони сквозь зубы. – Ты, наверное, запретишь мне высказать предположение, что это ее распутная сестра-близнец?

Прокл молчал. Мони подавил в себе поток бурлящего сарказма и повиновался суровой тишине. Они поднялись в номер. Не выдержав, Мони выдохнул тихо:

– Переживем.

– Если нас не переживут, пожалуй, – глухо отозвался Прокл, опустившись в кресло. Закрыв глаза, он тотчас погрузился в сон.

Ему казалось, что он летит по темным подворотням. Стены домов проглядывали сквозь сажу ночи, их очертания вырывал прохладный лунный свет. Прокла что-то влекло вперед. Он не знал, что именно, и только подчинялся желанию. За спиной у него были крылья, которые ныли от боли. Возможно, если бы Прокл сбросил их, стало бы легче, но он не мог этого сделать, он летел вперед. Куда? Вскоре перед ним возник разрушенный город. Серебряные обломки некогда величественных колонн и башен сиротливо простирались к небу, словно моля его о защите. В том небе не было звезд. В конце темного переулка тускло горел разбитый фонарь. Несколько осколков валялись на земле. Кругом были разбросаны цветные предметы: выбитое белое окно, ярко-красная черепица крыши, алая лавочка, оплетенные когда-то сочной, теперь же высохшей зеленью золотые арки. И фонарь, разбитый фонарь. – «Вот и собрали искусный витраж жизни!» – промелькнуло где-то в подсознании. «Я не он… Наш город разрушили. Я –узник этих строк, коварно пойманный в серебряную книгу…» – внезапные мысли разбили картинку, на мгновение все исчезло. И опять: «Я – не он, не он…». Четкое понимание себя как совершенно другой личности проступило в сбивчивом сознании. «Да, не он. Я – не он» – согласился Прокл, но тут молочно-алый свет закружил вокруг него непроглядным туманом, и мыслей не стало, пропали странные ощущения, чужие чувства, воспоминания, догадки. «Я не он, не он…» – еще отдавало эхо, но тихо, едва различимо. Молочный свет, пушистый и ласковый, растекся по всему существу Прокла, защекотал животным теплом, оставив после себя лишь созерцание. Серебряных развалин и цветных обломков уже нигде не было видно. Миг – и опять темная улица, разбитый фонарь. Прокл подлетел ближе, и оказался у огромного дерева, в ветвях которого горели сотни разбитых фонарей. Задыхаясь от боли в крыльях, глотая раскаленный электрическим светом воздух, он уткнулся в пластмассовый ствол дерева, и тяжелые слезы, будто бы из свинца, одна за другой заспешили к земле, оставляя на лице сверкающие полосы. Вокруг Прокла бушевало море, но, как и дерево, у которого он стоял, море это было покинуто природой. Подобно настоящему, оно рябило в глазах, однако шум накатывающих волн казался нестерпимым, раздирающим слух: водой были осколки разбитого стекла. Волны моря с оглушительным ревом бились о берег, каждый раз подступая все ближе и ближе к Проклу. Наконец они коснулись его ног, полоснув по коже, и с неприятным скрипом и шипением, будто змеи, отползли назад, оставляя за собой победный шлейф теплой крови.

«Кровь… Как тогда...» – вспомнил Прокл, Разбившийся бокал подобен человеческой жизни, она вся в осколках, нет ничего цельного. И надо собрать искусный витраж. Это было не вино, а кровь от порезов. Я же уже догадался… – Прокл упал на землю, словно прося у нее защиты, но и она показалось ему ненастоящей, подобной ледяному кафелю, без знакомого запаха жизни. – Неправда, это все неправда!» – Он хотел подняться, увидеть спасительное небо, как вдруг резкий голос придавил его к земле:

– Тебе не сбежать из плена страниц и букв!

Прокл обнял мертвую землю, и, оставив все попытки живого движения, превратился в ее закостеневший нарост. Властный голос бил по нему, жестоко, насмешливо, методичной иглой гипноза вводя слова:

– У вас клаустромания, жажда закрытого пространства. Вам давит на глаза белый свет, вам душно на ледяном сквозняке открытых дверей, вам тесно на свободе. Вы хотите забиться в четыре привычных угла простой геометрической фигуры и ничего никому не объяснять. Забиться и смотреть оттуда робкими, запуганными глазами, как летящая со всех сторон жизнь оседает все новой и новой пылью на этой старинной земле и ее обитателях. Вы же до крайности чистоплотны, и вряд ли когда-нибудь допустите проникновения сих свободолюбивых пластов воздуха в свое скромное жилище. К тому же у вас ужасная аллергия на подобного рода «нечистоты». Изо дня в

день свежий воздух рвется в ваши закрытые окна, но вы не отпираете их из-за боязни впустить вместе с ним какой-нибудь нечаянный вирус. Вы существуете лишь в безвоздушном пространстве, этот вакуум успел даже стать для вас необходимой средой обитания. Но нельзя же жить постоянно в геометрических фигурах! Кто-то мечется по кругу, кто-то решает задачи, в основе которых треугольник, а кто-то, как вы, с четырьмя углами, но все эти люди, пусть даже на какой-то миг, находят выход из своих непростых ситуаций, покидают уютные убежища и наконец сливаются с непривычной для них реальностью. А вы? Вы даже этого не можете. Как только вы выходите из знакомых вам стен, как только начинаете понимать, что, может быть, на этот раз привычному заключению придет конец, вас сводит судорога. Обретение столь ненавистной свободы откладывается в дальний ящик, и душа властно поворачивает назад, обратно в тишину мирного спокойствия. И каждый раз в такие моменты вы очень болезненно ловите себя на мысли, что вовсе не хотите возвращаться обратно, не хотите больше этого эфемерного счастья одиночества, которое давно мучает вас постоянством. Вы отнюдь не любите беседовать со стенами, то и дело обнаруживая среди немоты свой голос. Однако покидать привычную обитель вы не намерены: если вы это сделаете, вас тотчас переполнит неутолимая жажда зла. «Как бы вцепиться во всю эту картину нарисованного мира с ее участливыми друзьями, назойливыми знакомыми, которые ежеминутно обрывают телефон – вцепиться и разорвать, как ветхий пожелтевший лист!» – станете думать вы. О, прости, создатель, отчаянную душу! Ваш негодующий порыв бессмыслен, ведь мир разорвать невозможно. А если даже и возможно, то вам, увы, уже не доведется увидеть, что будет дальше. Вместе с ним вы уничтожите и себя.

– А можно как-нибудь это обойти и выжить одному мне, выжить и остаться наконец одному? – Прокл не мог подняться с земли и говорил глухо, безжизненно, словно на его месте оказался вдруг кто-то другой.

Между тем насмешливый голос с интонацией спортивного комментатора продолжал:

–Ну что ж, попробуем! Итак, проведем эксперимент с воображением.

– С воображением? – переспросил Прокл, слова казались чужими.

– А что у вас есть, кроме него? – Иногда, как сейчас, голос менялся, холод ледяного спокойствия и уверенности в своей правоте повергал в ужас. – Ваша ненависть к окружающему миру наконец реализована. Теперь у вас есть силы разорвать его. В свирепости души вы ногтями вонзаетесь в абстрактную икону чуда, картину жизни, разрывая свет, тьму и материю разом. Однако что-то мешает вам, не дает довести дело до конца. Картина разорвана, но… У нее была прочная рамка. Эта рамка, недавно удерживавшая весь красочный мир в своих объятиях, предохраняла его от растекания по вселенной. В ней была заключена божественная драгоценность – людская жизнь. Сотни тысяч подобных картин смотрели с завистью на это совершенное творение. И вот его больше нет. Ну же, выдохните, откройте закрытые страхом глаза и скажите, что же вы видите в зияющем разрыве ненавистной картины, что видите вы в неизбежном последствии своего порыва?

– Ничего.

– Ничего?

– Лишь безграничное пространство, заполненное густой серебряной пеной…

– И все? Хм… Безграничное пространство, никаких стен и углов. Правильно! Но вам должно быть неуютно: ваша душа привыкла к заключению?

– Нет, напротив, мне хорошо. Проваляться бы в этой пене века три, а потом спуститься на землю и продолжать свою неуклюжую жизнь! Но, увы, я не могу себе этого позволить…

– Почему? – насмешливый тон потерял комментаторскую окраску и теперь резал возобновившимся холодом.

– Очень просто, из-за катастрофической нехватки времени: остывает чай, книга прочитана лишь до половины. Должны прийти друзья, а завтра…

– Стойте! Какая книга, гости и чай, мира ведь больше нет?

– Как это нет? Мир всегда был, есть и будет!

– Нет. Это невозможно, ведь вы его разорвали.

– А-а-а…

Чужой голос продлил мысленное: «А-а-а…» немного дольше, чем оно звучало в голове Прокла.

– Вам не жаль содеянного?

После глубокой паузы он выдохнул:

– Н-е-ет! Как я мог…

– Ну-ну, пожалуй, я дам вам совет по выживанию. – Опять насмешливая интонация, – Я расскажу вам, где должны застревать лифты. Итак, закройте глаза. Темнота стала вашим зрением. Через двадцать одну секунду вам станет душно, и вы захотите открыть окно. Не открывайте. На мгновение задержите дыхание. Незачем нервничать, ваша душа пребывает в безразличном спокойствии. А сейчас шагните вперед, да, да, туда, где веет прохладой. Да осторожнее, не уроните стеклянный шарик доверия ко мне, он может разбиться, и тогда вы уж вряд ли услышите следующее: за вашей спиной сейчас раздастся плавный автоматический шум. «Но почему после этого шума пол под моими ногами поплыл куда-то, как будто он не пол вовсе, а смелый ловец жемчуга?» – думаете вы. Ловец жемчуга? Хм… Да, эта нелепая ассоциация будет парить сначала где-то в закромах остроумных сравнений, а потом превратится в некую уверенность. «Сейчас моим глазам откроются нетронутые сокровища морских глубин». Но нет, нет никаких морских глубин! Пожалуйста, не открывая глаз, найдите набор клавиш на стене. Так, теперь нажмите среднюю в отдельном нижнем наборе. Ага, вы не можете, ведь, как вы помните, на этой клавише обычно рисуют две расходящиеся в разные стороны стрелки. А значит, двери немедленно откроются, и лифт, резко прекратив свое движение, застрянет. Вы напуганы? Я так и думал. Теперь послушайте, если мы прервем эксперимент, то действительно застрянем здесь навечно в компании тусклой лампочки с явно врожденным нервным тиком и горстки стекла от разбитого доверия.

Ваш палец резко вдавил нужную кнопку. Вот так сила воли! Но это еще не все. Тотчас вас оглушит пронзительный звонок, не предвещающий в повседневной жизни ничего хорошего. Вы дрожите. Вам кажется, все кончено, и теперь лишь один тупой вопрос безуспешно терзает сознание: «Куда же несется этот лифт-безумец, он же задохнется на такой глубине без кислорода? Справься со своей алчностью, тебе ведь не нужны эти бездушные горы жемчуга. Правда? Подумай о жизни…» Повинуясь философскому настроению своего вынужденного спутника, лифт остановится, раздвигая двери. Вы наконец открываете глаза: впереди – знакомая темнота, стены лифтовой шахты больше не защищают: шаг – и вы падаете в страшную неизвестность. Выраженная глухой тишиной, в безвоздушном пространстве сквозит опасность. Минуту, в которую чьи-то заботливые руки торопливо набили, как необходимые вещи в походный рюкзак, часов десять, вы завороженно смотрите на дефективную лампочку, что отчаянно борется с безжалостной темнотой, пытаясь вырвать из нее хоть какое-нибудь очертание жизни. Вдруг мягкий свет озарит пугающую реальность. Когда, пропитавшись им насквозь, вы сами засветитесь, страх, покорно поклонившись, шмыгнет в прошедшее. В ярком диапазоне своего света вы увидите лестницу, однако она покажется слишком далекой. Между вами и этой надеждой на спасение – непроглядная пропасть, ведь способностью перемещаться горизонтально лифты, как правило, не обладают. Вам страшно? Неправда. Не забывайте, что ваш страх уже переоделся в ливрею покорного слуги и готов подчиняться. Вы свободны от предрассудков и надежд. Вы невесомы оттого, что пусты: бесконечная вереница мыслей отчаянья покинула вас. В один прыжок вы перелетаете к подножью сказочной лестницы. Ступени ее уходят далеко вверх, горизонт теряет четкие очертания от головокружительной высоты. На пятнистых крыльях из пробкового дерева в один миг вы поднимаетесь на эту вершину, и тут глазам открывается нечто невозможное: разбрызгивая цветные капли, бьется о несуществующие границы фантазии вечный водоем вашей души. Безумные краски, их даже нельзя назвать яркими, таких красок глазам до того видеть не доводилось. Внезапно вы, еще не успев опомниться от охватившей вас безумной радости, бросаетесь в эти пылающие воды. Мягкие волны легко расходятся пред вами, переливаясь драгоценными оттенками.

– Никогда бы не подумал, что человеческая душа может быть настолько прекрасна… – Прокл едва мог шевелить губами.

– А если источник живительной влаги высохнет? – спросил комментатор.

– Тогда вся эта красота исчезнет, и я ее больше никогда не увижу, – голос Прокла зашевелился чужим ответом. – Я так не хочу. Я желаю быть свободным и счастливым, как сейчас. Я желаю вечно любоваться этим чудом, рассказывать о нем другим.

– Все верно. Произнесенные слова красноречиво доказывают, что вы способны вернуться, возвратиться к жизни и больше никогда не бояться ее. Идите смело! И не оглядывайтесь назад – незачем, будущее всегда интереснее прошлого, хотя бы потому, что неизвестно. Если вы не можете обрести единения со своей душой и ее гармонии с внешним миром, до сих пор путая единение с одиночеством, не надо выстраивать каменные ограды-изоляторы и наивно надеяться выжить. Поступая так, вы жестоко ошибетесь, истощив жизненные силы в вами же выстроенной тюрьме. Разумеется, на мгновения будет становиться легче, ведь если не конфликтовать с миром, если отгородится от него, то и проблема сама собой исчезнет; но разве вы согласны на самообман?

Последние слова как-то уж совсем смахивали на рекламный блок модного центра реабилитации для душевнобольных.

«Телефон не назвали, – мысленно усмехнулся он. – Куда звонить-то? – Он лежал на холодной каменной земле, и у него сильно ныли сломанные крылья. – …Свобода страниц и букв… Хитро. Да, проблемный персонаж…» Он четко ощущал в себе чужое тело с его вымышленными бедами, психологическими травмами, надуманными страхами, и в то же время это было его тело. Нет, – должно было быть, но не было. Чужая боль колотилась в висках: «Кто я? Не он, но кто, кто?»

Прокл открыл глаза.

Глава 6

Кольца и клятвы

Мони вошел в комнату с чашкой чая в руках:

– Траур окончен!

В голове Прокла еще отдавалось эхо последнего вопроса.

– Самообман, обман, ловушка, хитроумный замысел… Я – не он. Кто я…– чуть слышно озвучивал он тревожные чувства.

– Я не знаю еще, что мы будем говорить Амуру, – рассудительно начал Мони, – но, заранее уверен, он нас поймет. Притом, что все происходящее, как выяснилось – на его совести. – Мони прислушался. – Что это ты там бормочешь? Вставай, Прокл, и ни в коем случае не позволяй себе думать. Вставай, нам пора.

– Ты куда-то собрался? – сделав над собой неимоверное усилие, произнес Прокл.

– Туда же, куда и ты. – Мони подмигнул ярко-синим глазом. – Еще не знаю, но предвижу чудеса! Вставай, в твоей жизни было слишком мало событий, чтобы ставить это на первое место.

– Мони, я никуда не намерен идти, – ответил Прокл. В затекшей спине ныло, будто кости его были сломаны.

– Еще как намерен! – настаивал Мони.

– Знаешь? – Прокл жалостно посмотрел на друга. – Со мной что-то не так…

Мони пододвинул ему чашку с чаем:

– Пей.

– Да ты не понял, я…

– Тебе приснился дурной сон?

– Это был не сон. Мы – не из этой истории. Все окружающее нас – вымысел, мираж… Все, от первой до последней буквы. Понимаешь? Ты меня понимаешь? – Прокл смотрел на друга обезумевшими глазами. – Меня поймали и держат здесь, как в клетке, ну нет, не меня конечно, того, другого… – он вконец сбился.

На лице Мони, кроме повседневной усталости ничего не было, и как Прокл ни старался, ни одной черточки понимания не разглядел.

– Да выпей же чаю. Я туда кое-что добавил. Мне Амур дал, удивительная штука. Ну же, выпей, он уже остыл.

Прокл разозлился, взял чашку и выпил ее до конца. Он не почувствовал вкуса чая.

– Ну вот! Доволен? –Когда Прокл отер губы, на пальцах его осталась темно-синяя влага. Прокл этого не заметил. – Ты не слушаешь меня! Во всей этой истории что-то не так! – еще кричал он, но лицо его преобразилось. Прокл уже не помнил ни об изломанных крыльях, ни о сказочном источнике души. Разрушенный город с цветными обломками домов и разбитыми фонарями превратился в настоящий сон, о котором теперь можно было забыть.

– Отлично. – Мони удовлетворенно заглянул в пустую чашку.

– Так куда мы идем? – весело переспросил Прокл.

– О-о-о, – многозначительно протянул Мони, – мы идем на пляж.

– Но зачем? – продолжал Прокл на той же радостной волне.

– Еще не знаю. Должно быть, затем, чтоб это выяснить.

Минуту спустя друзья уже шли по дороге к заветному пляжу.

– Не могу понять, зачем она выбрала этого… – Мони запнулся.

– Салатового? – подсказал Прокл. – Я сам ничего не понимаю. В тот вечер она казалась…

– В тот вечер тебе показалось. Она лишь отражала твою оригинальность, собой являя зеркало, и только.

Прокл усмехнулся:

– Глубоко. Престранная вещь, Мони, мне ни капельки не жалко того потока недавних пережитых эмоций. Мне не больно и не тяжело. Все утекло, растворилось в обыденности. Так быстро… Почему?

Мони закусил губу.

– Вообще-то я не помню, как туда идти, – ответил он невпопад. – Где же это место? – Он огляделся по сторонам.

– Вы не найдете, Мони! – молнией скользнул ответ с потемневшего неба.

– Амур! – закричал Мони, обрадовавшись.

Перед ними возник Амур. Он принял тот облик, в котором был, когда произошла их встреча на пляже. Опять загадочное лицо его неопределенных лет обрамляли седые волосы, просторной одеждой играл порывистый ветер:

– Мы проиграли, не правда ли? – Голос Амура был спокойным. Перламутровые глаза выражали смирение. – Проиграли… – Вдруг по лицу его потекли слезы. Это были тяжелые красные капли, которые оставляли за собой алый, едва заметный след. Их сменяли другие – молочные. Но странно, черты лица Амура ничуть не исказились.

– Слезы? – растерялся Прокл.

Амур легким жестом смахнул яркие капли с лица и задумчиво произнес:

– В самом начале пути через уста предсказателя мне было дано увидеть финал своей бесславной вечности. «Твоя любовь канет в бушующие воды, ты ничего не сможешь сделать», – говорил угрюмый старец мне, пылкому юноше. Я хотел построить свою империю, возведя на престол истинную любовь. Я знал, с седьмой властью дается многое, и верил в то, что империя любви будет обретена через удачу только мне принадлежащих цифр. Я ошибался. – На лице Амура опять показались кровавые и молочные слезы.

– Но почему вы выбрали меня и Шиварис? Ведь это глупо! Какая-то курортная интрига и судьба всего человечества не должны были зависеть друг от друга! – возмутился Прокл. – Зачем вы выбрали меня? Зачем взвалили на меня груз ответственности? – Он смотрел на Амура глазами, полными осуждения.

– Я долго искал того, кто не подчинился бы моей власти, моему оружию. Как ни странно, это было не так просто… – Амур грустно улыбнулся. – Я хотел научить людей лишь одному – любить самостоятельно. Люди опять оказались не готовы сами обращаться с этим чувством.

– Амур, зачем ты плачешь? – спросил Мони, он не мог отвести глаз от лица Амура и стоял, как зачарованный.

– О, не волнуйтесь, – ответил Амур. – Это все та же маска, просто подходящая моменту, помните, я рассказывал.

– Люди не готовы самостоятельно обращаться с чувством любви? Что это значит? – Прокл едва дышал от волнения.

– Значит то, что, как и много веков назад, людям нужны слуги любви, которые будут заботливо прокалывать их сердца стрелами пылающего чувства, – с горькой усмешкой проговорил Амур. Поток цветных слез прекратил свой навязчивый бег, он продолжал. – Мне необходимо было доказать, что я сумел научить людей распознавать любовь без чьей-либо помощи, то настоящее, сложное чувство, по прочности которому нельзя найти равного. Я выбрал вас и Шиварис, но ничего не вышло. В результате сейчас мы стоим на пороге дьявольской империи, в которой людьми можно управлять через любовную власть, так как сами люди ничему не научились и не могут отличать истину от фальши. Моя задача оказалась невыполненной.

Пейзаж неузнаваемо переменился: дорога от отеля к пляжу, нарядные аллеи цветов, лавочки уединенных встреч, разбросанные тут и там столики под цветными тентами – все исчезло. Повсюду была пустыня, непроглядная однообразная даль, и в ней ледяными струями лил дождь. Три фигуры,

застывшие в скорби, обнимала стихия. Быстрые капли пронзали насквозь их онемевшие души. Гром неистово бранился с небом. Серпы молний то и дело проносились мимо. Время забыло о своем величии и нервными стрелками отстукивало неровные секунды, словно потеряло им драгоценный счет. Дождь лил до тех пор, пока через его неизмеримое пространство не проник луч заблудившегося солнца. Мони и Прокл переглянулись: они четко ощущали струи дождя, но теперь одежда их была сухой.

–…Сухая вода? – Мони перевел вопросительные глаза на стоящего перед ними Амура.

Тот ласково посмотрел в ответ. Улыбнувшись, при этом, как всегда, насытив воздух запахом всевозможных сластей, он тихо произнес:

– …Я ухожу… Вы понимаете, куда я ухожу?

– Вас сдают в утиль? – осмелился Мони.

Амур на это рассмеялся неуместным звонким смехом:

– Может, вам будет угодно сопровождать меня, Мони?

Прокл заметно побледнел:

– Вот она, та самая грань, о которой мы говорили вчера. Изволь, Мони, удержаться на ней столько времени, сколько нужно для достойного тебя решения. Но прими его, не допуская мысли о побеге, подобно трусу…

Мони перебил его:

– Я не пойму, вы предлагаете составить вам компанию по дороге к бесславной смерти?

– Я никогда ничего не предлагаю, я лишь рисую пред вами многочисленные варианты возможного, – поправил Амур.

– Так вот и посмотрим, Мони, к чему ты больше привязан, – подбодрил Прокл.

– Так нельзя, Про! я привязан к жизни, потому что я жив, к смерти я буду привязан, когда умру.

– Послушайте, Мони, вас никто не неволит, просто мне показалось, что все присутствующее в вашей жизни вы не слишком-то цените для того, чтобы в ней оставаться. К тому же я говорю отнюдь не о смерти, но о переходе в иной мир…

– Это то же самое, только сказано другими словами, – вздохнул Прокл.

– Вас, – обратился к нему Амур, – я также призываю сделать выбор. – Он отошел в сторону, но, внезапно обернувшись, добавил: – Только торопитесь, закат уже входит в силу.

– Торопиться куда? – почти шепотом произнес Мони.

– Куда бы ни было, я бы не посоветовал вам оставаться здесь…

– Почему? – Мони смотрел на Амура глазами, полными неподдельного любопытства.

– А вас могла бы устроить сладострастная шестерка и тоннель бессмысленных желаний? Вы же стремились спастись, или мне показалось?

– Как? – Мони вздрогнул. – Вы знаете мои сны?

– Сны? Вроде того… – Амур задумчиво посмотрел вдаль. – Не все, лишь те, к каким имею отношение. Я проверял вас. – Он отошел к берегу. Подобно поджидающей корабль сирене, которая пребывает в полной уверенности, что ее никто не слышит, не видит, напевал он вполголоса какой-то мотив, дивно дурманящий голову, не хуже молодого вина. Это длилось недолго и закончилось внезапно. Амур вдруг остановился.

– Неужели вы согласны и дальше бороздить и так покалеченную землю кандалами несбывшихся надежд? Это относится к вам обоим. Алчность и злоба, страх и равнодушная страсть поработят живущих на земле после моего ухода, и вы будете готовы это принять?

– Но что нас ждет, если мы выберем другое? Впрочем, не отвечайте, я согласен. – Прокл, подойдя к Амуру, подал ему руку.

– Прокл, на кого ты меня покидаешь? Я – с тобой, брат! – воскликнул Мони.

Прокл внимательно посмотрел на него:

– Значит, ты решил все-таки перешагнуть за грань?

– А почему нет? В этой жизни действительно не осталось ничего, что могло бы меня удивить или заинтересовать… Нет. Пожалуй, что нет…

– Что ж, – произнес Амур, – я знал, кого выбирать в спутники.

– Так значит решено, Мони? – В голосе Прокла была серьезность.

– Похоже, что так, – кивнул тот.

– Итак, я ухожу не один. Вы готовы мне принести клятву? – спросил Амур.

– Если это понадобится, – пожал плечами Прокл.

– Вы хорошо обдумали свое решение?

– А надо было? – Мони закатил ярко-синие глаза.

– Такие решения не обдумываются, – пояснил Прокл.

– И все же клятва? – настаивал Амур.

– Да, – с поочередной поспешностью произнесли Прокл и Мони.

– Тогда, прошу, на колени и повторяйте за мной.

Клятвенная мелодия потекла из уст Амура, растворяясь в воздухе. Слов не было – только гул, на тон ниже, на тон выше, заразительный, очищающий. Прокл и Мони подхватывали его и уносили на задний план хоровых тонов. Последняя минута клятвоприношения отлетела в мир прошлого, когда Амур произнес:

– Нужны кольца. Необходимо успеть до рассвета. – Он с тревогой посмотрел на небо, по которому начал разливаться закат.

– Кольца? – нахмурился Прокл. – Для чего?

– Для завершения ритуала посвящения, – торопливо ответил Амур. – Без них никак нельзя.

– Что? – удивился Мони, подняв глаза на Амура.

Вместо почтенного старца перед ними стоял молодой человек. Он был одет в строгий белый костюм, волосы убраны под высокий цилиндр.

Прокл отшатнулся.

– Как все-таки люди зависимы от красоты… – Амур покачал головой:

– Я бы тебя поправил, Мур, – деловито встрял Мони, – не зависимы, а, скорее, падки! Я таким его уже видел, – вполголоса пояснил он Проклу, – вчера.

– Мы, кажется, не переходили на фамильярные уменьшительные, – с упреком заметил ему Амур.

– Да брось, – махнул рукой Мони, – мы же почти ровесники.

Амур снисходительно улыбнулся:

– Однако мы отвлеклись. – Он пристально посмотрел на стоящих перед ним Мони и Прокла. – Итак, кольца.

– Прокл, у нас же есть кольца! – воскликнул Мони.

– Кольца? – Это звенящее слово заставило Прокла вздрогнуть.

Амур начертил в воздухе квадрат. Подобно кирпичу в плотной стене, тот вывалился из пространства, открыв загадочный тайник. Все с тем же спокойствием Амур аккуратно вытащил оттуда знакомую Проклу и Мони шкатулку и протянул ее им

Лицо Мони исказила внезапная грусть:

– Не успели…– произнес он упавшим голосом, о чем-то вспомнив. – Не успели забрать мою скрипку.

– Значит это были вы? Это вы все подстроили? – догадался Прокл.

– Ты – о чем? – Мони удивленно посмотрел на друга.

– Я уже сказал, я проверял вас, – тихо ответил Амур.

– Вы обманули нас! – Прокл казался растерянным.

– А, это были вы… – наконец догадался и Мони, – надо же…– изумленно добавил он, – вы курите трубки…

– А вы крадете сигареты у портье, – ответно упрекнул Амур.

Мони помрачнел.

– Ну-ну,– приободрил его Амур, – вы все никак не освоите урок масок.

– Но зачем? Зачем вам был нужен этот маскарад? – с раздражением в голосе спросил Мони.

– Зачем... – Амур вздохнул. – Слишком много мифов и легенд из одних уст.

– И только? – усмехнулся Мони.

– Боялся прослыть сказочником, – развел руками Амур.

– А моя скрипка?.. – Мони не договорил.

– Может, вы станете моим скрипачом? – В руках Амура вдруг появилась скрипка с выгравированной на ней маскарадной маской. Он протянул инструмент Мони.

– А вы будете меня поить вдохновением? – обрадовался тот.

– Думаю, нам это уже не понадобится. А вы…– обратился Амур к Проклу, – станете ли вы моим художником?

– Художником? – Прокл удивленно смотрел на Амура.

– Моя яркость – лишь видимость, ваши краски куда ярче моих, к тому же вы уравняли их числом. Никто так не умеет чувствовать оттенки и изобретать все новые полутона.

– Но мои рисунки в простом сером цвете?

– Серебряном, – поправил Амур. – Ну и что же, заставьте солнце погаснуть, и на земле будет то же. Ярким может быть не только то, что вы видите ярким, но и то, что вы чувствуете таковым.

В душе Прокла, наверное, впервые за его одинокую жизнь возникло то неуловимое ощущение, которое обычно испытывают, говоря с единомышленником.

Мони разглядывал свою скрипку.

– Рубинов нет. Она ослепла? Так даже лучше. – Он вздохнул. – Зачем мы вам? Скрипач и художник для охраны? – обратился Мони к Амуру с недоверием в голосе.

Амур помолчал, прошелся вдоль берега и, глядя куда-то в небо, задумчиво произнес:

– Нам теперь бродить по бездорожью… Все возможные пути остались позади. Фантазия, знаете, выход. Будем расширять, воображать пространство. – Амур заглянул в ярко-синие глаза Мони, вдруг громко добавив: – Сколько воды идет на нас… Мы не подумали о приливе. Назад, скорее! – уже кричал он.

Мони с Проклом отбежали к столикам прибрежного кафе и заняли один из них. Теперь они сидели друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза.

– Ты это слышал? – Мони порывисто дышал.

Прокл кивнул:

– Но куда он делся?

– Не знаю. – Мони вглядывался в ночную мглу. – А вдруг он ушел, вдруг мы сейчас просто… – он не договорил.

– Перестань, Мони, это не сон!

– Слушай, Прокл, ты ведь о подобном мечтал…

– А ты – нет?

– Не перебивай! Когда ты был влюблен, ты ведь не был так счастлив?

– Ты прав. Но это другое, да и потом, что, ты думаешь, я сейчас не влюблен?

– Да брось, Прокл, она и слова одного твоего не стоит, это ими у меня брошюра-то была забита.

– Нет, я не ее люблю, я люблю…

– Интересно…

– Я влюблен в свою фантазию, Мони. – Прокл с упреком посмотрел на друга.

– Не понял, – Мони тряхнул золотоволосой головой, – значит, в Амура не влюблен?

– Нет, – снисходительно ответил Прокл. – Ты сказки в детстве читал? Знать должен, что сказка всегда заканчивается там, где начинается…

– Жизнь? – подсказал Мони.

– Верно. Они женятся или, может быть, только находят друг друга, а дальше, дальше что? Неосязаемая нежность, цепкие чувства, жаркая страсть! Где это все? – голос Прокла зазвучал глуше. – Этого нет. Не может быть, не бывает.

– Об этом просто не пишут, – пожал плечами Мони.

– Потому что писать не о чем. Дальше конец. Дальше – это все то, что нас окружает. Сказка не может уживаться среди мира, жизни, она где-то за пределами. Здесь – только ее счастливый конец. А там, может быть, именно там, куда зовет нас Амур, есть продолжение.

– Продолжение… – повторил Мони. – Ясно, значит, сказка…

– Назови это красотой, – предложил Прокл.

– Пусть, назову красотой… – согласился Мони. – Но ты ведь все же пытался ужиться здесь, не среди сказочных персонажей. Среди людей. Или мне показалось? – Мони пытливо смотрел на друга.

– Не совсем… я, знаешь, хотел здесь сказку обрести, привить ее к дереву жизни.

Мони усмехнулся:

– Ну да, опять идея, поражающая своей новизной.

– Всякая сказка подходит к концу, – вздохнул Прокл. – Герои дольше не живут, а если бы даже и жили…

– То было бы скучно? Я уловил?

– Точно. Сказка всегда кончается вовремя. Она всегда кончается.

– Возьми другую, – предложил Мони.

– Там то же. У писателей не хватает сил перелиться со своей фантазией в реальный мир и пристроить вымышленных героев в жизни. Я согласен, пусть я начитался книг, пусть я решил строить красоту на земле, подобно многим, но я-то понимал, в отличие от них, что красота слишком кратковечна, она исчезнет рано или поздно. Ты думаешь, почему я тогда так на кольца-то смотрел? Я потом только понял это: я хотел, как в книжке…

– Закрыться обложкой? – подсказал Мони.

– Последней страницей. Хотел победить, срезать, знаешь ли, верхушку счастья.

– А что потом?

– Ну, вот собственно, и ничего…

– Эй, Прокл, да ты ж не победил?

– Да, но я добрел до финала и, веришь ли, счастлив. – Прокл опустил глаза. – Я дочитал до своего счастливого конца.

– И убегаешь?

– Верно. Убегаю.

– Утопист утоп в утопии… – траурно подтвердил Мони. – Что бы ты делал, если бы не Амур?

– А что делают все неудачники?

– Ну, это смотря какие: сильные характером или слабые духом, здесь варианты имеются… – деловито произнес Мони.

– Ну что бы делал ты?

– Я? Я в роли неудачника? По-твоему, я…

– А по-своему ты кто?

– Да… – Мони вздохнул, – …но я бы все же постарался.

– Ага, не этим ли ты занимаешься всю свою ветреную молодость? Стараешься.

Полупрозрачный туман носился в воздухе, обволакивая их голоса. Море успокоенно отступило и тихо дышало в предрассветной дреме.

Глава 7

Новый рассвет

Сколько времени? – с тревогой в голосе спросил Прокл.

– Времени? Ты думаешь о том же, о чем и я? Кого-то не хватает? Нас одурачили и бросили? – Мони понизил голос. –А может, его смыло прибоем?

– Мони, – перебил Прокл, – я только спросил, сколько времени.

Мони нехотя посмотрел на часы.

– Время принять решение, – ответил Амур, вдруг появившись из ниоткуда.

– Мур! – Мони вскочил с места. – Где же ты был?

Амур не ответил, положив перед Проклом сверток.

– Что это? – Прокл нетерпеливо развернул его. – Мой альбом?

– Не хотелось бы вам, наверное, исчезнуть с лица земли совершенно? – Амур с улыбкой посмотрел на Прокла. – Пусть будущие мистики голову ломают, я не против, даже интересно.

– Но это же не портреты, это просто закат. Его многочисленные варианты. Последний рисунок даже не завершен… Боюсь, тайны не выйдет, – неуверенно возразил Прокл.

– Возьмите, Прокл. – Амур протянул ему что-то в ладони.

– Ластик? – недоверчиво спросил тот.

– Освободите место в центре вашего рисунка.

– Зачем? – растерялся Прокл.

– Я не смогу объяснить.

– Должно быть, результат увидят будущие мистики, – догадался Мони.

Прокл освободил ластиком место в центре рисунка:

– Так?

– Да. Хорошо, – оценил Амур. – Так и оставьте.

Прокл положил рисунок обратно в папку с серебряными завязками.

– Вам никогда не приходило в голову, что это не закат, а рассвет? – спросил Амур вполголоса.

– Рассвет… – повторил Прокл изумленно.

– Идите за мной. – Амур подошел к самому берегу. Успокоившиеся волны касались его высоких белых каблуков. Он вынул из кармана шкатулку, открыл ее и, сорвав с богатого ворса венчальные кольца, положил их себе на ладонь. Затем, сняв кольцо со своего пальца, он поместил его между ними.

– Вот где я видел это кольцо! – досадливо заметил Мони,

Яркий свет, исходящий от красного рубина в кольце Амура, ударил по двум другим, воспламенив в них такие же камни. Алые его лучи преломлялись и падали на землю, играя бликами.

– Стойте, – вдруг произнес Мони, – откуда третье кольцо? В той истории, что вы вчера рассказали, об этом ничего не было…

– Я рассказал легенду, которая живет на земле, никто здесь не знает ее продолжения.

– А вы? – нетерпеливо перебил Мони, – вы знаете?

Амур тяжело вздохнул.

– Этот мир рисует Ахесу положительным героем, ну так что ж… Ахесу никогда им не был. – Он помолчал. – Помолвка состоялась. Кольца, так сказать, пришлись впору. Но, как это часто здесь бывает, любовь имеет привычку устаревать. И устаревать слишком быстро. А кольца ведь

никак не могут сохранять это чувство, они не являются признаком любви, лишь воспоминанием о ней… – Амур надел свое кольцо на палец, о чем-то задумавшись. – Лишь воспоминанием…

– Так что произошло с Ахесу и Миррой? – прервал его задумчивость Прокл.

– Измена. Человеческая измена.

Прокл вспомнил о Шиварис, и ему стало не по себе.

Амур продолжал:

– Ахесу встретил другую. Красота в сочетании с надменностью и страстью… – Амур помолчал. – Не будем говорить о причинах: измена может быть понятна, но оправдана – никогда. Узнав об этом, Мирра навсегда ушла из его жизни, уступив место сопернице. Та потребовала к новой церемонии венчания новую пару колец, но только в точности копирующую первую. Такие же, как те, что были созданы для них с Миррой. Это с ее стороны была жестокая насмешка, ведь история сказочных колец облетела чуть ли не весь мир, впрочем, как и история сказочной любви Ахесу и Мирры. – Амур горько усмехнулся. – Ахесу повиновался, и другая пара колец была сделана.

– Как все просто! – Прокл развел руками.

– Значит, четыре кольца? – В ярко-синих глазах Мони блестело любопытство. – Но здесь – всего три?

– Кольцо Мирры, истинной любви было утеряно… Как и мое кольцо.

– Ахесу – это вы? – Прокл старался скрыть удивление.

– Некогда я выбросил их… Кольца истинной любви. Принц тьмы бросил в воду не камень, то была шкатулка с кольцами.

– Камень и принц тьмы? – скрывать удивление у Мони никак не получалось. – Сколько же у вас лиц?

– Принц тьмы… – повторил Амур раздраженно, – я оброс мифами.

– Но как вы вернули те кольца?

– Море вернуло, вынесло на берег, мне под ноги. Однако в том футляре было лишь одно кольцо.

– Как-то раз, гуляя по морскому берегу, один бедняк заметил нечто блестящее в песке, – вспомнив, процитировал Прокл.

– Согласитесь, забавно спустя столько времени слышать о себе небылицы… – улыбнулся Амур.

Все трое прошли в молчании несколько шагов.

– Самое ужасное в том, что Ахесу любил ее, как прежде любил Мирру… Это было роковым наваждением страсти. – Амур вздохнул.

– Тому должно быть объяснение. – Мрачность Прокла приобрела оттенки злости.

– Прокл прав. Разве может быть две невероятные любви в судьбе одного человека? Тому должно быть какое-то невероятное объяснение.

– Оно было. – Амур опять вздохнул. Его внешняя молодость в этот момент никак не вязалась с той трагической интонацией, с какой были сказаны эти слова. – Я недаром рассказал вам прежде миф о любви. История Ахесу и Мирры – это история о любви… самой любви.

– Мирра — это божество? – Мони недоуменно посмотрел на Амура.

– Она спустилась на землю, чтобы испытать саму себя. Вторая возлюбленная Ахесу была та же Мирра, надевшая маску страсти.

– Та же… – Прокл был потрясен развязкой.

– Сила всех колец, и той, и другой пары, заключалась в красных камнях, что были вставлены в них, – продолжал Амур. –Два из них я нашел в вашей скрипке. Это камни из второй обручальной пары.

– В моей скрипке? – удивился Мони. – Эти камни были в моей скрипке? ...

– Опасаться не за что. Главное, в чьих руках находится сила, и с какой целью ее использует владелец. Сила сама по себе не окрашена в черный или белый цвет. Только когда она попадает в руки человека, он способен придать ей то или иное значение.

– Почему вы до сих пор носите то кольцо, из первой пары? – спросил Мони.

– Я… Зачем ношу… – Амур что-то напряженно вспоминал. Голос его стал тише, слова замедлились. Он закрыл глаза и вдруг увидел серебряные шпили башен, маленькие цветные домики с ярко-красной черепицей. Амур протер глаза. Но видение не исчезло, только дополнилось расплывчатым образом –теперь рядом с ним стоял человек. Этот человек был ему некогда очень дорог. Амур протянул к нему руку, желая окликнуть, назвать по имени, тогда видение растворилось. Неявные воспоминания сделались мучительными. – Предательство, предательство… – прошептал Амур в смятении.

– Амур, – позвал Мони, коснувшись его плеча. – Амур, что с тобой?

Амур поднял на него отрешенные глаза.

– Все происходящее – вымысел… Это не я… На самом деле… – Он не мог подобрать слов. –Мой брат предал меня…За что?

– Вам плохо? – Прокл подал ему руку.

Обессиленный, Амур оперся на нее.

– О чем это вы говорите? – с сомнением в голосе спросил Прокл.

–Говорю? – не понял Амур. Он смотрел вокруг прежним спокойным взглядом.

–Да. Только что, – подтвердил Прокл.

–Не помню. Вы кажется, что-то спрашивали о моем кольце?

Заботливая прохлада от равномерного дыхания моря освежала.

Мони кивнул:

– Я спрашивал, почему вы продолжаете его носить.

– Это просто память… – ответил Амур грустно.

– Ясно, просто память. Что ж, плохой из тебя писатель, Про. Роман под названием «Шиварис» не удался, а за неудачей всегда следует бесславие и мрак. Вот нам за тебя страдать и придется. Прости, что задел твое самолюбие. Однако это – правда.

Прокл вдруг резко остановился:

– Не сходится! – произнес он, глядя в упор на Амура. – Я ведь уже однажды был влюблен. Почему вы не пришли проверить мою любовь тогда? Она была настоящей…

Амур покачал головой:

– Вы, хотя и написали свой первый роман, все это оказалось вымыслом, никак не любовью. Тот роман принадлежал перу вашей фантазии – богатой вдове угрюмого одиночества. – Он помолчал и шутливо добавил: – Дружить со вдовами вообще опасно.

– Вымыслом… – Прокл устремился в воспоминания

– Разве вы не могли догадаться, что вторая книга Прокла будет в том же жанре: она тоже окажется вымыслом? – обратился Мони к Амуру. – Неужели вы надеялись на то…

– Нет, –перебил Амур. –Я давно разучился надеяться, мне все известно. Надежда для меня – лишнее чувство, ведь мне открыты все возможные варианты жизни.

Мони чуть не сбила с ног коварная догадка:

– Так вы знали, чем закончится эта история?

– Знал. Однако я пришел за вами. Почему бы мне не рискнуть напоследок? – произнес Амур спокойно.

– Но зачем надо было обманывать нас? – в голосе Прокла звучало осуждение.

– Я не обманывал. Я дал вам задание. Я рискнул. Я любопытен, хотел еще раз проверить.

– Проверить? – переспросил Мони. – Зачем?

– Тем более зная, что мы не справимся, зачем? – повторил Прокл.

– Говорю же, я любопытен. – Амур молодцевато подмигнул перламутровым глазом. – Не мог же я вас просто пригласить с собой, тогда бы вы не пошли. Считайте это своим посвящением…

– Вот как. Что ж, я согласен. – Прокл протянул Амуру руку. Мони, бросив все недопонятые мысли, зеркальным жестом повторил его движение.

Амур остановился, взял одно из рубиновых колец и надел на палец Прокла. Затем его двойником увенчал и руку Мони:

– Не думайте сейчас, у вас еще будет время на сомнения, Мони. Ваша жизнь… – он посмотрел на Прокла. – заполнена фотографиями прошлого, пыльные альбомы занимают живое пространство, не давая пробиться свету, но пора забыть о воспоминаниях, вы ведь свободны.

– Только без поцелуев, Мур, – привычно зарычал Мони. – Я хотя Прокла и люблю, все же не настолько. Сам можешь, если хочешь.

Амур проигнорировал его насмешку:

– Теперь нам нужен экипаж.

– Экипаж? – в одно слово сошлись голоса Мони и Прокла.

По-ребячески приложив два пальца ко рту, Амур свистнул изо всех сил – свирельное эхо отдалось в пространстве. До сих пор мирно спавшее море встрепенулось, порывистый ветер, подобно гибкому змею, проник во все щелки раннего утра.

– Прокл! – воскликнул Мони, вдруг различив что-то на горизонте. – Посмотри, посмотри туда! Неужели это… – Нелепые ассоциации штурмовали воображение.

Прокл машинально приложил руку к глазам.

– Значит, оставить сомнения и воспоминания прошлому? – Мони усмехнулся.

Вдалеке из толщи темного моря неслись им навстречу прекрасные кони. Их было трое. Они словно бы летели по воздуху, едва касаясь воды. На берегу влажный песок под их копытами, подобно настоящему, золотому, стал рассыпаться в стороны богатыми пригоршнями.

– Миф оживает, – проговорил Прокл вполголоса.

– Да, – согласился Мони. –Похоже на то,

–А вот и наш экипаж, – улыбнулся Амур.

– Как-то я брал уроки верховой езды, – между прочим заметил Мони. – Давно это было…

Когда животные приблизились, Амур жестом остановил их, и те послушно замерли в ожидании. Мони и Прокл подошли ближе. Мелкие ракушки унизывали косматые серые гривы.

– Живые келпи, Мони!

– Ага. Должно быть, у Амура их целый табун…

– Прошу вас, – Амур подвел коней к своим спутникам.

– Я давно не практиковался, – отрезал Мони, не сдвинувшись с места.

– О, для келпи это не имеет значения… – загадочно ответил Амур, подходя к одному из коней. – Вы убедитесь в этом сами. – С этими словами он вскочил на сказочное создание и помчался вперед. От резкого движения с головы его слетел белый цилиндр. Подхваченный морским дыханием, тот унесся куда-то вдаль.

Мони и Прокл переглянулись. Двое других коней стояли смирно и явно ожидали седоков.

– Подожди, Амур! – закричал Мони вслед уносившемуся вдаль Амуру, вскакивая на одного из них.

– Ну, хорошо. – Прокл последовал его примеру.

– Куда же дальше? – спросил Мони негромко, догнав Амура.

– Вперед, – отозвался тот. – Нам некуда спешить, поедем медленнее.

Игривый выспавшийся ветер налетел на всадников.

– …Мы не к лицу этому веку… – произнес Амур задумчиво, – …все нам знакомые понятия переосмысливаются до противоположностей. Они теряют первоначальную значимость…

Мони хотел возразить, но не успел.

– Да, да и вы, Мони, выходите из моды, вы уже практически в нашей колоде обветшалых, потрепанных суетливыми руками жизни карт, не старайтесь себя обособить. Вы не войдете в переиздание нового века. Несомненно, ваша красота по-прежнему будет привлекать, но за ней по новым правилам должна находиться пустота, надувное величие, а вы – отнюдь не пустота, нет.

Мони и Прокл посмотрели на Амура. Легкая волна густых светлых волос обрамляла лицо его.

– Вы, кажется, превзошли красотой самого Мони, – заметил Прокл не без иронии.

– Где твоя шляпа, Мур? Дай мне хоть уйти из этого мира без конкурентов, – обиженным голосом проговорил Мони.

Амур молча протянул ему венок, сплетенный из цветов, которых Мони раньше никогда не видел: слепяще белые, огненные и серебряные краски создавали необычный узор. От цветов исходил приятный сладковатый запах.

Мони неуверенно взял венок.

– Вот она, кондитерская фабрика. – Он надел венок на голову и к своему удивлению заметил, что на голове Амура появился такой же.

– Да… – поравнялся с ними Прокл.

Амур смущенно улыбнулся, протянув ему третий венок. И как будто бы свет разлился от этой улыбки, в утреннем сумраке начали вырисовываться крыши еще спящих кафе и отеля.

– Восход новой эпохи, – произнес Амур со вздохом, – увы, не нашей. – Он первым вырвался вперед.

Прокл и Мони скакали следом. Они еще о чем-то переговаривались, но голоса становились все тише. Ветер провожал их, бережно заглушая слова. Через какое-то время трое всадников вовсе исчезли с горизонта.

Море нежно целовало берег, на котором еще виднелись причудливые следы от конских копыт, словно бы множество жемчужных раковин были вынесены в эту ночь на берег и смыты волной обратно в недра. Опечаленный отсутствием трех спутников ветер нашел на столе прибрежного кафе альбом с серебристыми завязками и теперь играл его страницами. Он так увлекся, перебирая в своих бесчисленных руках непонятные листки, что из альбома выпал один из них. Рисунок упал на сырой от росы песок, и на нем расцвела картина рассвета, словно она, подпитавшись влагою, проявилась красками. Внизу, под просыпающимся солнцем, бьющей в глаза лазурью простиралось море. В центре рисунка можно было различить три фигуры удалявшихся всадников. Они медленно утекали вдаль. Ветер аккуратно поднял листок с песка. Тотчас краски на нем погасли, сменившись прежним серебристым холодом. Между тем на небе в брачной неге с первым днем новой эры пробуждалась заря. Раскидав алые ленты по подушкам облаков, она осторожно открывала глаза, со стыдливой лаской озираясь вокруг. И поэтому еще несколько часов на земле лежал сумрак, продлевавший сон ни о чем не подозревающих людей. Жизнь разгоралась неохотно. Жизнь разгоралась.